

**СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

№ 10/2

2012

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научно-практический журнал

Журнал зарегистрирован
Министерством РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовой коммуни-
каций от 15 мая 2002 г.
Свидетельство о регистрации ПИ № 10-4711

Учредитель – Южный федеральный университет
Главный редактор – член-корр. РАО, д.биол.наук,
профессор Ермаков П.Н.

Журнал издаётся с 1996 г., выходит 4 раза в год
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
Научно-практический журнал
2012 г. ➤ № 10/2

Ответственный секретарь –
Попова Л.В.
Компьютерная верстка – Чеха А.П.

Редакционный совет

д.пед.наук, профессор Акопов Г.В.	д.пс.наук, профессор Марьин М.И.
д.пс.наук, профессор Асмолов А.Г.	д.пс.наук, профессор Перелыгина Е.Б.
д.пс.наук, профессор Аллахвердов В.М.	д.пс.наук, профессор Попов Л.М.
д.пс.наук, профессор Богоявленская Д.Б.	академик РАО, д.пед.наук, профессор Рубцов В.В.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Бондырева С.К.	член-корреспондент РАО, д.пс.наук, профессор Реан А.А.
д.пс.наук, профессор Дебольский М.Г.	д.пс.наук, профессор Рыбников В.Ю.
д.пс.наук, профессор Забродин Ю.М.	д.пс.наук, профессор Смирнов С.Д.
д.пс.наук, профессор Знаков В.В.	д.пс.наук, профессор Тхостов А.Ш.
д.пс.наук, профессор Зинченко В.П.	канд.пс.наук, доцент Цветкова Л.А.
д.пс.наук, профессор Карпов А.В.	д.пс.наук, профессор Черноρίζов А.М.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Климов Е.А.	академик РАО, д.пс.наук, профессор Шадриков В.Д.
д.пс.наук, профессор Леонтьев Н.И.	д.пс.наук, профессор Шмелев А.Г.
д.пс.наук, профессор Малофеев Н.Н.	академик РАО, д.пс.наук, профессор Фельдштейн Д.И.

Редакционная коллегия

д.пс.наук, профессор Абакумова И.В.	д.пс.наук, профессор Рюмина Л.И.
д.биол.наук, профессор Бабенко В.В.	д.пс.наук, профессор Сидоренков А.В.
канд.пс.наук, профессор Васильева О.С.	д.пс.наук, профессор Скрипкина Т.П.
д.пс.наук, профессор Воробьева Е.В.	д.пед.наук, профессор Федотова О.Д.
д.пс.наук, профессор Джанерьян С.Т.	д.пед.наук, профессор Фоменко В.Т.
канд.пс.наук, доцент Дикая Л.А.	д.филос.наук, профессор Шкуратов В.А.
д.пс.наук, профессор Лабунская В.А.	

Адрес редакции:

344038, Ростов-на-Дону,
пр. Нагибина, 13, ком. 243.
Тел. (863) 243-15-17; факс 243-08-05
E-mail: rpj@psyf.rsu.ru

Подписано в печать 12.06.2012.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Myriad Pro.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 9,33.
Заказ № 116/10. Тираж 1000 экз.

Подготовлено и отпечатано DSM group.
ИП Лункина Н.В. Св-во № 002418081. г. Ростов-на-Дону, ул. Казахская, 35.
E-mail: dsmgroup@yandex.ru, dsmgroup@mail.ru

Перепечатка материалов только по согласованию с Редакцией.
© Северо-Кавказский психологический вестник

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Мустафаева Э.М. Культура как фактор, определяющий отношения между людьми	5
Погонцева Д.В. Современное представление женщин о красивом мужчине	9
Федосова Ю.Д. Субъектно-личностные детерминанты самоограничений в общении	13
Дроздова Е.В. Социально-психологические особенности значимых других, оказывающих влияние на самооценку внешнего облика членов студенческих групп	15
Качанов А.Ф. Развитие личностных качеств у студентов-психологов, способствующих эффективности в общении	19

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Афанасенко И.В. Специфика самоотношения и способов его формирования у субъектов разного возраста в связи с полом	23
Тащёва А.И., Киреева Л.Е. Восприятие супружеских отношений в связи с представлениями партнеров о «двухкарьерном» браке	27
Обухова Ю.В. Психологические аспекты изучения взаимосвязи между интеллектуальными особенностями и Я-концепцией личности	31
Доценко И.А. Взаимосвязь и взаимовлияние профессионального и индивидуально-личностного «акме» у психологов на разных этапах овладения профессией	35
Артамонов Д.Г. Психологические аспекты анализа произведений искусства	38
Гримсолтанова Р.Э. Методология восприятия вторичного образа	43
Лагодина Е.В. Архитектура как текст. Семиотический анализ архитектурного пространства	47

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Горенштейн Н.И. Память о Холокосте – один из аспектов воспитания толерантного самосознания	50
Забурденко А.А. Дидактические основы развития альтернативного позиционирования как компетенции у студентов разной познавательной направленности	53

Мазина А.К. (Падашуль А.К.) Исследование особенностей проявления синдрома дефицита внимания и гиперактивности у детей дошкольного возраста	55
---	----

РЕЗЮМЕ ВЫПУСКА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	59
---	----

НАШИ АВТОРЫ / OUR AUTHORS.	66
---	----

КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ

Мустафаева Э.М.

В статье рассматриваются понятия культуры и межкультурных исследований, даны характеристики наук, изучающих влияние культуры на отношения между людьми, сделан краткий обзор социокультурных аспектов манипулирования, освещаются классические теории психологии межкультурных различий.

Ключевые слова: культура, межкультурные различия, типология культур, русская культура, манипуляция личностью.

Культура в современном понимании – это все то, что не рождено природой, а сотворено человеком для облегчения своего искусственного, т. е. человеческого состояния. Сам термин «культура» родился в древней Греции и первоначально означал «обработку земли», позже он был связан с религиозным понятием «культ». А с эпохи Просвещения понятие «культура» начало употребляется для характеристики определенных исторических эпох (античная культура и др.), конкретных обществ, народностей и наций (например, культура майя), а также специфических сфер деятельности или жизни (культура труда, политическая культура, художественная культура и т. п.); в более узком смысле – сферы духовной жизни людей.

По мере развития человечества формируются различные культуры. Из общего смыслового поля, накопленного человечеством, каждая культура усваивает ценности, делая их своими – социокультурными ценностями, и человеческие отношения регулируются и претерпевают влияние, прежде всего, со стороны культурных ценностных установок, характерных для данного этноса [8].

В современном мире насчитывается огромное количество различных культур и народов, отличающихся друг от друга индивидуальными, семейными, профессиональными и психологическими особенностями. Признание множественности культур привело исследователей к введению понятия национальная культура – совокупности символов, верований, ценностей, норм и образцов поведения, которые характеризуют человеческое сообщество в той или иной стране. Национальное и общечеловеческое – две взаимосвязанные стороны развития культуры как целостности.

Опыт XX в. показал, что различные группы стран, национальностей делятся не по регионам, а по своим

культурным, национальным особенностям, каждая из которых формировалась самостоятельно и каждая важна в общечеловеческом процессе.

О глубокой взаимосвязи между культурами различных народов еще в XVIII в. говорил Гердер, объясняя явления истории человеческого общества. Он обратил внимание на тот факт, что культура любого народа развивается не изолированно, а опирается на достижения и исторический опыт других народов. В качестве примера Гердер приводит культуру древней Греции, подчеркивая ее взаимосвязь с древнеегипетской культурой и одновременно отмечая влияние ее на культурные традиции древнего Рима [2].

Во время завоеваний, географических открытий и торговых путей у людей возник интерес к проблеме межкультурных различий. В.В. Кочетков отмечает, что еще в путевых дневниках купцов, полководцев и первооткрывателей содержались наблюдения о различиях в поведении и культуре представителей разных народов. Первоначально наука, которая описывала эти различия, называлась этнография (от «этно» – народ и «графо» – пишу). Постепенно количество наблюдений увеличилось до такой степени, что возникла потребность обобщить их и осмыслить. Возникла этнология. В 1860 г. В. Вундт приступил к изданию фундаментальной десяти томной «Психологии народов». Почти одновременно Г. Штейнталь и М. Лацарус приступили к изданию журнала «Психология народов и языкознание». В нашей стране Г.Г. Шпет – создатель первой кафедры этнической психологии в МГУ – считал, что Россия с ее сложным этническим составом представляет благоприятные возможности для изучения психологии народов. Однако в 1930-х гг. исследования были прекращены по идеологическим соображениям. На Западе же, особенно в США, исследования

не прекращались. А. Кардинер, Р. Линтон создали теорию «базовой структуры личности», А. Инкелис – «модальной личности».

Не смотря на большое количество исследований в области взаимовлияния и взаимосвязи различных культур, лишь в последние годы пришло осознание необходимости введения новых дисциплин в рамках психологической науки с целью более детального изучения различных аспектов восприятия других культур и расширение сферы межкультурных исследований.

Сейчас влияние культуры на психику человека изучают несколько наук – культурная антропология, психологическая антропология, этническая психология, кросс-культурная психология и психология межкультурных различий. Культурная антропология изучает культурно обусловленные традиции, привычки, ритуалы, в основном у экзотических народов. Психологическая антропология изучает влияние культуры на личность и мышление на стыке психологии и культурной антропологии. Кросскультурная психология изучает психологию индивидов, принадлежащих к разным культурным и этническим группам. При этом фокус делается на изучении универсального в поведении человека, несмотря на различия в культуре. Психология межкультурных различий изучает различия в психологии индивидов, принадлежащих к разным культурным и этническим группам.

Психология межкультурных различий, в отличие от кросс-культурной психологии, по определению В.В. Кочеткова, – это изучение различий в психологии индивидов, принадлежащих к разным культурным и этническим группам. В отличие от этнопсихологии, изучает различия между, а не внутри культур. От кросс-культурной психологии она отличается тем, что делает акцент не на изучении общих для разных культур психологических универсалий, а на психологических различиях между ними [3].

При этом В.В. Кочетков выделяет следующие классические теории, которые оказали наибольшее влияние на развитие психологии межкультурных различий.

1. Концепция культурных измерений Г. Хофстеде. Голландский социолог Гирт Хофстеде в 1986 г. открыл культурные измерения – определенный набор ценностей, установок, верований, норм и моделей поведения, которыми одна культура отличается от другой.

Главное культурное измерение – индивидуализм / коллективизм. Основными ценностями индивидуалистических культур являются: уважение прав человека, высокая ценность человеческой жизни. Индивидуальные цели важнее групповых, что может благоприятно повлиять на развитие манипулятивных наклонностей. Наиболее индивидуалистические

культуры сложились в западных странах, в первую очередь США, Великобритании, Австралии, Канаде, Нидерландах. Основными ценностями коллективистской культуры является взаимовыручка, гостеприимство, щедрость. Поведение человека определяется принадлежностью к группе. Групповые цели важнее индивидуальных, ценность отдельной человеческой жизни низкая и всегда приносится в жертву интересам группы. Наиболее коллективистские культуры сложились в странах Азии и Латинской Америки: Япония, Тайвань, Гонконг, Сингапур, Перу, Колумбия.

В мужественных культурах высока ценность материальных вещей, власти и представительства, более сильная мотивация к достижению. Ценится стремление к успеху, забота о высоком достатке, настойчивость, жесткость и агрессивность в достижении целей. В работе представители мужественных культур видят смысл жизни. Они склонны много и напряженно работать, мало помогают другим. К мужественным культурам относятся Германия, Япония, Италия, Ирландия, Австрия, кавказские народы. В женственных культурах главными являются духовные ценности: смысл жизни, воспитание, духовное развитие человека. Ценятся забота и внимание. Представители женственных культур помогают слабым и сочувствуют неудачникам. Наиболее успешной считается деятельность в сфере сервиса. К женственным культурам относятся Скандинавские страны: Швеция, Норвегия, Финляндия, Дания, Нидерланды.

В культурах с высокой дистанцией власти власть является основной ценностью. Она дает огромные преимущества тому, кто ею обладает. Для достижения успеха в таких культурах требуются услужливость, конформизм, авторитарность. Представители культур с высокой дистанцией власти считают, что люди рождаются неравными и у каждого свое место в жизни. Дистанция между социальными слоями значительна. Предпочитается жесткое руководство. Культуры с высокой дистанцией власти сложились в России, Франции, Бельгии, латиноамериканских и ближневосточных странах. Члены культур с низкой дистанцией власти ценят равенство, уважение, знания, способности. Власть не дает особых льгот и привилегий в социальном плане и рассматривается как обычная общественная деятельность. Подчиненные считают себя такими же людьми, как их руководители, и последние разделяют это мнение. Это характерно для США, Германии, Великобритании, Австрии, Финляндии, Дании и Норвегии.

Представители культур с высоким уровнем избегания неопределенности имеют более высокий уровень тревожности, нетерпимы к двусмысленности, больше беспокоятся о будущем, больше сопротивляются любым изменениям. Высокий уровень присущ Португалии, Греции, Германии, Перу, Бельгии,

Японии, России, странам Латинской Америки, Африки, Ближнего Востока. Культуры с низким уровнем избегания неопределенности имеют более низкий уровень стрессов, допускают разногласия в своей среде и характеризуются большей склонностью к риску. Представители этих культур менее напряжены и более раскованы. Низкий уровень характерен для Швеции, Дании, Норвегии, США, Ирландии, Финляндии, Нидерландов и Гонконга.

2. Моноактивные, полиактивные и реактивные культуры (Р. Льюис). Моноактивные культуры (от лат. «mono» – один и «active» – действие) допускают выполнение только одного дела в единицу времени. Поэтому представители моноактивных культур планируют свою жизнь в определенной последовательности и составляют расписания, иногда на несколько месяцев и даже лет вперед. К моноактивным культурам относятся, прежде всего, немцы и швейцарцы. Время движется линейно из прошлого через настоящее в будущее. О прошлом стараются не думать, детально планируют настоящее и беспокоятся о будущем. Полиактивные культуры (от лат. «poli» – много и «active» – действие) допускают выполнение нескольких дел в одно время. К полиактивным культурам относятся итальянцы и латиноамериканцы. В полиактивных культурах событие может быть отменено или передвинуто. В реактивных культурах время движется не линейно, а по кругу, в соответствии с естественными природными циклами: восходом и заходом солнца, сменой времен года. Вместо того чтобы решать проблемы последовательно одну за другой, жители Востока кружат вокруг них, как вокруг озера. Они курят кальян и никуда не торопятся.

3. Американский антрополог Э. Холл разделяет высококонтекстуальные и низкоконтекстуальные культуры в зависимости от их отношения к контексту. Контекст – это информация, окружающая и сопровождающая событие. Высококонтекстуальные культуры (Восток) отличает: невыраженная, скрытая манера речи, многозначительные и многочисленные паузы; серьезное значение придается невербальному общению и умению «сказать глазами»; избыточность информации излишня, поскольку все и так ясно; конфликт разрушителен и под любыми предлогами избегается; открытое выражение недовольства неприемлемо ни при каких условиях. Высококонтекстуальные культуры присущи Японии, Китаю, Корее, Саудовской Аравии. Низкоконтекстуальные культуры (Запад) отличает: прямая и выразительная манера речи, недоверие к молчанию; невербальное общение менее значимо; все должно быть выражено словами и всему должна быть дана ясная оценка; недосказанность ассоциируется с недостаточной информированностью говорящего; конфликт созидателен и часто

применяется для решения назревших проблем; в отдельных случаях возможно открытое выражение недовольства. Низкоконтекстуальные культуры характерны для Скандинавских стран, Германии, Канады, США.

Исходя из описанных выше теорий, русская культура, на наш взгляд, может быть охарактеризована как женственная культура, с высокой дистанцией власти, с высоким уровнем избегания неопределенности. Скорее всего, она полиактивная, низкоконтекстуальная культура.

Согласно мнению Л.И. Рюминой, Россия может быть отнесена к непрагматичным культурам, ориентированным на достоинство, Я-зависимым культурам, для которых характерно стремление к полному пониманию других со знанием того, как они чувствуют, думают и способны взаимодействовать с ними.

В целом, как можно заметить, именно социокультурные особенности предопределяют отношения между представителями этноса. Поэтому от них зависит, в первую очередь, будут ли эти отношений строиться на диалогических основаниях, либо на основе манипуляций как психологического воздействия одного индивида на другого, с целью выполнения последним воли первого.

Как уже отмечалось выше, многие культуры формировались независимо друг от друга, и, как известно, все культуры прошли мифологическую стадию в своем развитии. Е.Л. Доценко, обратившись к обзору художественной и мифологической литературы, приходит к выводу, что «хитрости, уловки, интриги – весьма почитаемые и достойные богов поступки». Кроме того, как пишет автор, мифологический и сказочный культурный фон многих народов не только характеризуется благосклонным отношением к уловкам и хитростям, но даже возводит их в ранг поощряемых действий. Тому есть веская причина: манипуляция все же предпочтительнее, чем физическая расправа или прямое принуждение. Но главной ценностью – именно ценностью – оказывается выигрыш, победа, ради которых все эти хитрости изобретаются [3].

Однако, исходя из вышеописанного отнесения русской культуры к различным видам культуры, можно отметить, что для русского этноса главными являются духовные ценности: смысл жизни, воспитание, духовное развитие человека. Ценятся забота и внимание, помощь слабым и сочувствие неудачникам, что будет мешать осуществлению манипуляций. Власть обладает ценностью. Дистанция между социальными слоями значительна и она дает огромные преимущества тому, кто ею обладает. Для достижения успеха в этой культуре требуются услужливость, конформизм, что может способствовать манипулированию, но в тоже время и авторитарность,

жесткое руководство, что предполагает, открыто применяемое насилие.

Представители русской культуры имеют достаточно высокий уровень тревожности, нетерпимы к двусмысленности, больше беспокоятся о будущем, больше сопротивляются любым изменениям. При этом допускают выполнение нескольких дел в одно время, а то или иное событие может быть отменено или передвинуто. Для них характерна прямая и выразительная манера речи, недоверие к молчанию, стремление к оценке и выражению мысли, прежде всего, словами, а не средствами невербального общения. Таким образом, представители русского этноса склонны к прямолинейности, открытой, а не характерной для манипуляций скрытой, коммуникации.

Л.И. Рюмшина добавляет, что в отношениях с другими у русского этноса выражена, с одной стороны, потребность в близких контактах и взаимопонимании, с другой – доверчивость. Для представителей русского этноса характерна готовность пожертвовать своим «Я», чтобы не нарушить гармонию с другими, поэтому общение с другими сопровождается у них вниманием, сочувствием, заботой о близких. При этом у русского этноса, как «взаимозависимого» можно наблюдать конформизм в отношении близких «других» (прежде всего, семьи), которые представляют определенную ценность. Вместе с тем конформизм в отношении «других» – чужих практически не проявляется. Рациональность часто заменяется эмоциональностью и в процессе мышления: русский человек способен больше обсуждать пройденный путь, чем обдумывать дальнейший, больше оглядываться назад, чем заглядывать вперед. Согласно Л.И. Рюминой, самосознание русского этноса формируется на основе «слитности» собственного «Я» с «Я» другого человека, что будет мешать манипулированию. Это

находит выражение в продуктах русской культуры (фольклоре, языке, религии, литературе, философии) и конкретных научных исследованиях [8].

Однако, кроме социокультурных предпосылок манипулирования, существуют еще и предпосылки, создаваемые тем или иным общественным устройством, в условиях которого формируется личность, малыми институтами социализации (семьей, школой, студенческим коллективом и т. д.). Иными словами, манипулятором не рождаются, им становятся, и зависит это от целого спектра факторов, где культурной принадлежности отводится одна из главных ролей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов А.Г. Психология личности: учебник. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 367 с.
2. Гнатенко П.И. Национальный характер: мифы и реальность. – Киев: Вища школа, 1984. – 152 с.
3. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: монография. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 344 с.
4. Коул М. Культура и мышление: Психологический очерк. – М.: Прогресс, 1977. – 262 с.
5. Кочетков В.В. Психология межкультурных различий. – М: ПЕР СЭ, 2002. – 416 с.
6. Пузаков А.В. Междисциплинарные исследования взаимодействия культур // Сайт для изучающих английский язык, студентов, преподавателей вузов и переводчиков. – URL: <http://study-english.info>
7. Рюмшина Л.И. Игры и манипуляции в межличностном общении. – Ростов н/Д: ИРУ, 1997.
8. Рюмшина Л.И. Социокультурные предпосылки манипулирования // Психологический вестник РГУ. – 1999. – Вып. 4. – Ч. 1. – С. 115–119.
9. Рюмшина Л.И. Психология манипулирования людьми (ценностно-смысловой аспект). – Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2003.

СОВРЕМЕННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЖЕНЩИН
О КРАСИВОМ МУЖЧИНЕ**Погонцева Д.В.**

В статье приводится теоретический анализ работ по психологии, в которых затрагивается проблема формирования представлений о мужчине в целом и о мужской красоте. Приводятся работы, в которых отражены различные феномены восприятия внешности мужчины как «красивой» и категоризацию мужчин по шкале «красивый-не красивый», приводятся определения «денди» и «метросексуал» как синонимичные к понятию мужской красоты. Приводятся данные эмпирического исследования представления женщин о мужской красоте.

Ключевые слова: красота, внешний облик, оценка, мужчина, денди, метросексуал.

В современной науке все чаще поднимается проблема изучения представлений об идеальной внешности и красоте, что диктуется активным развитием рекламы косметических средств, фитнес-центров, спа-салонов, пластических операций). Каждая вторая реклама демонстрирует современные «идеалы красоты», стандарты, к которым следует стремиться. Следует так же подчеркнуть, что в данном контексте мы говорим об эстетическом идеале, как об образе «должной красоты», который существует в сознании человека, являясь «высшим субъективным критерием эстетического отношения к действительности во всех его видах» [8]. В свою очередь, внешний облик – это конструкт, который является полисемантическим, ценностно-смысловым образованием, на интерпретацию которого влияет весь комплекс характеристик ситуации общения, встроенной в определенный социокультурный контекст. В.А. Лабунская [5] указывает на то, что внешность личности определяется как совокупность устойчивых (физиогномика, индивидуально-конституциональные характеристики человека), среднеустойчивых (оформление внешности: прическа, косметика, украшения, одежда) и динамических параметров выражения (экспрессивное, невербальное поведение), организующихся в пространственно-временные структуры и перестраивающихся по ходу развития психофизиологических, психологических и социально-психологических компонентов структуры личности миром. Таким образом, можно отметить, что современная «индустрия красоты» влияет не только на изменения среднеустойчивых и динамических параметров, но и активно влияет на устойчивые параметры (фигура, телосложение).

В начале 90-х гг. американский журналист Марк Симпсоном [14] ввел понятие метросексуал для опи-

сания мужчин, которые уделяют большое количество времени своему внешнему виду и уходу за ним, при этом понятие «метросексуал» не взаимосвязано с сексуальной идентичностью мужчины. Позже было также введено понятие «ретросексуал» – мужчина, который придерживается традиционных взглядов на мужественность. В России, одной из первых, вопрос о метросексуалах подняла О. Вайнштейн в начале 2000 г. [1, 2], сравнивая данный феномен с феноменом «денди» [2]. После чего данный феномен не раз затрагивался в различных работах по искусствоведению, культурологии и в рамках гендерных исследований [6, 7]. Сам по себе феномен «денди» относят к рубежу XVIII–XIX вв. и, как указывает Бодлер, девизом денди было: «Жить и умереть перед зеркалом» [цит. по 10, с. 241]. В противовес метросексуальности, приводится феномен «мачизма», как яркое проявление мужественности и маскулинной идентичности мужчины [4]. Однако данная проблема редко освещается с точки зрения отношения к данному феномену, его восприятия людьми и их представлениях о том, на сколько красивый мужчина должен быть ухоженным, и как должен выглядеть красивый мужчина. М. Кирьянов и В. Степанов [3] выделили иную классификацию современных мужчин. Наряду с метросексуалами, авторы выделяют «гару-о» и «бобо». Термин «гару-о» ввел редактор популярного японского журнала, это неологизм слов: девочка и мужчина. Представители движения гару-о гетеросексуальны, однако мужественный мужчина, в их представлении является пережитком прошлого. Идеал современного юноши – модный, красивый и женственный. Другая категория выделяемая авторами – «бобо» или богемная буржуазия. Разница между метросексуалом и бобо заключается в наличии у бобо вкуса, которому они

уделяют большее значение, чем сексуальной привлекательности.

В большинстве современных зарубежных исследований мужская красота чаще всего становится объектом исследования в психологии рекламы, рамках изучения поведения потребителей и реже – при изучении «брачного поведения».

С. Чу, Р. Хардакер, Дж.Е. Лицетт (S. Chu, R. Hardaker, J.E. Lycett, 2007), изучая одну из самых распространенных межкультурных шуток о том, что «красота мужчины прямо пропорциональна размеру его кошелька», подтвердили данный феномен, объяснив его генетическими задачами женщины – воспитать потомство [11]. В своем исследовании женщины оценивали привлекательность внешнего облика мужчин, представленных на фотографиях. В ходе анализа полученных результатов, фотографии были поделены на две группы: на первых были мужчины, обладающие привлекательным внешним обликом, а на вторых – мужчины, обладающие не привлекательным внешним обликом. Далее на фотографии с мужчинами, обладающими не привлекательным внешним обликом, была добавлена информация о размере их банковского счета и уровне заработной платы (вся информация была значительно завышена), в то время как на фотографии с мужчинами, обладающими привлекательным внешним обликом, была также добавлена информация о размере их банковского счета и уровне заработной платы, однако вся информация была искажена и уменьшена. В результате женщины оценили мужчин, основываясь на информации об их экономическом достатке: чем выше достаток, тем выше оценка привлекательности внешнего облика.

Другая группа ученых Дж. Парк, А. Баанк, М. Вилинг (J.H. Park, A.P. Buunk, M.B. Wiering) выдвинули предположение о том, что наиболее красивыми являются спортсмены. Основываясь на результатах предыдущих исследований Дж. Парк и др. [13] отмечают, что атлетизм – сексуально отобранная черта, которая сигнализирует генное качество. Также следует учитывать, что не все спортивные состязания равны, однако они обладают различным уровнем престижности. Некоторые спортивные состязания (например, футбол) всегда и всюду популярны, тогда как другие спортивные состязания (например, боулинг) из всех сил пытаются только быть воспринятыми как спорт. Утверждалось, что более престижные спортивные состязания – те, которые более честно сигнализируют гендернозначимые черты (например, сила, выносливость, проворство). Авторы также выдвигают идею о том, что, если есть различия между разными видами спорта, то и могут быть отличия в зависимости от роли игроков внутри определенного направления, в зависимости от их статуса и роли в игре. В своем исследовании они предлагали женщинам оценить привлекательность внешнего вида

спортсменов. В первой части исследования женщины оценивали спортсменов и не спортсменов, выяснилось, что спортсменов женщины оценивали как более привлекательных. Во второй части эксперимента женщины оценивали только спортсменов, но на всех фотографиях было подписано, какую позицию в игре занимают спортсмены. Следует отметить, что в футболе существует 4 позиции: вратарь, защитник, полузащитник (хавбек) и нападающий (форвард), в то время как в хоккее с мячом существует только три позиции: вратарь, защитник и нападающий. В каждом из этих двух видов спорта существует капитан, один из игроков, координирующий работу команды на поле (обычно самый опытный или просто лучший игрок). В их исследовании было выявлено, что наивысшие оценки получают вратари, форварды и капитаны команд. Таким образом, при оценке привлекательности внешнего облика важен не только показатель атлетизма (спортивности), но и то, какую роль в команде играет спортсмен [12]. Подобное исследование также проводили Дж. Хонеккоп, У. Рудольф, Л. Беиер, А. Лиеберт и К. Мюллер (J. Honekopp, U. Rudolph, L. Beier, A. Liebert, C. Muller). Они выявили, что информация о том, занимается ли мужчина, который демонстрируется на фотографии, спортом, влияет на оценку его как привлекательного [12]. Таким образом, они подтвердили результаты Дж. Парка, А. Баанка, М. Вилинга [13] о том, что на выбор партнера и на оценку внешней привлекательности влияет такой параметр, как информация об атлетической подготовке. Дж. Хонеккоп, У. Рудольф и др. [12] также отмечают, что информация о том, что мужчина на фотографии курит и/или употребляет наркотические вещества, снижала оценку его внешней привлекательности.

Однако до сих пор не рассматривается проблема отношения женщин к мужчинам, которые ухаживают за собой, насколько важна категория ухоженности для того, чтобы оценить мужчину как красивого. Для этого мы опросили 100 женщин в возрасте от 15 до 30 лет, которым предложили оценить гендерную идентичность красивого мужчины по методике исследования гендерной идентичности (МИГИ) М.В. Бураковой, а также попросили ответить на вопросы авторской анкеты, которая включала 14 вопросов, направленных на выявление представлений о том, должен ли мужчина быть ухоженным, и как именно красивый мужчина должен ухаживать за собой (посещать салоны красоты, СПА-процедуры, умение модно одеваться). При составлении вопросов мы отталкивались от идеи М. Симпсона о том, что метросексуалы являются «активными потребителями модной косметической продукции и индустрии».

На первом этапе мы выявили гендерную идентичность красивого мужчины. В ходе проведенного ис-

следования было выявлено, что большинство участников приписывают красивому мужчине маскулинную, полотиичную, гендерную идентичность (78 %), реже – андрогинную гендерную идентичность (18 %), также были участницы, приписавшие красивому мужчине фемининную гендерную идентичность (4 %).

Следует отметить, что данная методика предлагает классический набор характеристик, описывающий маскулинную идентичность, который включает такие характеристики, как: аналитически мыслящий, сильный физический, обладающий лидерскими качествами. В то же время большинство женщин (98 %) отметили, что красивый мужчина должен быть ухоженным.

На следующем этапе мы провели процедуру кватилирования и выделили те характеристики, которые женщины значимо чаще приписывают красивому мужчине: любящий ($M = 6,37$); мужественный ($M = 6,21$); обаятельный ($M = 6,2$); чистый ($M = 6,2$); счастливый ($M = 5,98$); искренний ($M = 5,97$); независимый ($M = 5,95$); действующий как лидер ($M = 5,78$); обладающий лидерскими качествами ($M = 5,77$); сильный физически ($M = 5,7$); умеет носить костюм/смокинг ($M = 5,59$). В нижний кватиль попали характеристики, которые большинство участников исследования считают не приемлемыми для красивого мужчины: необязательный ($M = 2,24$); женственный ($M = 2,24$); равнодушный ($M = 2,1$); неестественный ($M = 1,96$); делает маски для волос ($M = 2,23$); ухаживает за кожей вокруг глаз ($M = 2,22$); делает салонный маникюр ($M = 2,01$); делает салонный педикюр ($M = 1,83$); красит волосы ($M = 1,73$); наносит на ногти лак в оздоровительных ($M = 1,7$) или эстетических ($M = 1,33$) целях. Таким образом, наравне с высокими оценками по характеристикам, описывающим маскулинную идентичность, можно выделить негативное отношение к тем параметрам, которые описывают ухоженность мужчины.

Также мы попросили девушек описать фигуру красивого мужчины. В качестве стимульного материала нами были использованы изображения мужского тела, разработанные К.М. Yager. Данный стимульный материал включает в себя 9 изображений мужского тела, которые соответствуют различным показателям ИМТ (индекс массы тела – соотношение роста и веса) и соотносятся с показателями ВОЗ от «недостаточный вес» до «ожирение третьей степени». Участником предлагалось выбрать изображение фигуры, которая в наибольшей степени соответствует их представлению о фигуре красивого мужчины. Далее нами был проведен корреляционный анализ, который показал, что существует прямая корреляционная взаимосвязь между возрастом участников исследования и представлениями о красивой фигуре мужчины ($r = 0,17$). Таким образом, чем старше участники

исследования, тем больший вес они приписывают красивому мужчине. Кроме того, можно отметить, что женщины приписывали красивому мужчине диапазон показателя ИМТ от фигуры № 2 до фигуры № 5. Так, около 11 % женщин описали мужчину как обладающего нормальным весом (нижняя граница нормы на грани с истощением), 74 % выбрали физиологическую норму, и около 15 % женщин указали фигуру «с предожирением».

В ходе корреляционного анализа была выявлена обратная корреляционная связь между возрастом участников и такими характеристиками, как: «умеет модно одеваться» ($r = -0,31$ при $p = 0,005$), «умеет подбирать и использовать аксессуары» ($r = -0,22$ при $p = 0,005$), чистый ($r = -0,23$ при $p = 0,005$), а также прямая корреляционная зависимость между возрастом и такими характеристиками, как: аналитически мыслящий ($r = 0,23$ при $p = 0,005$) и самодостаточный ($r = 0,24$ при $p = 0,005$). Таким образом, более взрослые участники исследования реже наделяли красивого мужчину такими характеристиками, как чистый, умеет модно одеваться, умеет подбирать и использовать аксессуары, и чаще приписывают такие характеристики, как самодостаточный и аналитически мыслящий.

Таким образом, мы можем говорить о том, что, не смотря на то, что в российской действительности стали использовать понятие «метросексуал», в представлении женщин красивый мужчина обладает характеристиками классической мужественности. Само же понятие «ухоженности» относительно к мужчинам не включает такие характеристики, как салонный маникюр и педикюр, использование декоративной косметики и чрезмерный уход за внешностью, хотя приветствуется умение изысканно одеваться и использовать различные мужские аксессуары (запонки, галстуки, шарфы).

ЛИТЕРАТУРА

1. Вайнштейн О. Поэтика дендизма: литература и мода: о жанре «модного» романа // Иностранная литература. – 2000. – № 3. – С. 296–308.
2. Вайнштейн О. Денди: мода, литература, стиль жизни. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 640 с.
3. Кирьянов М., Сепанов В. Купить мужчину. – М.: РИП-холдинг, 2008.
4. Котовская М.Г., Шалугина Н.В. Анализ феномена мачизма // Общественные науки и современность. – 2005. – № 2. – С. 166–176.
5. Лабунская В.А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. – Ростов н/Д: Феникс, 1999. – 608 с.
6. Лёвочкина А. Денди XXI века // Гендерные различия: Материалы IV межвузовской конфе-

- ренции молодых исследователей «Гендерные отношения в современном обществе: глобальное и локальное» (22–23 октября 2004 г.) / Отв.ред. М.В. Рабжаева. – СПб.: Алетейя, 2005. – С. 353–356.
7. Муслимова О. Метросексуализм как новый тип мужественности // Гендерные различия: Материалы IV межвузовской конференции молодых исследователей «Гендерные отношения в современном обществе: глобальное и локальное» (22–23 октября 2004 г.) / Отв.ред. М.В. Рабжаева. – СПб.: Алетейя, 2005. – С. 368–370.
 8. Погонцева Д.В. Представления современной молодежи о внешней красоте женщины // Российский психологический журнал. – 2008. – Т. 5. – № 4. – С. 110–112.
 9. Столович Л.Н. Категория прекрасного и общественный идеал. – М.: Искусство, 1969. – С. 8.
 10. Шиффер Д. Философия дендизма. Эстетика души и тела (Кьеркегор, Уайльд, Ницше, Бодлер) / пер. с франц. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2011. – 296 с.
 11. Chu S., Hardaker R., Lycett J.E. Too good to be "true"? The handicap of high socio-economic status in attractive males // Personality and Individual Differences. – 2007. – Vol. 42. – Issue 7. – P. 1291–1300.
 12. Honekopp J., Rudolph U., Beier L., Liebert A., Muller C. Physical attractiveness of face and body as indicators of physical fitness in men // Evolution and Human Behavior. – 2007. – № 28. – P. 106–111.
 13. Park J. H., Buunk A.P., Wieling M.B. Does the face reveal athletic flair? Positions in team sports and facial attractiveness // Personality and individual differences. – 2007. – Vol. 43. – Issue 7. – P. 1960–1965.
 14. Simpson M. The Metrosexual Noughties // The 'Daddy' of the Metrosexual, the Retrosexual & Spawner of Sporno. – URL: <http://www.marksimpson.com/blog/2010/01/07/the-metrosexual-noughties>.
 15. Yager K.M. Body image, body dissatisfaction, dieting and disordered eating and exercise behaviours of trainee physical education teachers: investigation and intervention // A thesis submitted in fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy, Faculty of Education and Social Work The University of Sydney. – 2007. – June.

СУБЪЕКТНО-ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ
САМООГРАНИЧЕНИЙ В ОБЩЕНИИ**Федосова Ю.Д.**

Рассматриваются различные подходы к понятию самоограничения, его взаимосвязь с межличностным общением, в котором оно функционирует, как субъектно-личностное ограничения себя одним или двумя партнерами. Приводятся основные результаты эмпирического исследования, цель которого заключалась в том, чтобы, учитывая социально-демографические характеристики субъекта общения (пол, возраст), а также его мотивационно-ценностную сферу, выявить гендерно-возрастные различия в выраженности тенденции к самоограничению.

Ключевые слова: самоограничения/ограничения, межличностное общение, гендерно-возрастные различия, субъект, ценностные ориентации.

Актуальность исследования. В современном научном дискурсе проблема ограничения/самоограничения, в большей степени, рассматривается в философской литературе. В античной философии А. Августин [1] определял самоограничение как один из способов достижения добровольного акта обретения моральной свободы от внешних привязанностей, заблуждений и страстей. В.П. Шкоринов [9] отмечает, что под самоограничением следует понимать субъективно-личностное, добровольное ограничение человеком самого себя, ограничение, идущее не извне, а как внутренняя интенция сознания и осуществляемое им на основе личных убеждений и потребностей. Другие авторы, например А.А. Столяров [1], рассматривают самоограничение как полный или частичный отказ от некоторых объектов реальной действительности или от осуществления каких-либо действий для достижения определенных целей. В психологических исследованиях о феномене самоограничения упоминает Р.М. Грановская [2], которая рассматривает и связывает данный феномен с такими понятиями, как «самоотречение» и «самоотвержение». Л.Ф. Шеховцова [7] и Ю.М. Зенько [3] рассматривают самоограничения в рамках святоотеческой психологии, связывая его с понятием добродетели. В.Ю. Антонов считает, что самоограничение неразрывно связано с понятием свободы: «Свобода есть человеческое отношение, оптимальная форма связи человека с другими людьми, а через них и с собой, и миром в целом, адекватный (соответствующий природе бытия) способ его существования как личности. Свобода неотделима от конкретной исторической и социокультурной ситуации, целеустремленности, избирательности;

это – всегда свобода в каком-то определенном отношении ...». Д.А. Леонтьев [4] рассматривает самоограничения через феномен самодетерминации, связывая его с личностным потенциалом и свободой, характеризуя свободу как определённую форму активности и ответственность как определённую форму регуляции, которые слившись, порождают феномен самодетерминации – свободной саморегулируемой активности зрелой личности. «Там, где они не сливаются, возникают феномены квазиответственности, лишенной свободы, и квазисвободы, лишенной ответственности» [4, с. 56].

В.И. Моросанова [5] отмечает, что самоограничение связано с осознанной саморегуляцией, которое предполагает достижение «внутренних» целей самореализации и самосовершенствования своих субъектных и личностных качеств и с направленностью на изменение своего состояния и поведения. Также автор выделяет, что «базисным сущностным признаком человека как субъекта своего многообразного бытия является его способность к целенаправленной активности, ее инициации, построению и управлению. Субъектность проявляется при этом, в первую очередь, в самодетерминации, в самостоятельной организации и управлении, т.е. по существу в осознанной саморегуляции своей деятельности во всех ее содержательных и структурных моментах. Таким образом, именно способность к осознанной саморегуляции и является психологическим критерием человека как субъекта» [5, с. 81]. Это отмечает и К.В. Карпинский [7], связывая самоограничение с таким понятием как субъектность – это высшее и интегральное проявление способности личности к саморегуляции и самодетерминации в определенном

виде произвольной человеческой активности, пишет автор, которое базируется на личностном потенциале, аккумулированном по ходу индивидуального развития [7]. Исходя из вышеперечисленных характеристик самоограничения, можно предположить, что в сфере межличностного общения самоограничения будут функционировать как субъектно-личностные ограничения себя одним или двумя партнерами. Данное субъектно-личностное ограничение будет проявляться в полном или частичном отказе от определенных видов общения, от способов и стратегий взаимодействия, от переживания и сопереживания определенных событий, от различных видов отношений и взаимоотношений. Поэтому одной из главных функций самоограничения в сфере межличностного общения является определение границ и пределов взаимодействия, ведущих к такому типу общения, которое соответствует ценностно-потребностной сфере субъектов общения, их социально-психологическим свойствам. В основе выбора самоограничений лежит механизм угрозы базовым ценностям, связанным со сферой общения.

Цель исследования: изучение взаимосвязей между субъектно-личностными особенностями участников исследования и выраженностью самоограничения.

Предмет исследования: субъектно-личностные особенности и выраженность самоограничения.

Гипотеза исследования: комплекс субъектно-личностных особенностей может быть взаимосвязан с уровнем выраженности самоограничения.

В качестве эмпирического объекта исследования выступили 2 возрастные группы респондентов. Первая группа в возрасте 20–25 лет (25 мужчин и 25 женщин). Вторая группа респондентов 45–50 лет: мужчин – 25, женщин – 25. Общая выборка составила 100 человек.

Методиками эмпирического исследования выступили тест-опросник А. Мехрабиана «Измерение мотивации достижения», методика «УСК» (Дж. Роттер), методика «Ценностные ориентации» (М. Рокич), а также авторская методика «Измерение выраженности тенденции к самоограничению», которая была разработана непосредственно для данного исследования. Методика разрабатывалась с учетом ценностного подхода (В.П. Шкоринов), в нее включены восемь ценностей, которые респондентам предлагается оценить (от 1 до 5 баллов) по шкале «степень значимости» и по

шкале их реализации. Сумма этих 2-х шкал является количественным показателем выраженности общей тенденции к самоограничению.

С целью обработки полученных данных использовались следующие математические процедуры: Statistica 6.0; методы анализа Wilcoxon Matched Pairs Test и Mann-Whitney.

Результаты и выводы. Полученные данные эмпирического исследования показали, что респонденты с низким уровнем выраженности тенденции к самоограничению характеризуются низкой мотивацией к достижению успеха и экстернальностью. Основными терминальными ценностями для них выступают: «здоровье», «познание», «свобода», «творчество», а первоочередными инструментальными ценностями являются такие качества как: «жизнерадостность», «чуткость», «широта взглядов», «образованность», «честность». Для респондентов с высоким уровнем выраженности тенденции к самоограничению характерна высокая мотивация достижения успеха и интернальность. Основными терминальными ценностями для них выступают «активная деятельная жизнь», «интересная работа», «материально обеспеченная жизнь», «наличие хороших и верных друзей», «продуктивная жизнь», а в качестве «ведущих» инструментальных ценностей – «исполнительность», «независимость», «рационализм», «самоконтроль», «твердая воля». Таким образом, проведенное исследование подтвердило выдвинутую гипотезу и позволило выявить, что комплекс субъектно-личностных особенностей может быть взаимосвязан с уровнем выраженности самоограничения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антология мировой философии: в 4-х томах. – М., 1969. – Т. 1. – Ч. 2.
2. Грановская Р.М. Психология веры. – СПб., 2004. – 350 с.
3. Зенько Ю.М. Психология и религия. – СПб.: Алетейя, 2002. – 250 с.
4. Соловьёв В.В. Средневековая философия. – М., 1996. – 510 с.
5. Шеховцова Л.Ф., Зенько Ю.М. Элементы православной психологии. – СПб., 2005. – 198 с.
6. Шкоринов В.П. К проблеме самоограничения // Философские науки. – 1991. – № 3. – С. 135–143.

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ЗНАЧИМЫХ ДРУГИХ, ОКАЗЫВАЮЩИХ ВЛИЯНИЕ
НА САМООЦЕНКУ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА ЧЛЕНОВ
СТУДЕНЧЕСКИХ ГРУПП****Дроздова Е.В.**

В статье рассматриваются социально-психологические характеристики значимых других, являющихся и не являющихся «значимыми оценщиками внешнего облика» в студенческой группе.

Ключевые слова: значимые другие, внешний облик, студенческие группы.

В последнее время в социальной психологии наблюдается устойчивый интерес к изучению проблемы «значимого другого» [1, 2]. Но, несмотря на огромное количество исследований, посвященных данной тематике, до сих пор неизученными остаются социально-психологические особенности значимых других, способных оказывать влияние на самооценку внешнего облика членов студенческих групп.

Студенчество в качестве отдельной возрастной и социально-психологической категории выделено в науке относительно недавно [4]. Как возрастная категория студенчество соотносится с этапами развития взрослого человека, представляя собой «переходную фазу от созревания к зрелости» и определяется как поздняя юность – ранняя зрелость (18–25 лет). Данный период характеризуется интенсивностью межличностного взаимодействия, расширением круга общения. По мнению Н.Д. Твороговой [5], большое значение для студентов имеет такой фактор, как значимость той группы, в которую они включены. Для студентов особенно велико влияние референтных групп в связи с избеганием конфликта между Я-концепцией и реальным состоянием личности.

Самооценка внешнего облика человека является важной составной частью Я-концепции как обобщенного представления о самом себе, системе установок относительно собственной личности. На формирование Я-концепции оказывают влияние многочисленные формальные и неформальные группы, в которые включен человек. В процессе взросления, по мнению многих авторов [4], все более весомым в развитии Я-концепции становится значение опыта социального взаимодействия в формальных и неформальных группах. Наибольшее число исследований посвящено соотношению самооценки подростков и их социометрического статуса в группе.

Нами было проведено исследование, цель которого заключается в выявлении социально-психологических особенностей значимых других.

Предметом исследования выступили самооценки и групповые оценки внешнего облика, виды социометрического статуса и преобладающие отношения к другому у молодых людей, оказывающих влияние на самооценку внешнего облика членов студенческой группы.

В проведенном нами исследовании проверялась гипотеза о том, что самооценки, групповые оценки внешнего облика, выраженность преобладающих отношений к другому и определенных социально-психологических статусов в группе могут отличаться у студентов, являющихся и не являющихся «значимыми оценщиками внешнего облика» членов студенческой группы.

Эмпирическим объектом исследования стали студенты (27 человек, из них: 22 девушки и 5 юноши) – «значимые оценщики внешнего облика», и студенты (20 человек, из них: 15 девушек и 5 юношей), не имеющие в учебной группе статуса «значимого оценщика внешнего облика». Всего 47 человек в возрасте от 19 до 22 лет, 37 девушек и 10 юношей.

Методы исследования

1. Для определения уровня выраженности различных социально-психологических статусов студентов в группе использовалась социометрическая процедура.
2. С целью определения групповых оценок и самооценок внешнего облика применялась методика «Оценочно-содержательная интерпретация внешнего облика и его соответствия гендерно-возрастным конструктам» [3].
3. Для определения преобладающих отношений к другому была использована методика В. Стефансона (Q- сортировка) «Диагностика основных тенденций поведения в реальной группе и представлений о себе».

Таким образом, для проверки гипотезы нами были поставлены следующие задачи.

1. Выявить членов группы, являющихся и не являющихся «значимыми оценщиками внешнего облика».

2. Осуществить сравнение самооценок и групповых оценок внешнего облика у студентов, являющихся и не являющихся «значимыми оценщиками внешнего облика».
3. Провести сравнение преобладающих отношений и выраженность социально-психологического статуса в группе.

Для проверки различий на значимость использовали U-критерий Манна-Уитни, для проверки значимости взаимосвязей использовали корреляционный анализ – коэффициент корреляции r-Спирмена. Использовалась компьютерная программа анализа данных «SPSS 17.0 for Windows».

Нами были получены следующие результаты.

В начале исследования участникам предлагалось оценить свой внешний облик и внешний облик каждого члена своей группы по ряду заданных характеристик, составленных на основе методики «Оценочно-содержательная интерпретация своего внешнего облика и его соответствия гендерно-возрастным конструктам» [3]. Определялась степень эстетичности лица, телосложения, оформления внешнего облика, выразительного поведения и общая эстетическая оценка внешнего облика своего и каждого члена своей группы. В результате были получены показатели самооценки различных компонентов внешнего облика каждого члена группы и среднegrupповые оценки компонентов внешнего облика. Одновременно определялись индексы социометрического статуса каждого члена группы по нескольким критериям: проведение свободного времени, помощь в учебе, обращение за советом при решении проблемы. Затем соотнесли полученные показатели оценки и самооценки различных компонентов внешнего облика и эстетической оценки внешнего облика в целом и сравнили это соотношение для подгрупп высокостатусных и низкостатусных членов студенческих групп.

В соответствии с задачами исследования проанализируем самооценки различных компонентов внешнего облика членов студенческих групп, являющихся и не являющихся «значимыми оценщиками внешнего облика».

Полученные результаты имеют значения от 1,0 до 10,0 баллов по всем оцениваемым параметрам. Средний показатель эстетической оценки своего внешнего облика по четырем блокам характеристик (лицо, телосложение, оформление внешнего облика, выразительное поведение) соответствует среднему уровню (7,4 балла) у студентов, являющихся «значимыми оценщиками внешнего облика», и также среднему уровню (6,8 баллов) у студентов, не являющихся таковыми.

В целом, соотношение средних показателей самооценки по каждому из компонентов внешнего

облика у студентов, являющихся «значимыми оценщиками внешнего облика» распределились следующим образом: лицо – 7,3 балла; телосложение – 7,7 балла; оформление внешнего облика – 7,4 балла и выразительное поведение – 7,4 балла. Средние показатели групповой оценки по каждому из компонентов внешнего облика у студентов, являющихся «значимыми оценщиками внешнего облика» распределились следующим образом: лицо – 6,6; телосложение – 6,6; оформление внешнего облика – 6,4 и выразительное поведение – 6,5.

Таким образом, члены студенческих групп, являющиеся «значимыми оценщиками внешнего облика», достаточно высоко оценивают свой внешний облик по каждому из параметров, в то время как группа оценивает их внешний облик несколько ниже.

У студентов, не являющихся «значимыми оценщиками внешнего облика», соотношение средних показателей самооценки по каждому из компонентов внешнего облика распределились следующим образом: лицо – 6,7 балла; телосложение – 6,9 балла; оформление внешнего облика – 6,5 балла и выразительное поведение – 7,0 балла. Средние показатели групповой оценки по каждому из компонентов внешнего облика у студентов, являющихся «значимыми оценщиками внешнего облика», распределились следующим образом: лицо – 5,3; телосложение – 5,6; оформление внешнего облика – 5,2; выразительное поведение – 5,4.

Из приведенных выше результатов становится видно, что студенты, не являющиеся «значимыми оценщиками внешнего облика», оценивают свой внешний облик по каждому из параметров достаточно высоко, в то время как группа оценивает их средне.

В соответствии с задачами исследования сравним самооценки различных компонентов внешнего облика членов студенческих групп, являющихся и не являющихся «значимыми оценщиками внешнего облика».

Проверка различий с использованием U-критерия Манна-Уитни, показателей самооценки по каждому из компонентов внешнего облика у членов студенческой группы, являющихся и не являющихся «значимыми оценщиками внешнего облика», показала следующее: у студентов, являющихся и не являющихся «значимыми оценщиками внешнего облика», между самооценками телосложения ($u = 187,000$), а также между самооценками оформления внешнего облика ($u = 176,500$) существуют значимые различия.

Затем нами была произведена проверка различий показателей групповой оценки по каждому из компонентов внешнего облика у членов студенческой группы, являющихся и не являющихся «значимыми

оценщиками внешнего облика». Полученные результаты показали, что между групповыми оценками лица ($u = 100,000$), групповыми оценками телосложения ($u = 131,000$), групповыми оценками оформления внешнего облика ($u = 104,500$), групповыми оценками выразительного поведения ($u = 86,000$) различия являются достоверными.

Таким образом, на основе полученных данных можно сделать следующие выводы.

1. Самооценки параметров телосложения и оформления внешнего облика значимо выше у студентов, являющихся «значимыми оценщиками внешнего облика».
2. Групповые оценки всех параметров внешнего облика значимо выше у студентов, являющихся «значимыми оценщиками внешнего облика».

Члены студенческих групп в основном выбирают в «значимые оценщики» своего внешнего облика тех, чью внешность признают очень привлекательной и остальные члены этой группы.

Реже всего становятся «значимыми оценщиками внешнего облика» те студенты, чью внешность большинство членов данной группы оценивают средне, не очень высоко.

На следующем этапе исследования анализировали социально-психологический статус членов студенческой группы, являющихся и не являющихся «значимыми оценщиками внешнего облика», а также преобладающих у них отношений со сверстниками.

Преобладающие отношения к другому выявляли с помощью методики «Q-сортировка» В. Стефансона. Данная методика позволяет выявить преобладающие тенденции в межличностных отношениях в группе: зависимость – независимость, общительность – необщительность, принятие борьбы – избегание борьбы.

1. «Отношения зависимости – независимости». Тенденция к зависимости понимается как внутреннее стремление индивида к принятию групповых норм, стандартов и морально-этических ценностей.
2. Тенденция к «общительности – необщительности» свидетельствует о контактности, стремлении образовывать эмоциональные связи, как в своей группе, так и за её пределами.
3. Тенденция к «принятию борьбы» рассматривается как активное стремление к достижению более высокого статуса в системе межличностных отношений. Противоположная тенденция – «уклонение от борьбы», свидетельствует о стремлении уйти от взаимодействия, сохранить нейтралитет в групповых спорах и конфликтах, склонность к компромиссным решениям.

В соответствии с задачами нашего исследования с помощью социометрической процедуры были выяв-

лены студенты, имеющие высокий, средний и низкий социально-психологический статус: эмоциональный, деловой и «психотерапевтический».

Показатели эмоционального статуса («проведение свободного времени») у студентов, являющихся «значимыми оценщиками внешнего облика», распределились следующим образом: высокий эмоциональный статус имеют 59,2 %, средний – 18,5 %, а низкий эмоциональный статус имеют всего 22,2 %.

В свою очередь, показатели эмоционального статуса у студентов, не являющихся «значимыми оценщиками внешнего облика», распределены следующим образом: высокий эмоциональный статус имеют 0 %, средний – 5 %, а низкий эмоциональный статус имеют 95 %.

Показатели делового статуса («обращение за помощью в учебе») у студентов, являющихся «значимыми оценщиками внешнего облика», распределились следующим образом: высокий деловой статус имеют 33,3 %, средний – 18,5 %, низкий – 48,1 % участников исследования.

У студентов, не являющихся «значимыми оценщиками внешнего облика», показатели делового статуса следующие: высокий деловой статус имеют 0 %, средний – 10 %, низкий – 90 % участников исследования.

Показатели «психотерапевтического» статуса «обращение за советом при решении важной жизненной проблемы» у студентов, являющихся «значимыми оценщиками внешнего облика», распределились следующим образом: высокий «психотерапевтический» статус имеют 29,6 %, средний – 37 %, низкий – 33,3 % участников исследования.

У студентов, не являющихся «значимыми оценщиками внешнего облика», показатели «психотерапевтического» статуса следующие: высокий деловой статус имеют 0 %, средний – 15 %, низкий – 85 %.

Также мы рассмотрели результаты изучения преобладающих отношений к другому у студентов – участников исследования. Полученные результаты имеют значения от 0 до 8 баллов по всем оцениваемым параметрам.

У студентов, являющихся «значимыми оценщиками внешнего облика», результаты следующие: зависимость – 4,4 балла, независимость – 4 балла, общительность – 5 баллов, необщительность – 2,7 балла, принятие борьбы – 2,9 балла, избегание борьбы – 3,7 балла.

В отличие от них, у студентов, не являющихся «значимыми оценщиками внешнего облика», результаты таковы: зависимость – 3,9 балла, независимость – 3,2 балла, общительность – 5 баллов, необщительность – 3,25 балла, принятие борьбы – 2,9 балла, избегание борьбы – 3,4 балла.

Таким образом, независимо от того, являются или нет студенты «значимыми оценщиками внешнего облика», у них одинаково выражена тенденция к общительности с другими людьми.

Наименее выраженной у тех и других испытуемых является тенденция к принятию борьбы.

Далее с помощью коэффициента корреляции r -Спирмена были определены взаимосвязи между преобладающими отношениями с выраженностью различных видов социально-психологического статуса у студентов, являющихся и не являющихся «значимыми оценщиками внешнего облика».

У студентов, являющихся «значимыми оценщиками внешнего облика», статистически значимой достоверной взаимосвязи обнаружено не было.

Но нами была обнаружена достоверная взаимосвязь ($r = 0,582$ при $p = 0,01$) у студентов, не являющихся «значимыми оценщиками внешнего облика», между «деловым» социально-психологическим статусом и отношением «зависимость». То есть студенты, реже всего выбираемые в качестве «значимых оценщиков внешнего облика», предпочитают обращаться за помощью в учебе, в межличностных отношениях склонны к принятию групповых норм, стандартов.

В ходе эмпирического исследования социально-психологические особенности значимых других, оказывающих влияние на самооценку внешнего облика членов студенческих групп, были получены данные, которые позволяют сделать следующие выводы.

1. Самооценка всех компонентов внешнего облика (лицо, телосложение, оформление внешнего облика, выразительное поведение) значимо выше, у тех членов группы, которые являются «значимыми оценщиками внешнего облика», чем у тех, кто не являются таковыми.
2. Члены студенческих групп в основном выбирают в «значимые оценщики» своего внешнего облика тех, чью внешность признают очень привлекательной и остальные члены этой группы.

3. Реже всего становятся «значимыми оценщиками внешнего облика» те студенты, чью внешность большинство членов данной группы оценивают средне, не очень высоко.

4. Независимо от того, являются или нет студенты «значимыми оценщиками внешнего облика», у них одинаково выражена тенденция к общительности с другими людьми.

Полученные данные и сделанные на их основе выводы подтверждают выдвинутую гипотезу о том, что самооценки, групповые оценки внешнего облика, выраженность преобладающих отношений к другому и определенных социально-психологических статусов в группе могут отличаться у студентов, являющихся и не являющихся «значимыми оценщиками внешнего облика» членов студенческой группы.

Выводы и результаты нашего исследования могут быть полезны в процессе организации активных методов обучения, личностно-ориентированных тренингов: в процессе комплектования тренинговых групп, поиска и развития способов самопредъявления и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кондратьев М.Ю. «Значимый другой»: слагаемые межличностной значимости // Социальная психология и общество. – 2011. – № 2.
2. Кроник А.А., Кроник Е.А. В главных ролях: Вы, Мы, Он, Ты, Я // Психология значимых отношений. – М., 1989.
3. Лабунская В.А. Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности. – Ростов н/Д: Феникс, 2009.
4. Педагогика и психология высшей школы / под ред. Э.А. Юсупянц. – Ростов н/Д.: Феникс, 2002. – 528 с.
5. Творогова Н.Д. Экспериментальное изучение социальной перцепции в процессе общения студентов в учебной группе // Вопросы психологии. – 1981. – № 4. – С. 119–123.

**РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ,
СПОСОБСТВУЮЩИХ ЭФФЕКТИВНОСТИ
В ОБЩЕНИИ У СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ****Качанов А.Ф.**

Данная статья об исследовании, проводившемся на студентах-психологах ЮФУ с целью выявления личностных качеств, способствующих эффективности в общении и о комплексе тренингов, направленных на их улучшение. Эти качества: уровень эмоционального интеллекта, эмпатийность, самоконтроль и агрессивность.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, эмпатия, агрессивность, экстравертированность.

Современное общество невозможно представить вне коммуникативного процесса или общения. Общение является главным условием бытия и взаимодействия людей, без которого неосуществимо полноценное образование не только определенных психических функций, процессов и свойств человека, но и гармоничной личности в целом. Совместная деятельность детерминирует необходимость в общении: чтобы жить, люди вынуждены кооперироваться. Общение дает возможность организовывать общественную деятельность и внести в неё новые связи и отношения между людьми.

Человек с момента появления на свет общается с другими людьми, вступает с ними во взаимодействие. Но, очень часто люди, отличающиеся высокими профессиональными достижениями или успешностью в приобретении материальных благ, оказываются некомпетентными в сфере межличностных отношений, поэтому человеку необходимо совершенствоваться и практиковаться во взаимоотношениях с людьми, чтобы стать социально успешной и счастливой личностью.

Таким образом, формирование компетентности в общении является актуальной проблемой психологии, изучение которой имеет важное значение, как для каждого конкретного человека, так и для всего социума в целом.

Проблема общения в психологии очень тщательно разрабатывалась в 20–30-х гг. XX в. Первые попытки пролить свет на эту проблему среди отечественных ученых предпринял В.М. Бехтерев в связи с разрабатываемой им социальной рефлексологией. Общение – писал он – тоже является механизмом кооперации людей в группы и условия социализации личности. Он говорил, что,

чем разнообразнее и богаче общение человека с окружающими его людьми, тем успешнее реализуется развитие личности. В.М. Бехтерев выделял два специфических вида общения: подражание и внушение. «...Подражание черпает свой главный материал из общения с себе подобными, между которыми благодаря сотрудничеству развивается род взаимной индукции и взаимовнушения» [2]. Особенно важную роль в воздействии одного человека на другого в процессе общения В.М. Бехтерев отводил бессознательному внушению идей, чувствований и ощущений, без опоры на логические формы убеждения и доказательства [3]. Он выделяет условия, при которых такое внушение оказывается эффективным: единство настроения, переживаний людей, однородность собрания, его направленность на общую цель, наличие единой идеи.

Следует также упомянуть В.Н. Мясищев, который еще в начале XX в. под руководством В.М. Бехтерева и А.Ф. Лазурского принимал участие в организации и проведении первых экспериментальных работ по изучению общения в условиях коллективной деятельности. Затем интерес к проблеме эффективной коммуникации снизился, как у В.Н. Мясищева, так и у других психологов. Новый всплеск интереса наметился в 60-х гг. В это время В.Н. Мясищев несколько раз обращался к проблематике общения. Он изучал формирование личности и ее отношений под влиянием опыта общения с ближайшим и значимым социальным окружением. В отличие от других авторов, рассматривавших общение лишь как речевую коммуникацию, В.Н. Мясищев рассматривал общение целостно, «как процесс взаимодействия конкретных личностей, определенным образом относящихся друг к другу и воздействующих друг

на друга» [6]. В связи с этим он говорил о единстве взаимодействия между людьми и взаимоотношений между ними, детерминируемых накапливаемыми в ходе данного взаимодействия впечатлениями и переживаниями. Эти вопросы и стали главными в рассмотрении В.Н. Мясищевым проблематики общения и эффективной коммуникации. Во многих своих исследованиях он описывал специфические особенности отражения других людей, отношения к ним и обращения с ними, раскрывал взаимосвязи, которые существуют между тем, как человек ведет себя по отношению к другим людям, вступая в контакты с ними, и тем, какой опыт общения у него уже имеется. Большое внимание уделил В.Н. Мясищев процессу общения в психотерапии, в частности при лечении неврозов.

Проблеме эффективной коммуникации значительное внимание уделял Б.Г. Ананьев. Он рассматривал коммуникацию как специфический вид деятельности и основной его характеристикой считал то, что через него человек строит свои отношения с окружающими его людьми. Он писал, что общение определяет характер социальной детерминации индивидуального развития личности и участвует в формировании всей психической организации человека [9]. При этом он указывал на то, что общение как деятельность социального индивида не всегда принимается во внимание. Б.Г. Ананьев одним из первых указал на многоуровневую, иерархическую и многомерную организацию общения как явления, настаивая на выделении в общении макро-, мезо- и микроуровней. Это общество, в котором общающиеся люди живут, где существуют различные виды коллективов, членами которых они выступают, и ближайшее окружение, с которым чаще всего они вступают в контакт.

Большой научный вес имеет направление, которое сформулировал Б.Г. Ананьев в проблеме общения: познание участниками общения друг друга. Это направление было разработано А.А. Бодалевым (1988) и его учениками, как и другие вопросы проблемы общения [4].

Эффективность в общении рассматривается как система внутренних ресурсов, необходимых для построения эффективной коммуникации в определённой сфере ситуаций личностного взаимодействия. Компетентность в общении имеет, несомненно, инвариантные общечеловеческие характеристики и в тоже время характеристики, исторически и культурно детерминированные.

Эффективность в общении предполагает готовность и умение строить контакт на различной психологической дистанции – и отстранённой и близкой. Трудности могут быть связаны с инерционностью позиции – владением какой-либо одной из них и её

реализацией повсеместно, независимо от характера и особенностей партнёра, своего внутреннего состояния и специфики ситуации. В целом компетентность в общении обычно связана с овладением не какой-либо одной позицией в качестве наилучшей, а с адекватным и гибким приобщением к их спектру. Гибкость в адекватной смене психологических позиций – один из главных показателей компетентного общения [10].

Определённые свойства личности существенно влияют, как на цели и процесс общения, так и на его эффективность. Одни из них способствуют успешному общению, такие как: экстравертированность, эмпатийность, толерантность, мобильность; другие его затрудняют, к ним относятся: интровертированность, властность, конфликтность, агрессивность, застенчивость, робость, ригидность.

На наш взгляд, личностными качествами, способствующими эффективности в общении именно у студентов-психологов, являются: эмоциональный интеллект, экстравертированность, эмпатийность и агрессивность.

Нужно отметить, что агрессивность как свойство личности и агрессивное поведение (форма проявления агрессии) – разные феномены, хотя часто в психологической литературе их отождествляют. Агрессивность – это склонность к агрессивному реагированию при возникновении фрустрирующей и конфликтной ситуации. Агрессия же – это поведение человека в этих ситуациях [1].

По данным Н.Ю. Жарновецкой (2007), люди хорошо различают эту особенность человека, да и сам агрессивный воспринимает других как агрессивных. Это может служить своеобразным психологическим барьером, мешающим установлению нормальных отношений между общающимися, так как агрессивность рассматривается как враждебность.

Также и опыт общения занимает особое место в структуре коммуникативной компетентности личности. С одной стороны, он социален и включает интериоризированные нормы и ценности культуры, с другой – индивидуален, поскольку основывается на индивидуальных коммуникативных способностях и психологических событиях, связанных с общением в жизни личности. Динамический аспект этого опыта составляет процессы социализации и индивидуализации, реализуемые в общении, обеспечивающие социальное развитие человека, а также адекватность его реакций на ситуацию общения и их своеобразие. В общении особую роль играет овладение социальными ролями: организатора, участника общения, на что влияет уровень развития эмоционального интеллекта.

В исследовании приняли участие студенты факультета психологии Южного федерального

университета с четвертого по пятый курсы обучения в количестве шестидесяти человек. Мы рассматривали именно выборку студентов-психологов с четвертого по пятый курсы обучения в силу того, что в этот период для студентов становится актуальным вопрос профессионального самоопределения и карьерного роста. На наш взгляд, именно в студенческой среде прорисовывается фундамент коммуникативной компетентности, начинают вырабатываться более осознанные и эффективные коммуникативные модели, формируются личностные качества, необходимые эффективному коммуникатору.

В исследовании был проведен комплекс методик, таких как: методика «Функционально-установочного баланса», тест «Уровень вашей коммуникабельности В.Ф. Ряховского», «Методика диагностики коммуникативной установки В.В. Бойко» и методика «Компетентность социально-коммуникативная», направленных на выявление общего уровня коммуникабельности у студентов-психологов.

В ходе диагностического этапа исследования нами были выявлены четыре группы.

В первую группу, составляющую 25 % выборки испытуемых, состоящую из 15 человек, вошли испытуемые с высокой коммуникабельностью, высоким самоконтролем, но с помехами в эмоциональном контакте с окружающими людьми, проявляющимися как в эмоциональной ригидности, так и в чрезмерной эмоциональной экспрессивности, переходящей культурные и социальные рамки межличностного взаимодействия.

Во вторую группу испытуемых, составляющую 20 % выборки, в количестве 12 человек, вошли личности с высоким коммуникативным потенциалом, низким самоконтролем и с отсутствием проблем в эмоциональном контакте с окружающими.

В третью группу, составляющую 25 % выборки испытуемых, состоящую из 15 человек, вошли испытуемые со средними и высокими показателями по уровню коммуникабельности, самоконтролю и с адекватным ситуацией эмоциональным контактом с окружающими.

В четвертую группу, составляющую 30 % выборки испытуемых, номиналом 18 человек, вошли испытуемые с низкими показателями по уровню коммуникабельности, самоконтролю и с помехами в эмоциональном контакте с окружающими.

В связи с этим был составлен психологический портрет студента психолога для каждой из четырех групп на основании полученных данных личностных опросников.

Первой группе испытуемых соответствует личность со средним уровнем конфликтности, средним уровнем эмпатии, высоким уровнем конструктивной

агрессивности и средним уровнем отрицательной агрессивности.

Второй группе испытуемых соответствует средний уровень конфликтности, высокий уровень эмпатии и средний уровень агрессивности по двум критериям.

Третьей группе студентов-психологов характерен низкий и средний уровень конфликтности, высокий уровень эмпатийности, высокий уровень конструктивной и низкий уровень отрицательной агрессивности.

Четвертая группа проявляет высокий уровень конфликтности, эмпатийность выражена средне, данным испытуемым свойственна низко выраженная конструктивная агрессия и ярко выраженная отрицательная агрессия.

В данное время нами разрабатывается комплекс тренингов, направленных на развитие эмоционального интеллекта, самоконтроля и уменьшение степени агрессивности у студентов-психологов. Тренинги также направлены на достижение более полного осознания себя: своих чувств, потребностей, желаний, телесных процессов, своей мыслительной деятельности, а также, насколько возможно для более полного осознания внешнего мира, прежде всего, мира межличностных отношений. С помощью данных тренингов мы не стремимся к немедленному изменению поведения и быстрому устранению симптомов нарушений в коммуникации, и в этом положительное достоинство наших тренингов. Устранение симптомов или быстрое изменение поведения, достигнутое без достаточного осознания, не даёт стойких результатов или приводит к возникновению новых проблем на месте старых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева И.Н. Эмоциональный интеллект: непонимание, приводящее к исчезновению // Психологический журнал. – М., 2006. – № 1. – С. 28–32.
2. Андреева Г.М. Общение и оптимизация совместной деятельности. – М., 1987. – 297 с.
3. Бодалев А.А. Психологическое общение. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «Модек», 1996. – 256 с.
4. Бодалев А.А., Сухов А.Н. Основы социально-психологической теории. – М.: Международная педагогическая академия, 1995. – 412 с.
5. Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений. – СПб.: Питер, 2009. – 576 с.
6. Кутасова Т. Хрестоматия по социальной психологии: учебное пособие для студентов. – М.: Международная педагогическая академия, 1994. – 222 с.

7. Петровская Л.А. Компетентность в общении. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 216 с.
8. Петровская Л.А. Компетентность в общении: социально-психологический тренинг. – М., 1983.
9. Рогов Е.И. Психология общения. – М: Владос, 2001.
10. Тренин Н.Н. Управление конфликтами. – М.: ПРИОР, 1999.
11. Третьяков В.П. Грамматика общения. – М.: Смысл, 1999.
12. Фром И. Гештальт-терапия и гештальт // Гештальт-94: сборник материалов Московского гештальт-института за 1994 год. – М.: МГИ, 1995.
13. Чистякова М.И. Психогимнастика. – М.: Просвещение, Владос, 1995. – 160 с.
14. Caruso D.R., Salovey P. The Emotionally Intelligent Manager: How to Develop and Use the Four Key Emotional Skills of Leadership, 2004. – 320 p.
15. Matthews G., Zeidner M., Roberts R.D. Emotional Intelligent // Science and Myth. – Massachusetts Institute of Technology, 2004. – 718 p.

СПЕЦИФИКА САМООТНОШЕНИЯ И СПОСОБОВ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ У СУБЪЕКТОВ РАЗНОГО ВОЗРАСТА В СВЯЗИ С ПОЛОМ

Афанасенко И.В.

В статье изложены результаты исследования самоотношения субъектов разного возраста – юношеского, ранней зрелости и поздней зрелости. Автором раскрывается специфика формирования отношения к себе у респондентов данных групп в связи с половой дифференциацией. Анализируются способы формирования самоотношения у мужчин и женщин разных возрастных групп – субъект-субъектный и смешанный.

Ключевые слова: самоотношение, самоуважение, аутосимпатия, самоинтерес, ожидаемое отношение от других, субъект-субъектное самоотношение, субъект-объектное самоотношение.

Самоотношение личности обуславливает адекватность ее поведения, оказывает влияние на проявление социальной активности личности, сказывается на специфике межличностного общения. Оно выступает мотивом саморегуляции поведения и проявляется на всех стадиях реализации поведенческого акта, начиная с его мотивирующих компонентов и заканчивая собственной оценкой достигнутого эффекта поведения [6]. Под самоотношением понимается: сложное когнитивно-аффективное образование, зрелость которого определяется качеством взаимосвязи и степенью согласованности его составляющих [2]; обладающая собственным строением, относительно стабильная и активно поддерживаемая личностью многомерная структурно-уровневая составляющая самосознания [5]; индикатор успешности самореализации субъекта как личности; феноменологически представленное выражение смысла Я для субъекта, в котором существуют две разноуровневые подсистемы – система самооценок и система эмоционально-ценностных отношений [3].

Самоотношение структурно определяется как специфическая активность субъекта в адрес своего «Я», реализуемая на трёх уровнях: уровне определённых внутренних действий и установках на эти действия; уровне эмоциональных измерений, в которых разворачиваются эти действия и уровне интегрального самоотношения [3, 5]. Интегральная самооценка не просто отражает некоторое обобщенное чувство «за» или «против» собственного «Я» индивида, а сама обладает сложным строением, определяемым различными факторами и процессами. При этом различные характеристики общего самоотношения могут выражаться в чувствах и переживаниях различных модальностей и обладать раз-

личным психологическим содержанием. В структуре самоотношения выделяют два способа отношения к себе: 1) субъект-объектный, при котором личность может искать причинное объяснение собственных поступков, как во внешних обстоятельствах, так и во внутренних диспозициях; и 2) субъект-субъектный, при котором действия относительно «Я» в целом определяются усилиями, способствующими самовыражению [3].

Актуальность изучения самоотношения субъектов юношеского возраста и возрастов ранней и поздней зрелости связана с тем, что данные периоды жизни характеризуются проблемами выбора профессии для первых и достижения профессионального мастерства, сохранения социального статуса, а также ухода на заслуженный отдых – для остальных. Широкий спектр направлений и степень самореализации женщин и мужчин этих возрастов, несомненно, связаны с их отношением к себе.

Целью исследования явилось изучение особенностей самоотношения мужчин и женщин возрастов: юношеского, ранней зрелости и поздней зрелости.

Эмпирическим объектом исследования выступили 180 человек: 100 человек юношеского возраста: 57 юношей и 43 девушек в возрасте от 15 до 18 лет; 40 человек возраста ранней зрелости: 20 мужчин и 20 женщин в возрасте 21–25 лет; 40 человек возраста поздней зрелости: 20 мужчин и 20 женщин в возрасте 41–55 лет. Научно-теоретическим основанием для разделения на группы выступила периодизация возрастного развития Д. Бромлей, которая делит периоды жизни на циклы и стадии, измеряемые различной продолжительностью в зависимости от жизненного содержания этих моментов становления,

от специфики развития интеллекта, эмоционально-волевой сферы, мотивации и социальной динамики личности [1].

Методы исследования: психологическое тестирование – тест-опросник самооотношения (В.В. Столин, 1985); методы математической статистики: критерий χ^2 Фридмана, Т-критерий Вилкоксона, корреляционный анализ Спирмена [4]. При интерпретации полученных результатов учитывались достоверно значимые показатели при $p < 0,05$.

Результаты исследования специфики самооотношения у мужчин и женщин разного возраста выявили следующее (табл. 1).

У респондентов юношеского возраста обоего пола выявлен высокий уровень интегрального самооотношения и единые основания для его формирования. Интегральное самооотношение как чувство «за» или «против» собственного Я формируется как на основе оценок (в системе сравнения «Я-Другой»), так и на основе эмоционального отношения (в системе сравнения «Я-Я»). Для респондентов значимо преобладающими являются ожидаемые отношения от других людей, а также – аутосимпатия. На уровне конкретных действий ведущей выступает самоуверенность. Юноши и девушки в силу своего возраста и еще незавершенного временного периода, связанного с профессиональным обучением, не склонны при формировании самооотношения основываться на том аспекте самооотношения, который эмоционально и содержательно объединяет веру в свои силы, способности, энергию, самостоятельность, оценку своих возможностей контролировать собственную жизнь и быть самопоследовательными. Однако для них чрезвычайно важным выступает ожидание позитивного или негативного отношения к себе от окружающих, как от посторонних или мало с ними связанных людей, так и от тех, чье мнение имеет для них значение. От других людей они ожидают отрицания их внутренних достоинств, антипатии к своей внешности. При этом они склонны принимать (постулируемую ими) антипатию других, что проявляется в том, что себе они не желают добра по-настоящему. При этом респонденты склонны считать себя уникальными, непохожими на других и не ставят перед собой задачу на увеличение самоуважения. Как отмечает В.В. Столин [5], благодаря многомерности самооотношения и аддитивности глобального самооотношения возможно одновременное поддержание глобального самооотношения на высоком уровне и какого-то аспекта самооотношения, прежде всего, самоуважения – на низком. При этом низкое самоуважение компенсируется повышением симпатии к себе, а повышение симпатии «покупается» ценой сохранения низкого

самоуважения. Так, низкий уровень самоуважения у субъектов юношеского возраста компенсируется высокой выраженностью аутосимпатии, как показателя, в данном случае, дружелюбности к собственному «Я», одобрения себя в целом и в существенных частностях, доверие себе и позитивную самооценку. То есть они не склонны к таким эмоциональным реакциям на себя, которые могут сопровождаться раздражением, презрением, издевкой, вынесением самоприговоров. На наиболее конкретном уровне самооотношения (внутренних действий в адрес самого себя или готовности к таким действиям) у респондентов юношеского возраста преобладает самоуверенность – как вера в то, что у них достаточно способностей и энергии воплотить в жизнь задуманное.

Таблица 1

**Ведущие показатели самооотношения
в когнитивно-эмоциональном и поведенческом
компонентах у группах женщин и мужчин разного возраста**

Возраст	Женщины	Мужчины
	Когнитивно-эмоциональный компонент	Поведенческий компонент
Юность		
Женщины	ожидаемое отношение от других, аутосимпатия	самоуверенность
Мужчины		
Ранняя зрелость		
Женщины	самоинтерес, аутосимпатия.	самоинтерес, самопринятие
Мужчины	самоуважение, аутосимпатия, самоинтерес	самопринятие, самопонимание, самоинтерес
Поздняя зрелость		
Женщины	самоуважение, аутосимпатия, самоинтерес	самопринятие, самоинтерес
Мужчины	самоуважение, аутосимпатия, самоинтерес	самопринятие, самопонимание, самопоследовательность

Особенности самооотношения женщин и мужчин возраста ранней зрелости. Как у женщин, так и у мужчин возраста ранней зрелости выявлен высокий уровень глобального самооотношения. Самоотношение мужчин и женщин основывается на оценке своих возможностей контролировать собственную жизнь, понимании себя, доверии к себе, позитивной самооценке, интересе к собственным мыслям и чувствам. Как для мужчин, так и для женщин не имеет большого значения уверенность в своей интересности для других. Таким образом, в отношении к себе они склонны ориентироваться как на уровень своих достижений, так и на веру в свои силы и способности, доверие к себе. Самоотношение субъектов данной группы дифференцировано на уровне конкретных действий (готовностей к ним) в отношении

к своему «Я»: у женщин доминируют самоинтерес и самопринятие, а у мужчин доминируют самопринятие, самопонимание и самоинтерес. Таким образом, женщины и мужчины склонны к «дружескому» отношению к себе, обладают готовностью к проживанию своего опыта, интересом к внутренним потребностям и побуждениям и принятии их. Мужчинам также присущ высокий уровень понимания своих желаний и стремлений. На конативном уровне самоотношения доминируют самопринятие и самоинтерес, т. е. проявляется готовность к проживанию своего опыта, интересе к внутренним потребностям и побуждениям и принятии их.

В группе женщин и мужчин возраста поздней взрослости выявлен высокий уровень интегрального самоотношения. Самоотношение женщин и мужчин дифференцированно по основным шкалам методики самоотношения, т. е. оно основывается в равной степени на оценке своих возможностей контролировать собственную жизнь, понимании себя, доверии к себе, позитивной самооценке, интересе к собственным мыслям и чувствам, но как для мужчин, так и для женщин не имеет большого значения уверенность в своей интересности для других. Таким образом, в отношении к себе они склонны ориентироваться как на уровень своих достижений, так и на веру в свои силы и способности, доверие к себе, а не на отношение к себе со стороны окружающих. Вместе с тем, самоотношение женщин и мужчин данного возраста дифференцированно на уровне конкретных действий (готовностей к ним) в отношении к своему «Я». У женщин на уровне конкретных действий доминируют самопринятие и самоинтерес, что говорит об их склонности к «дружескому» отношению к себе, о готовности к проживанию своего опыта, интересе к внутренним потребностям и побуждениям и принятии их. А у мужчин доминируют самопринятие, самопонимание, самопоследовательность, самоинтерес и самообвинение. Это свидетельствует о том, что мужчины возраста поздней взрослости так же склонны к «дружескому» отношению к себе, обладают готовностью к проживанию своего опыта, но еще обладают стремлением к внутреннему управлению своим поведением и способностью действовать на основе своих убеждений и ценностей.

На конативном уровне самоотношения у женщин доминируют самопринятие и самоинтерес, а у мужчин доминируют самопринятие, самопонимание, самопоследовательность, самоинтерес и самообвинение. Следовательно, их отношение к себе основано на объективной оценке собственных достижений, возможностей, способностей и общих достоинств, а так же на отсутствии отрицательного отношения к самому себе или к другим и соответствующего этому отношению поведения.

Результаты исследования способа отношения к себе у мужчин и женщин возрастов: юношеского, ранней и поздней взрослости. В результате суммирования данных по шкалам I и III (отражающих субъект-объектный способ самоотношения), II и IV (отражающих субъект-субъектный способ самоотношения), а также выявления значимых корреляционных связей между показателями данных шкал, были выделены следующие особенности способа формирования самоотношения у субъектов разного возраста (табл. 2).

Таблица 2

**Ведущие способы самоотношения
у женщин и мужчин разного возраста**

Возраст	Ведущий способ самоотношения	
	Женщины	Мужчины
Юность	Смешанный: субъект-субъектный и субъект-объектный (целостный)	Смешанный: субъект-субъектный и субъект-объектный (целостный)
Ранняя взрослость	Субъект-субъектный	Смешанный: субъект-субъектный и субъект-объектный (дискретный)
Поздняя взрослость	Смешанный: субъект-субъектный и субъект-объектный (дискретный)	Смешанный: субъект-субъектный и субъект-объектный (целостный)

В группе субъектов юношеского возраста у респондентов обоего пола выражен смешанный способ формирования самоотношения: субъект-субъектный – на основе аутосимпатии и субъект-объектный – на основе ожидаемого отношения других людей, причем выявлен ряд значимых корреляционных связей между показателями самоотношения. У юношей выявлена связь между ведущими показателями самоотношения – аутосимпатией и ожидаемым отношением от других людей ($R = 0,79$ при $p < 0,01$), а также их связь с невыраженными показателями самоотношения: аутосимпатии с самоуважением ($R = 0,57$ при $p < 0,01$) и самоинтересом ($R = 0,4$ при $p < 0,01$); ожидаемого отношения от других людей с самоуважением ($R = 0,79$ при $p < 0,01$) и самоинтересом ($R = 0,4$ при $p < 0,01$). У девушек также имеет место значимая связь между ведущими показателями самоотношения ($R = 0,31$ при $p < 0,04$), причем аутосимпатия также связана с самоуважением ($R = 0,34$ при $p < 0,03$) и самоинтересом ($R = 0,33$ при $p < 0,03$). Следовательно, для женщин и мужчин юношеского возраста характерен смешанный целостный способ формирования самоотношения (субъект-субъектный и субъект-объектный), при котором самоотношение выступает целостной системой, формирующейся на основе неразрывной связи внешних и внутренних факторов, его формирующих.

Женщины возраста ранней зрелости отличаются субъект-субъектным способом отношения к себе (на основании самоинтереса и аутосимпатии). Это свидетельствует о том, что субъекты данной группы практически не нуждаются в признании со стороны других людей, у них проявляются: высокая степень близости к себе, интерес к своим мыслям и чувствам, низкий уровень тревожности, уверенность в себе и в собственном интересе для других людей, а также принятие себя в целом, вне зависимости от своих свойств и достоинств. Наличие высокой корреляционной связи между показателями аутосимпатии и самоуважения ($R = 0,79$ при $p < 0,01$) при ведущем значении аутосимпатии свидетельствует о том, что женщины данной группы уважают себя тем больше, чем сильнее чувствуют близость к самим себе. У мужчин возраста ранней зрелости выявлен смешанный способ отношения к себе, основанный на ведущих показателях его формирования: самоуважения, аутосимпатии и самоинтереса, причем не выявлено значимых корреляционных связей между данными показателями. Это свидетельствует о том, что в формировании отношения к себе мужчины склонны ориентироваться на свои достижения, как и женщины возраста ранней зрелости не нуждаются в признании со стороны других людей, и при этом уверены в себе. Это говорит о готовности принимать то, что думаешь, чувствуешь, желаешь и делаешь, о довольно высокой чувствительности к своим потребностям и желаниям, а также о стремлении лучше познать самого себя. Таким образом, у мужчин данной группы формируется смешанный дискретный (субъект-субъектный и субъект-объектный) способ самоотношения, предполагающий специфику его проявления в зависимости от конкретной ситуации и оценки своей деятельности субъектом.

Самоотношение женщин и мужчин возраста поздней зрелости формируется, как на основе внешних оценочных оснований (субъект-объектный способ самоотношения), так и на основе внутренних

оценочных оснований (субъект-субъектный способ самоотношения). Однако отсутствие в группе женщин корреляционных связей между основными ведущими показателями самоотношения – самоуважения, аутосимпатии и самоинтереса – свидетельствует о том, что женщины выстраивают отношение к себе более дискретно, ситуативно, опираясь на тот или иной способ отношения в зависимости от ситуации, своего в ней участия и других переменных. В свою очередь, у мужчин данной группы выявлены положительные корреляционные взаимосвязи между ведущими показателями самоотношения: самоуважением и аутосимпатией ($R = 0,62$ при $p < 0,01$), самоуважением и самоинтересом ($R = 0,45$ при $p < 0,05$), а также между самоуважением и наименее выраженным у них основанием для формирования самоотношения – ожидаемым отношением от других людей ($R = 0,73$ при $p < 0,01$). Следовательно, самоотношение мужчин возраста поздней зрелости является более целостным, системным образованием, все составляющие которого находятся в тесной взаимосвязи, поэтому способы самоотношения – субъект-субъектный и субъект-объектный – у мужчин являются слитыми, отражающими их специфику формирования отношения к себе и к миру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Б.Г. К проблеме возраста в современной психологии // Избр. психол.тр. – М., 1980.
2. Крылов А.Н. «Образ Я» как фактор развития личности: автореф. дис.... канд. псих. наук: 19.00.01. – М., 1984.
3. Пантеев С.Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система. – М.: Изд-во МГУ, 1991.
4. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. – СПб.: Речь, 2001.
5. Столин В.В. Самосознание личности. – М.: Изд-во МГУ, 1983.
6. Чеснокова И.И. Проблемы самосознания в психологии. – М.: Наука, 1977.

ВОСПРИЯТИЕ СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СВЯЗИ С ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ ПАРТНЕРОВ О «ДВУХКАРЬЕРНОМ» БРАКЕ

**Тащёва А.И.,
Киреева Л.Е.**

В статье рассматривается своеобразие современных видов брака: «двухкарьерных» и «не карьерных». Особое внимание уделено эмпирическому исследованию распределению ролей между супругами, восприятию конфликтов, удовлетворенности браком в связи с представлениями партнеров о своем браке.

Ключевые слова: «двухкарьерный брак», «не карьерный брак», супружеские отношения, супружеские конфликты, удовлетворенность браком.

Зарубежные исследователи определяют «двухкарьерный» брак как союз, в котором оба супруга чрезвычайно вовлечены в работу и личностно развиваются посредством реализации собственной карьеры. В «не карьерных» браках работа имеет низкое значение для супругов, следовательно, они работают только для улучшения экономического статуса семьи и не реализуют карьеру [7].

Теоретический анализ литературы позволяет заключить, что супружеские отношения в «двухкарьерном» браке имеют специфические особенности [1, 3, 5, 6, 7]. Установлено, что это, прежде всего, связано с жизненной ценностью супругов – их карьерами. Зарубежный исследователь L. Bailyn отмечает, что удовлетворенность браком супругами снижается в союзах, где жены ориентируются на карьеру [5]. В таком браке, с одной стороны, женщина по-прежнему выполняет большую часть домашней нагрузки и в тоже время реализует собственную профессиональную карьеру. С другой стороны, мужчина становится более вовлеченным в домашние дела, заботу о детях. Потенциальные трудности жены в «двухкарьерном» браке могут быть связаны с ролевым конфликтом, социально-психологической перегрузкой, дилеммой идентичности, чувством вины перед супругом и детьми, не конгруэнтностью между самопринятием и социальными ожиданиями. Установлено, что мужчины сталкиваются с физическими и психологическими трудностями, жалуются на низкую эмоциональную поддержку от своих жен и могут испытывать конфликт идентичности, который возникает, когда мужа реализуют семейные роли, обязательные, по их мнению, лишь для женщин (уборка, приготовление пищи, уход за ребенком).

Специфика данного брака может сказаться на восприятии супругами их отношений в паре. Вместе с тем, как отмечают О.А. Карабанова, А.И. Тащёва, данная тема не являлась предметом специального научного исследования не за рубежом, ни в России [1, 3].

Проведено эмпирическое исследование восприятия супружеских отношений в связи с представлениями партнеров о «двухкарьерном» браке.

Объектом исследования выступили 70 реальных супружеских пар в возрасте от 25 до 40 лет, разных профессий, жителей г. Ростова-на-Дону и Ростовской области, со стажем брака от 5 до 20 лет, имеющие детей. Форма брака стала критерием разделения выборки на две равные группы: основную (пары, состоящие в «двухкарьерном» браке) и контрольную («не карьерные» пары – супруги, главной жизненной ценностью которых не является карьера).

Методический инструментарий составили авторская анкета А.И. Тащёвой «Представления о современной российской семье»; опросник «Ретроспективная рефлексия конфликтов» («РРК») А.И. Тащёвой, изучающий особенности конфликтов; опросники «Распределение ролей в семье» А.Н. Волковой и «Удовлетворенность браком» Л.Я. Гозмана, О.О. Ерёмичевой [2, 4].

Для оценки влияния представлений партнеров о «двухкарьерном» и «не карьерном» браках на восприятие супругами отношений был проведен однофакторный дисперсионный анализ ANOVA. Компьютерная обработка результатов осуществлялась по программам Statistica 8.0. и SPSS 15.0.

Авторская анкета на исследование современной семьи позволила достаточно полно охарактеризовать семьи респондентов и установить своеобразие «двухкарьерных» и «не карьерных» браков и особенности супружеских отношений в них.

Супруги «двухкарьерного» брака при ответе на вопрос авторской анкеты, что для них значит понятие «брак», чаще всего отвечали, что для них это единодушие во взглядах (66 % мужчин и 51 % женщин), любовь (31 % мужчин и 57 % женщин), психотерапевтическая поддержка (29 % мужчин и 37 % женщин), ролевые отношения (34 % мужчин и 9 % женщин), финансово-экономические

отношения (31 % мужчин и 43 % женщин), хозяйственно-бытовые отношения (45 % мужчин и 17 % женщин). Доказано, что мужчины чаще, чем женщины, представляют себе брак как союз, основанный на ролевых ($\varphi = 2,66$ при $p = 0,006$) и хозяйственно-бытовых отношениях ($\varphi = 2,6$ при $p = 0,007$), а женщины: как взаимоотношения, основанные на любви ($\varphi = 2,22$ при $p = 0,02$).

Для супругов из «не карьерных» пар брак – это любовь (57 % мужчин и 69 % женщин), психотерапевтическая поддержка (37 % мужчин и 43 % женщин), единомыслие во взглядах (29 % мужчин и 17 % женщин) и хозяйственно-бытовые отношения (29 % мужчин и 6 % женщин). Мужчины значимо чаще, чем их супруги, воспринимают брак как хозяйственно-бытовые отношения ($\varphi = 2,69$ при $p = 0,006$).

Для супругов, состоящих в «двухкарьерных» браках, понятие «карьера» чаще всего означает достижение и социальное признание (43 % мужчин и 20 % женщин), обогащение профессиональным опытом (14 % мужчин и 26 % женщин), денежный заработок (23 % мужчин и 29 % женщин), образ жизни (9 % мужчин и 14 % женщин), реализация призвания, предназначения (9 % мужчин и 14 % женщин). Выявлено, что мужчины значимо чаще, чем женщины, считают карьеру достижением и социальным признанием ($\varphi = 2,1$ при $p = 0,02$).

Партнеры «не карьерного» брака чаще всего отвечали, что для них карьера – это всего лишь последовательность должностей, рабочих мест в течение трудовой жизни (71 % мужчин и 49 % женщин), денежный заработок (20 % мужчин и 29 % женщин), а также достижение и социальное признание (11 % мужчин и 23 % женщин). При сравнении ответов оказалось, что мужчины значимо чаще, чем женщины, считают карьеру только последовательностью должностей, рабочих мест в течение трудовой жизни ($\varphi = 1,9$ при $p = 0,03$).

Для супругов из «двухкарьерного» брака ценность семьи и карьеры практически равнозначны, а для партнеров «не карьерного» брака наибольшую значимость представляет семья. Однако для 17 % мужчин и 14 % женщин из «двухкарьерного» брака карьера оказалась важнее семьи. Среди супругов «не карьерного» брака предпочтений карьеры семье обнаружено не было.

Для супругов «двухкарьерного» брака смысл карьеры состоит в достижении социального престижа (46 % мужчин и 20 % женщин), самореализации (20 % мужчин и 37 % женщин), в денежном заработке (34 % мужчин и 29 % женщин), в стремлении к продвижению по работе (34 % мужчин и 29 % женщин). Для партнеров «не карьерного» брака он, прежде всего, видится в денежном заработке (63 % мужчин и 52 % женщин), в стремлении к продвижению по работе (29 % мужчин и 23 % женщин).

Таким образом, для супругов «не карьерного» брака смысл карьеры чаще всего заключается в мате-

риальном благополучии, а в «двухкарьерном» браке акцент делается на достижение самореализации и социального престижа посредством реализации собственной карьеры.

В «двухкарьерном» браке трудности при совмещении семьи и карьеры чаще видятся в недостатке времени на семью (49 % мужчин и 60 % женщин), отсутствии досуга (31 % мужчин и 43 % женщин), физическом напряжении (29 % мужчин и 31 % женщин), психологических трудностях (17 % мужчин и 26 % женщин) и бытовых трудностях (14 % мужчин и 26 % женщин). Также эти супруги предполагают, что трудности, которые могут испытывать их партнеры при совмещении семьи и карьеры, могут быть следующими: недостаток времени на семью (51 % мужчин и 60 % женщин), физическое напряжение (26 % мужчин и 29 % женщин), бытовые трудности (23 % мужчин и 14 % женщин) и психологические трудности (23 % мужчин и 6 % женщин).

Супружеские пары в «не карьерном» браке чаще всего отрицают наличие трудностей при совмещении семьи и карьеры (63 % мужчин и 43 % женщин), однако некоторые из них, в особенности женщины, все же ссылаются на дефицит времени на семью (26 % мужчин и 43 % женщин) и бытовые трудности (3 % мужчин и 26 % женщин). При восприятии возможных трудностей своих партнеров чаще говорят, что таковые отсутствуют (60 % мужчин и 63 % женщин), но все же находят, что они мало времени уделяют семье (29 % мужчин и 34 % женщин). Мужья чаще полагают, что у жен нет трудностей в совмещении семьи и карьеры, но эти женщины сами отмечают их у себя в виде бытовых проблем и недостатка времени на семью ($\varphi = 3,02$ при $p = 0,003$).

При эмпирическом рассмотрении предполагаемых и реальных трудностей у супругов «двухкарьерного» брака было выявлено, что женщины несколько завышают возможность существования трудностей у своих мужей в виде недостатка времени на семью и физического напряжения, но в то же время они занижают возможность наличия у мужей психологических трудностей. Мужчины же более чем в 1,5 раза занижают вероятность существования у своих жен трудностей в виде отсутствия досуга, но в то же время несколько завышают возможность существования у них физического напряжения.

Анализ возможных изменений в собственной карьере респондентов 2-х групп показал, что большинство из них считают, что ничего менять не стоит: 54 % мужчин и 60 % женщин в «не карьерном» браке и 43 % мужчин и 71 % женщин в «двухкарьерном». Но 40 % мужчин и 17 % женщин «двухкарьерного» брака считают, что они должны снизить значение карьеры в своей жизни, а в «не карьерном» браке 37 % мужчин и 40 % женщин хотели бы продвинуться в своей карьере.

Отвечая на вопрос о возможных изменениях в семье, респонденты из «не карьерных» браков чаще всего считают, что менять ничего не надо (66 % мужчин и 51 % женщин), однако доля супругов считает, что нужно больше внимания уделять семье (26 % мужчин и 29 % женщин). Партнеры «двухкарьерных» браков чаще всего считают, что необходимо больше времени уделять семье (57 % мужчин и 51 % женщин), при этом 23 % мужчин и 29 % женщин ничего менять не планируют, а 20 % мужчин и 14 % женщин хотят снизить количество конфликтов в браке.

Супруги из «двухкарьерного» брака в большей степени предъявляют к себе требования по уменьшению конфликтов в семье («я хочу меньше конфликтовать с мужем, т. к. хочется гармонии в семье»; «пытаюсь проявлять меньше агрессии к мужу»), чем к партнеру, и достаточно адекватно воспринимают тот факт, что не только их партнерам необходимо больше уделять времени семье, но и им самим.

Анализируя данные опросника «РРК с помощью углового преобразования Фишера, удалось выявить значимые различия в степени выраженности причин конфликтов между супругами «двухкарьерных» и «не карьерных» браков.

Так, в «двухкарьерном» браке причинами конфликтов чаще становится отсутствие единого понимания роли супругов в семье ($\varphi = 2,4$ при $p = 0,01$), претензии партнеров на лидерство ($\varphi = 4,42$ при $p = 0,00007$), а также непонимания мотивов, желаний, побуждений партнера ($\varphi = 1,78$ при $p = 0,04$).

Партнеры «не карьерного» брака чаще, чем респонденты, состоящие в «двухкарьерном» браке, в качестве оснований конфликтов в семье отмечают жилищно-бытовые ($\varphi = 2,16$ при $p = 0,02$) и материальные трудности ($\varphi = 4,81$ при $p = 0,00002$), злоупотребление алкоголем ($\varphi = 1,92$ при $p = 0,03$) и недостаточно высокую культуру поведения супруга ($\varphi = 2,93$ при $p = 0,003$).

В «двухкарьерных» браках женщины чаще выделяют в качестве причины конфликта наличие неадекватной самооценки партнера ($\varphi = 3,21$ при $p = 0,001$); а мужчины чаще, чем их супруги, отмечают существующую неудовлетворенность в интимно-половой сфере ($\varphi = 2,26$ при $p = 0,02$), а также низкую эмоциональную поддержку со стороны партнера ($\varphi = 2$ при $p = 0,03$). В «не карьерных» браках только женщины жалуются на недостаточно высокую культуру поведения своих супругов ($\varphi = 2,83$ при $p = 0,004$).

Таким образом, у супругов в «двухкарьерном» браке в основе конфликтов чаще всего лежат стремление партнеров к лидерству и к разграничению ролей в семье, конфликты в «не карьерных» браках чаще всего связаны с нехваткой материальных средств и трудностями в жилищно-бытовой сфере.

Преимущественно конфликты в «не карьерном» браке возникают один или несколько раз в месяц.

В «двухкарьерных» же браках больше всего конфликтов происходит с частотой несколько раз в месяц. Однако обнаружено, что супруги из «не карьерных» браков по сравнению с супругами из «двухкарьерных» браков чаще ссорятся: лишь раз в год ($\varphi = 3,17$ при $p = 0,002$), раз в месяц ($\varphi = 2,88$ при $p = 0,004$) или несколько раз в сутки ($\varphi = 2,06$ при $p = 0,02$). В отличие от них, у респондентов, состоящих в «двухкарьерных» браках, ссоры происходят, как правило, раз в сутки ($\varphi = 3,28$ при $p = 0,001$).

Наиболее часто в «не карьерных» и «двухкарьерных» супружеских парах конфликты длятся несколько часов, и время последствий конфликта чаще у всех респондентов также составляет несколько часов. К тому же выявлено, что в «двухкарьерных» браках намного чаще происходят конфликты, длящиеся неделями, чем в «не карьерных» парах ($\varphi = 3,25$ при $p = 0,001$). Что касается времени последствий конфликтов между супругами, то в «двухкарьерных» браках оно чаще длится несколько часов ($\varphi = 3,66$ при $p = 0,0005$), а в «не карьерных» браках – несколько минут ($\varphi = 3,69$ при $p = 0,0005$).

Таким образом, в «двухкарьерных» парах и сами конфликты, и время их последствий длятся дольше, чем в «не карьерных», однако обнаружено, что только в нескольких «не карьерных» супружеских парах время последствий длится месяцами ($\varphi = 2,06$ при $p = 0,02$) или вообще не прекращается ($\varphi = 2,06$ при $p = 0,02$). Описанные выше результаты, составляющие показатель «субъективное пространство конфликтов», по мнению А.И. Тащевой, является признаком нестабильности «двухкарьерных» супружеских пар и небольшой части «не карьерных» [2].

Показатель «ситуативной рефлексии конфликта» опросника «РРК» позволяет проанализировать ситуации самих ссор супругов и ретроспективные оценки поведения в конфликте каждого из партнеров глазами обоих. Так, 44 % супругов, состоящих в «не карьерных» браках, в качестве своей позиции в конфликте предпочитают агрессию, 26 % – примирения и 30 % – выжидание; в «двухкарьерных» парах 37 % респондентов воспроизводят агрессивное поведение, 40 % – позицию примирения и 23 % – выжидание.

В качестве позиции в конфликте своего партнера респонденты «не карьерного» брака в 47 % отмечают агрессию, в 40 % – примирение, и в 13 % – позицию выжидания. В «двухкарьерном» браке супруги утверждают, что в 39 % случаях их партнеры прибегают к агрессии, в 35 % случаях – к примирению и в 26 % случаях находятся в выжидательной позиции. Причем, как оказалось, респонденты «двухкарьерного» брака чаще, чем «не карьерного», выбирают позицию примирения ($\varphi = 1,77$ при $p = 0,04$), а их партнеры – позицию выжидания ($\varphi = 1,97$ при $p = 0,03$).

В соответствии с показателем «надситуативная рефлексия конфликта» опросника «РРК» в «двухка-

рьерном» браке ответственность за успех и неудачу супружества чаще носит односторонний субъектный характер и приписывается партнеру (50 % и 54 %), а также обстоятельствам (50 % и 49 %).

В «не карьерном» браке респонденты чаще всего ответственность за счастье в семье приписывают себе (53 %), также указывают на влияние обстоятельств (57 %); а ответственность за несчастье в браке здесь носит взаимносубъектный характер, она равна: распределена между респондентом (54 %) и его партнером (54 %).

С помощью углового преобразования Фишера было выявлено, что ответственность за несчастье в семейных отношениях респонденты «не карьерных» браков чаще, чем это делают респонденты «двухкарьерных», приписывают себе ($\phi = 2,39$ при $p = 0,01$). Также были выявлены половые различия в «не карьерных» браках при приписывании ответственности за неудачу в супружестве: женщины чаще считают себя ответственными за несчастья в семье ($\phi = 1,97$ при $p = 0,03$), а мужчины приписывают её своим супругам ($\phi = 1,76$ при $p = 0,04$). Автор методики эмпирически выявила, что в парах разводящихся атрибуция ответственности за неудачи во взаимоотношениях носит характер обстоятельственный или односторонней субъектности, следовательно, есть все основания полагать, что исследованные нами «двухкарьерные» пары относятся к нестабильным [2].

Распределение ролей между супругами в «не карьерных» и «двухкарьерных» браках практически одинаково. Такие роли, как воспитание детей, эмоциональный климат в семье, организация развлечений, хозяйки и организации семейной субкультуры в «не карьерном» и «двухкарьерном» браках приписываются в основном женщине. Материальное обеспечение семьи в «не карьерных» браках лежит в основном на мужчинах, а в «двухкарьерных» парах чаще всего эта роль распределена поровну между супругами. Что касается роли сексуального партнера, то в «не карьерных» браках данная роль чаще распределяется между супругами, а в «двухкарьерных» в большей степени возлагается на мужчину.

К тому же выявлено, что воспитание детей ($U = 1820,5$; $Z = 2,62$ при $p = 0,009$) и роль сексуального партнера ($U = 1968$; $Z = 2$ при $p = 0,04$) в большей степени приписывается женщинам в «не карьерных», чем в «двухкарьерных», а такая роль, как материальное обеспечение семьи ($U = 1963,5$; $Z = -2,03$ при $p = 0,04$) чаще приписывается мужчинам из «не карьерных» семей, чем из «двухкарьерных» браков.

Таким образом, в «не карьерном» браке чаще, чем в «двухкарьерном», респонденты возлагают ответственность за воспитание детей и сексуальные отношения на женщин, а за материальное обеспечение семьи – на мужчин.

Партнеры, состоящие в «двухкарьерном» браке, испытывают меньшую удовлетворенность супружеством по всем исследуемым сферам семейной жизни, в отличие от респондентов, состоящих в «не карьерном» браке. Общая удовлетворенность браком у респондентов из «двухкарьерных» пар также меньше (50,2), чем у супругов из «не карьерного» брака (54,3).

Выявлено, что представления партнеров о «двухкарьерном» и «не карьерном» браке влияют на все сферы удовлетворенности семейными отношениями, к которым относятся: сексуально-эротическая сфера ($F = 5,52$ при $p = 0,02$), рождение детей ($F = 4,11$ при $p = 0,04$), хозяйственно-бытовая сфера ($F = 5,47$ при $p = 0,02$), досуговая сфера ($F = 7,48$ при $p = 0,007$), единодушие во взглядах ($F = 7,13$ при $p = 0,009$), психотерапевтическая сфера ($F = 5,69$ при $p = 0,02$), воспитание детей ($F = 8,55$ при $p = 0,004$), а также общую удовлетворенность браком ($F = 9$ при $p = 0,003$); на особенности восприятия конфликтов ($F = 27,93$ при $p < 0,001$), роль супругов в воспитании детей ($F = 7,42$ при $p = 0,007$) и на роль супруга как сексуального партнера ($F = 4,78$ при $p = 0,03$).

Таким образом, полученные результаты подтвердили связь особенностей восприятия супружеских отношений с представлениями партнеров о «двухкарьерном» браке.

Приведенные данные могут быть полезны специалистам в области семейной психотерапии для профилактической, консультативной, коррекционной помощи супругам «двухкарьерного» брака.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учебное пособие. – М.: Гардарики, 2005. – 320 с.
2. Тащёва А.И. Атрибутивные процессы в супружеских конфликтах: дис. ... канд. психол. наук. – М., 1987. – 172 с.
3. Тащёва А.И. Особенности семей, в которых оба партнера избыточно озабочены карьерой, и психологическая помощь этим семьям // Психологический Вестник РГУ. – 1998. – Вып. 3. – С. 116–122.
4. Фрондзей С.Н. Личностные детерминанты конфликтов в неофициальном молодежном браке: дис. ... канд. психол. наук. – Ростов-на-Дону, 2009. – 135 с.
5. Bailyn L. Career and family orientations of husbands and wives in relation to marital happiness // Human Relations. – 1970. – P. 97–113.
6. Hopkins J., Priscilla W. The dual-career couples: constraints and supports // The family coordinator. – 1978. – Vol. 27. – № 3. – P. 253–259.
7. Falkenberg L., Monachello M. Dual-career and dual-income families: do they have different needs? // Journal of business ethics. – 1990. – № 9. – P. 339–351.

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ
ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ
ОСОБЕННОСТЯМИ И Я-КОНЦЕПЦИЕЙ ЛИЧНОСТИ****Обухова Ю.В.**

В данной статье приводятся аспекты изучения взаимосвязи между интеллектуальными особенностями и Я-концепцией, а также отмечаются перспективы дальнейшего исследования.

Ключевые слова: аспекты изучения Я-концепции, самоотношение, вербальный интеллект, эмоциональный интеллект.

Проблема изучения Я-концепции человека является одной из центральных в психологии личности и в психологической науке в целом. Несмотря на имеющиеся концептуальные подходы и исследовательские работы в этой области, Я-концепция – ее категориальный статус, структура, содержание, роль в динамике психического развития и личностного функционирования, её обусловленность когнитивными, эмоциональными, волевыми особенностями – нуждаются в дальнейшем изучении и осмыслении. Следует отметить, что психологических исследований, прямо нацеленных на выявление взаимосвязи между интеллектуальными особенностями и Я-концепцией, явно недостаточно.

В современной психологической науке прослеживается несколько аспектов изучения Я-концепции: содержательный, структурный, динамический, функциональный, эмпирико-методический аспекты [2].

В содержательном аспекте изучения Я-концепции взаимосвязь между интеллектуальными особенностями и самоотношением выражается в конфликтности самоотношения у интеллектуально одаренных подростков [4, 9]; в обусловленности показателей вербального интеллекта личностными проблемами кризиса идентичности и нестабильностью самооценки (Т.И. Семенова, 2004); в наличии негативного самоотношения у детей с высокими интеллектуальными способностями (Ш.Н. Чхартишвили, 1975); в особенностях формирования различных параметров самоотношения в разные возрастные периоды (Д. Баярд, 1992; Л.С. Выготский, 1992; В.А. Зобков, 1982; М.С. Кле, 1991; Д.В. Колесов, 2003; И.С. Кон, 1981; О.Н. Николаева, 2004; Д.И. Фельдштейн, 2004) [4]. Эмпирически были установлены связи вербального интеллекта с самоуверенностью (Р. Кеттелл). В группе активных пользователей социальных сетей шкала социального интеллекта имеет положительные корреляции с ценностно-смысловым компонентом психологической культуры личности. Указанный

компонент измерялся с помощью опросника СЖО и теста-опросника самоотношения В.В. Столина, С.Р. Пантеева [7, 12]. Эмоциональный интеллект более развит у активных пользователей (люди, проводящие в социальной сети от нескольких часов до часа в день, просматривающие большое количество страниц, администрирующие группы и создающие встречи социальных сетей, имеющие высокий уровень самораскрытия) и имеет более тесные связи с другими компонентами психологической культуры личности [12]. Исследования связи эмоционального интеллекта с самоотношением малочисленны, т.к. внимание исследователей было сосредоточено преимущественно на взаимосвязи эмоционального интеллекта и таких переменных, как тревожность (Н.И. Олифирович, 2003), социальная компетентность (Goleman, 1988), девиантность и недевиантность (Е.С. Пасмор, 2009) у подростков; гендерные различия (Г. Орме, 2003; И.С. Громова, 2003) [6]; социально-психологическая адаптация молодых специалистов (Т.А. Панкова, 2011); типы темперамента (Т.И. Голуб, 2012); внешний локус контроля (Wang, Anderson, 1994; Гассин, 1999); религиозность (Lewis, McGuckin, 2000), успешность жизнедеятельности человека (Дж. Майера, П. Сэловея, 2000; Д. Карузо, 2000; А.И. Чеботарь, 1999); социальная уравновешенность, асертивность, ценности независимости и автономии, недостаток беспокойства за себя, говорливость, сердечность (Д.В. Люсина, 2004) и др. [8, 16]. Таким образом, в содержательном аспекте изучения Я-концепции внимание исследователей уделялось эмпирическим связям между преимущественно самоотношением, как компонентом Я-концепции и интеллектуальными (вербальный, эмоциональный интеллект) особенностями [8]. Эти взаимосвязи являются функциональными по характеру.

В структурном аспекте изучения Я-концепции установлено наибольшее количество связей и зависимостей между рефлексивностью и основными

параметрами интеллектуальной деятельности [3]. Учащиеся с высоким уровнем общего, вербального и невербального интеллекта характеризуются более высокими показателями интеллектуального развития, когнитивной дифференцированности и полнезависимости (В.В. Назарова, 2001) [3]. В исследовании структуры Я-концепции выделяют два подхода: иерархический, с точки зрения которого зафиксировано увеличение количества структурных компонентов Я-концепции с возрастом (Harter, 1983) и таксономический, с точки зрения которого показано, что с возрастом строгая иерархичность структуры Я-концепции ослабевает (Moriarty & Hardy, 2000) [15]. Развитие Я-концепции умственно отсталых лиц происходит в основном в двух направлениях: в ее структурном совершенствовании и в изменении её качественных характеристик. В частности, компонент Я-концепции – Я-анти-идеальное в младшем школьном возрасте является несформированным, но к подростковому возрасту начинает свое становление, а в юношеском является существенным структурным звеном Я-концепции умственно отсталых лиц (Т.И. Кузьмина, 2009) [12]. У ряда исследователей (Р. Бернс, К. Гордон, И.С. Кон) основным критерием для выделения различных уровней самосознания выступает степень обобщенности соответствующих измерений Я-концепции. А.Г. Спиркин и И.И. Чеснокова в качестве ведущего основания для выделения различных уровней самосознания определяют степень развития когнитивных, эмоциональных и волевых процессов, лежащих в основе формирования и функционирования различных актов самосознания. В данном аспекте чаще всего внимание исследователей заострялось на эмпирической связи отраженных разноуровневых феноменов, структуры Я-концепции и вербального интеллекта. В рамках структурного аспекта преимущественно изучалось структурированность Я-концепции у умственно отсталых лиц [10].

В рамках динамического аспекта изучения Я-концепции можно выделить несколько направлений исследований взаимосвязи Я-концепции и интеллекта. С точки зрения динамики, содержания феноменов самосознания авторами изучаются изменения уровня и критериев самооценок с возрастом, динамика оценок собственной внешности, умственных и моральных качеств. С точки зрения динамики, характеристик Я-концепции исследуются изменения степени её дифференцированности (когнитивной сложности), внутренней последовательности (цельности), устойчивости (стабильности во времени), субъективной значимости, контрастности, а также уровня самоуважения. Р. Бернс указывает на зависимость усложнения и дифференциации Я-концепции, в частности, способности различать реальные и ги-

потетические возможности, от развития когнитивных и интеллектуальных особенностей человека. С точки зрения динамики, Я-концепции в связи с особенностями личности авторами исследуются расхождения Я-реального и Я-идеального образов в зависимости от интеллектуальных особенностей (И.С. Кон, 1978; И.Н. Чаус, 2001) [13]; позитивность Я-концепции в связи с уровнем успеваемости ученика [5]; дифференциация уровней Я-концепции, в зависимости от особенностей эмоционально-мотивационной сферы и интеллектуальных свойств личности [15]. Можно заключить, что в динамическом аспекте преимущественно изучалось развитие (усложнение, дифференциация) Я-концепции в связи с развитием когнитивных особенностей.

В эмпирико-методическом аспекте изучения Я-концепции установлена связь интеллектуального развития личности и характеристик образа Я. Самоописания школьников с более низкими показателями интеллекта были более поверхностными и конкретными. Образ-Я старшего, но менее развитого в интеллектуальном отношении ребенка оказывается сходным с образом-Я младшего, но интеллектуально развитого для своей возрастной группы ребенка (Livesley & Bromley, 1973). Анализ сочинений на тему «Я», полученных от детей, показал уменьшение одних и возрастание других категорий самоописания по мере взросления. Формирование основных подструктур характера, в частности, образа-Я, также имеет отметку пола. Девочки любой возрастной группы проявляют большие признаки зрелости, чем мальчики, в отношении физического (полоопределяющего) статуса и социальной ориентации, а также когнитивных навыков и интересов [14]. Образ-Я мальчиков по процентному соотношению включенных в него характеристик сопоставим скорее с образом-Я не сверстниц, а девочек двумя годами младше. Различия проявляются и в структуре самоописаний. Мальчики чаще пишут о своих интересах и увлечениях, зато девочки чаще касаются темы взаимоотношений с противоположным полом, проблем семьи и родственников. Вполне возможно, что в этих особенностях проявляется влияние социальных ожиданий (Livesley & Bromley, 1973) [14]. Следовательно, в данном аспекте исследователи преимущественно подчеркивают эмпирическую связь содержания самоописаний – эмпирического выражения Я-концепции – и особенностей вербального и общего интеллекта.

В кросс-культурном и этнических аспектах изучения Я-концепции исследований, прямо нацеленных на выявление взаимосвязи между интеллектуальными особенностями и Я-концепцией, явно недостаточно. С позиций кросс-культурного подхода традиционными являются исследования Я-концепции и таких

ее аспектов, как взаимозависимость–независимость и самооценка. Сравнение этих аспектов Я-концепции проводится преимущественно на представителях коллективистических (восточных) и индивидуалистических (западных) культур [1]. Согласно Триандису (Triandis, 1989), по критерию взаимозависимость и независимость, существует три типа Я-концепции: приватная, публичная и коллективная. Приватная Я-концепция представляет собой осознание людьми своих целей. Публичная Я-концепция связана с тем, как люди видят себя глазами других людей. Коллективная Я-концепция связана с принадлежностью к группе. Эти Я-концепции присутствуют в каждой культуре, при этом такие характеристики культуры, как индивидуализм, сложность и уровень достатка определяют преобладание одного из трех типов Я-концепции. Триандис (Triandis, 1989) предположил, что приватная Я-концепция может превалировать в индивидуалистических культурах. Сложность культуры и высокий уровень достатка также могут способствовать преобладанию приватной Я-концепции. Кроме того, обращение к той или иной Я-концепции, по мнению Триандиса, в разных культурах может определяться различными социальными ситуациями. Markus and Kitayama предложили теорию психологических последствий выбора независимой и взаимозависимой Я-концепции. Независимая Я-концепция характеризуется уникальностью и приводит к обособлению человека от окружающих. Взаимозависимая Я-концепция характеризуется взаимопроникновением со значимыми окружающими и включается в систему социальных взаимосвязей. Авторы полагали, что выбор Я-концепции может влиять на когнитивные, аффективные и мотивационные процессы. Триандис (Triandis, 1995) предположил, что Я-концепция обусловлена контекстом. На основе эмпирических данных (Fijneman, Willemsen, Poortinga, 1996; Matsumoto, Takeuchi, Andayani, Kouznetsova, Krupp, 1998; Rhee, Uleman, Lee, 1996) было высказано предположение о том, что взаимозависимое Я в большей степени, чем независимое Я, присуще коллективистическим культурам (подобно культурам Восточной Азии), а независимое Я, напротив, в большей степени, чем взаимозависимое Я, присуще индивидуалистическим культурам (подобно Западным культурам) [1]. Таким образом, в кросс-культурном и этнических аспектах преимущественно изучается проблема ментальной обусловленности Я-концепции.

Анализ выделенных нами аспектов в изучении Я-концепции показывает большую изученность взаимосвязи содержания Я-концепции, её отдельных составляющих (самоотношение) с особенностями вербального интеллекта. В специальном эмпирическом исследовании нуждается структура,

характеристики Я-концепции в их обусловленности эмоциональным интеллектом.

В качестве характеристик Я-концепции мы собираемся рассматривать: временные, интенсивностные, пространственные, информационные характеристики. Временные характеристики Я-концепции рассматриваются как результирующая в ней способность человека рассматривать себя самого, обобщать, планировать и организовывать свое поведение во временном континууме [2]. В психологической литературе временные характеристики Я-концепции изучаются в различных аспектах: дифференциации различных измерений Я-концепции (Е.П. Белинская, 1999; В.В. Столин, 1985), факторов формирования и социальной обусловленности представлений о себе (Е.П. Белинская, 1999), представление человека о своем ближайшем социальном будущем (Е.П. Белинская, 1999), конструирование самости и собственных представлений о себе (И.С. Кон, 1984; В.В. Столин, 1983) [12], определение устойчивости Я-концепции во времени (Л.А. Кириллов, 1991), как выделение специфического мотива – постоянство Я, направленного на поддержание и сохранение сложившихся представлений о себе (И.С. Кон, 1984), функций достижения согласия человека с самим собой (В.Ф. Сафин, 1986), индивидуальные и культурные различия людей в ориентации себя самих на настоящее, прошлое и будущее (Т. Шибутани, 1998). Интенсивностные характеристики Я-концепции – субъективная значимость в ее содержании тех или иных субъектов-деятельностных или личностных свойств, эмпирически выраженная в преимущественной частоте употребления и вербальной детализированности того или иного свойства в тексте самоописания. Пространственные характеристики Я-концепции связаны с отражением в Я-концепции тех или иных сфер жизнедеятельности, в которых преимущественно видит свои проявления человек. Информационные характеристики Я-концепции связаны с совершенствованием системы в отношении накопления ею информации о среде за счет усовершенствования систем управления, интегрирования самой информации [2]. Специфика этих характеристик изучалась в соответствии с содержанием, структурой Я-концепции, мотивами, стратегиями поведения.

В рамках рассмотрения аспектов (содержательный, структурный, динамический, функциональный, эмпирико-методический, кросс-культурный и этнический) изучения Я-концепции исследовательское внимание преимущественно направлено на установление функциональной взаимосвязи между самоотношением, отдельными аспектами (дифференцированность), компонентами (анти Я-идеальное) Я-концепции, содержанием самоописаний и особенностями вербального интеллекта. В меньшей

степени изучена взаимосвязь между Я-концепцией и особенностями социального и эмоционального интеллектов. Исследований, посвященных взаимосвязи характеристик (временных, интенсивностных, пространственных, информационных) Я-концепции и особенностей вербального, социального, эмоционального интеллектов, явно недостаточно, что и обуславливает перспективу эмпирического исследования указанных взаимосвязей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гайнанова А.Р. Этнические и гендерные особенности становления Я-концепции на этапе полового созревания: дис.... канд. психол. наук: 19.00.01. – Барнаул, 2006. – 202 с.
2. Джанерьян С.Т. Психология профессионального самосознания: учебник. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2008. – 240 с.
3. Карпов А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24. – № 5. – С. 45–57.
4. Климонтова Т.А. Самоотношение и его влияние на положение интеллектуально одаренных подростков в учебной группе: дис... канд. психол. наук: 19.00.07. – Иркутск, 2003. – 165 с.
5. Обухова О.С. Развитие позитивной Я-концепции младшего школьника в ситуации выбора учебного задания: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. – Москва, 2009. – 145 с.
6. Орме Г. Эмоциональное мышление как инструмент достижения успеха. – М.: КСП+, 2003. – 200 с.
7. Пантилеев С.Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 110 с.
8. Робертс Р.Д., Мэттьюс Дж., Зайднер М., Люсин Д.В. Эмоциональный интеллект: проблемы теории, измерения и применения на практике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2004. – Т. 1. – № 4. – С. 3–26.
9. Рысева А.А. Особенности и развитие самоотношения интеллектуально одаренных подростков: автореф. ... канд. психол. наук: 19.00.07. – Иркутск, 2008. – 22 с.
10. Сарджвеладзе Н.И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой. – Тбилиси: Мецниереба, 1989. – 187 с.
11. Середина Т.С. Эмоциональный интеллект и психологическая культура личности активных пользователей социальных сетей // Актуальные вопросы современной психологии: Материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Челябинск, март 2011 г.) / под общ. ред. Г.Д. Ахметовой. – Челябинск: Два комсомольца, 2011. – С. 89–92.
12. Столин В.В. Самосознание личности. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 284 с.
13. Чаус И.Н. Психолого-педагогическое исследование самооценки как составляющей Я-концепции младшего школьника с высоким уровнем интеллектуального развития: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. – Самара, 2001. – 190 с.
14. Dixon James and Jeannie Street The Distinction between Self and Not-Self in Children and Adolescents // Journal of Genetic Psychology. – 1975. – December. – P. 157–162.
15. Harter S. Developmental perspectives on the self system / In P.H. Mussen (Ed.), Handbook of child psychology (4th ed& Pol. 4). – New York: Wiley, 1983. – P. 45.
16. Mayer J.D., Salovey P. The intelligence of emotional intelligence // Intelligence. – N.Y., 1993. – P. 433–442.

ВЗАИМОСВЯЗЬ И ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО И ИНДИВИДУАЛЬНО- ЛИЧНОСТНОГО «АКМЕ» У ПСИХОЛОГОВ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ОВЛАДЕНИЯ ПРОФЕССИЕЙ

Доценко И.А.

В статье рассматриваются взаимосвязь и взаимовлияние профессионального и индивидуально-личностного «акме» у психологов на разных этапах овладения профессией у психологов. Цель научного исследования: определить и теоретически обосновать стадии развития и взаимодействия профессиональных и личностных качеств психологов на разных этапах развития навыков. Основные результаты научных исследований определили предварительный этап развития профессиональных и личностных качеств психологов на разных этапах развития навыков. Методы исследования: теоретический анализ.

Ключевые слова: профессиональное «акме», индивидуально-личностное «акме», акмеология, индивидуальное развитие.

Наш интерес к данной теме вызван тем, что при более детальном понимании процессов формирования личностного и профессионального «акме», а также взаимосвязи между профессиональным и индивидуально-личностным «акме» у психологов, в будущем возможно сформировать более продуктивные методики осуществления подготовки специалистов данной профессии. Но, несмотря на довольно высокую практическую значимость данной проблемы, на данный момент она недостаточно хорошо теоретически проработана. В данной статье мы постараемся проанализировать те исследования, которые велись по данной теме, а также предложим наш взгляд на изучаемые феномены.

Под индивидуально-личностным «акме» мы понимаем совокупность индивидуально-личностных микро (промежуточных) и макро (значительных) «акме» на различных этапах жизни индивида.

Под профессиональным «акме» мы понимаем сформированность определенных профессиональных навыков и умений человека, в том числе микро (промежуточных) и макро (значительных) «акме» на различных этапах жизни индивида.

Развитие личности – это развитие психики, а значит, это развитие и усложнение психических процессов, и накопление опыта – психического потенциала. Одно из основных направлений этого развития является профессиональное развитие. «В основе концепции профессионального развития как изменения психологической структуры деятельности лежат представления об основных направлениях развития человека как субъекта труда. Основной акцент делается на изучение изменений, происходящих в процессе профессионализации

в исполнительной, когнитивной, мотивационно-ценностной и индивидуально-личностной сферах человека» [6].

Работы В.Д. Шадрикова и Г.В. Суходольского представляют направление изучения профессионального становления человека, связанное с исследованием развития деятельности как системы.

В.Д. Шадриков проводит анализ генезиса профессиональной деятельности. Он обращает внимание на формирование мотивов, целей, информационной основы, программы профессиональной деятельности, развитие способностей и профессионально важных качеств (ПВК) в процессе профессионального обучения человека. Потребности человека, его интересы, мировоззрение, убеждения и установки, жизненный опыт, особенности отдельных психических функций, нейродинамических качеств, свойства личности В.Д. Шадриков рассматривает как основную базу в формировании системы деятельности. В то же время автор подчеркивает преобразование самого себя, а не только окружающего мира происходит в процессе деятельности индивида. В процессе формирования психологической системы деятельности происходит изменение мотивов, целей, информационной основы, эффективности исполнения; изменяются уровни функционирования физиологических механизмов деятельности (В.Д. Шадриков, 1982, 1997).

Г.В. Суходольский рассматривает развитие деятельности как индивидуальную и социальную эволюцию ее строения, ценностей, имеющих форм, которая, за определенный исторический период, приводит к заметному прогрессу деятельности. Кинетика социальных и личных потребностей, порождающих и обуславливающих статику и динамику профес-

сиональных мотивов в популяции профессионалов, является сущностью этой эволюции. «Отмечается, что с общих психологических позиций механизм саморазвития деятельности представляет собой творчество в широком смысле, а с позиций психологии труда – это рационализаторство и изобретательство как высшие проявления творчества в трудовой деятельности (Суходольский, 2008). Автор рассматривает историческую эволюцию деятельности, связывая индивидуальное развитие человека как субъекта деятельности с развитием профессионального общества» [6].

Рассматривая развитие деятельности, исследователи, так или иначе, приходят к анализу развития свойств человека-деятеля. Здесь следует заметить, что хотя профессиональная деятельность и рассматривается в совокупности с личностными характеристиками субъекта деятельности, но сами характеристики этого взаимодействия, а также основные этапы и влияние профессиональной деятельности на личностные характеристики субъекта остается мало освещенной.

Что касается акмеологического освещения данного вопроса, то тут нам необходимо отметить тот факт, что формирование человека как специалиста (достижение профессионального «акме») рассматривается в тесной взаимосвязи со всеми остальными субъективными факторами (талант, способности, физическое и психическое здоровье и т. д.). «Современная акмеология развивается во взаимодействии естественных, технических и общественных наук. Развитие акмеологии обусловлено необходимостью изучения целостного образа человека, включая исследование процесса формирования, становления и закономерностей развития человека на этапе его взрослости, учитывая особенности его личной истории на предшествующих возрастных стадиях. Это исследование дает возможность проанализировать предпосылки, которые благоприятствуют формированию его как профессионала высокого класса. Другой важной частью акмеологических исследований является теоретическое обоснование и практическое создание технологий, способствующих достижению человеком своего «акме» [3]. А достижение «акме» трактуется как результат взаимодействия многих объективных и субъективных условий и обстоятельств в жизни человека. «В качестве базовых выделяются возрастной, образовательный, профессиональный аспекты акмеологического подхода. Они в качестве исходной фоновой биосоциальности задают объективное пространство для проявления активности субъекта, ориентированной на развитие своего профессионального мастерства» [6].

Комплексное изучение развития человека позволяет проанализировать корреляции индивидуальных,

личностных и субъектных характеристик взрослого человека и особенностей его формирования в детстве и юности. Важной задачей здесь является нахождение единичного, особенного и общего в индивидуальном, личностном и субъектном развитии человека при достижении им микро (промежуточных) и макро (значительных) акме, а также выявление единичного, общего и частного в процессе достижения мастерства в разных областях профессиональной деятельности.

Также нам нельзя не упомянуть вклад А.А. Деркача в развитие данной области знания. «В цикле исследований под руководством А.А. Деркача выделены исторические этапы становления акмеологии как науки (латентный, инкубационный, номинально-концептуальный, программно-институциональный). Определен в контексте современного науковедения предмет акмеологии, подчеркнута ее гуманистическая направленность, рассмотрены место и роль акмеологии в системе наук. Описаны общие (системный, личностный, субъектный, деятельностный) и конкретные (инвариантности, оптимальности, целесообразности, конгруэнтности) методологические принципы акмеологии. Впервые введены научные парадигмы: прогрессивного восходящего развития личности, соразмерности социальных и жизненных изменений личностным свойствам человека, самоуправления и самореализации личности для достижения соразмерности своих качеств сверхсложному социуму, рассмотрения развивающейся личности вне заданных жестких идеологических установок.

В научной акмеологической школе, возглавляемой А.А. Деркачем, углубленно и детально отрабатывается категориальный аппарат новой науки акмеологии. Описан феномен «акме» как многомерного состояния человека, охватывающего определенный прогрессивный период его развития, который связан с большими профессиональными и личностными изменениями. Разработан понятийный аппарат науки, включающий понятия «акмеологические принципы и закономерности», «акмеологические инварианты развития», «акмеологическое пространство», «акмеограмма» и др. Понятийный аппарат акмеологии отражен в подготовленных под редакцией А.А. Деркача «Основах общей и прикладной акмеологии», в «Акмеологическом словаре» и других трудах кафедры.

Исследованиями А.А. Деркача и его сотрудников заложены основы экспериментальной акмеологии. Этому способствовала разработка и апробация в цикле работ содержания стратегий акмеологического исследования, а также комплекса оригинальных методов и методик. К ним относятся: лонгитюдный метод в сочетании с биографическим, составление

акмеологического описания, сравнительный анализ высокопродуктивной и малопродуктивной профессиональной деятельности, сопоставление профессиограммы, психограммы и акмеограммы и др. Этот уникальный методический инструментарий используется и при построении акмеологически обоснованной психодиагностики» [5].

Данный подход к проблеме кажется нам наиболее подходящим, и мы в дальнейшем будем на него опираться. Но вместо того, чтобы учитывать все факторы сразу, мы сосредоточим наше внимание на тех факторах, которые считаем наиболее значимыми при овладении профессией «психолог». Этими факторами, по нашему мнению, являются формирование профессионального и индивидуально-личностного «акме». Также следует заметить, что нас интересует также их степень взаимосвязи и влияние их влияние друг на друга в процессе формирования на различных этапах освоения профессии. Это отнюдь не значит, что их следует игнорировать, но на наш взгляд, они играют второстепенную роль.

На начальном этапе, при выборе профессии и поступление в вуз, решающим фактором является индивидуальные предпочтения субъекта. Например, ученик, которому в школе лучше давалась математика пойдет на естественнонаучный факультет. Впоследствии, при овладении некоторыми профессиональными навыками у человека, по нашему мнению, формируется новое личностное отношение к объекту его будущей профессиональной деятельности (т. е., образуется новое индивидуально-личностное микро «акме»). На этом этапе человек уже владеет определенным набором навыков и неким представлением об объекте. Далее на этой основе происходит формирование профессионального микро «акме», т. е. происходит качественная обработка и синтез имеющейся информации. Знания, полученные субъектом на этом этапе, приобретают системность и относительную осмысленность. Что, в свою очередь, оказывает влияние на его отношение к данному объекту и тому что с ним связано (индивидуально-личностное «акме»). То есть данное взаимодействие не является односторонним. По окончании обучения у человека формируется как профессиональное, так и индивидуально-личностное «акме», которое в большой степени зависит от первого. Здесь же необходимо указать, что нельзя не учитывать и особенности самой профессии. Психологи работают в системе «человек–человек», а это значит, что после разработки проблемы при переносе полученных результатов их необходимо будет апробировать для другой системы, например,

«человек–машина» (программисты) или «человек–знак» (лингвисты). Таким образом, мы считаем, что взаимосвязь и взаимовлияние профессионального и индивидуально-личностного «акме», имеет обоюдостороннюю взаимосвязь. Также на разных этапах овладения профессией степень влияния этих факторов друг на друга имеет различную интенсивность, которая может зависеть от различных факторов (талант, качество образования и т. д.). На наш взгляд, необходимо провести эмпирическое исследование с целью более глубокого и детального выделения стадий формирования, как профессионального, так и индивидуально-личностного «акме» у психологов в процессе овладения профессией.

Итак, мы обосновали и доказали важность данной проблемы, а именно важность более детального понимания процессов формирования личностного и профессионального «акме», а также взаимосвязи между профессиональным и индивидуально-личностным «акме» у психологов. Определили понятия индивидуально-личностное и профессиональное «акме». Рассмотрели и проанализировали некоторые пути решения данной проблемы, встречающиеся в русскоязычной научной литературе психологической и акмеологической тематик. Обозначили наше собственное видение данной проблемы, а также обозначили некоторые пути ее решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акмеология: учебник общества // под ред. А.А. Деркач. – М.: РАГС, 2002.
2. Ананьева Б.Г. Человек как предмет познания. – М., 1969.
3. Белокурова М. Акме и развитие индивидуальности человека // Тренинговый центр Тертон. – URL: <http://www.terton.ru/biblioteka/akme-i-razvitie-individualnosti-cheloveka.html>
4. Деркач А.А., Орбан Л.Э. Акмеологические основы психологической и профессиональной зрелости личности. – М.: РАГС, 1995.
5. Деркач Анатолий Алексеевич // Акмеология и психология профессиональной деятельности. – URL: http://www.acmeology.com/derkach_anatoliy.shtml
6. Дружилова С.А. Категории «становление» и «развитие» применительно к профессионализму человека // Психология профессиональной деятельности и профессионализма. – URL: <http://druzhilov.ru/articles/person/категории-становление-и-развития-пр/>
7. Суходольский Г. Основы психологической теории деятельности. – Л., 1988.

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА
ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА****Артамонов Д.Г.**

В статье рассматриваются особенности теоретических направлений психологических исследований произведений искусства. Приводятся существующие возможные классификации взаимодействия психологии и эстетики и обзор методических подходов.

Ключевые слова: психология искусства, психосемантика, научная методология, эстетика.

Будучи объектом психологического исследования, искусство одновременно несёт в себе важнейшие психологические сведения и не только иллюстрирует, но и открывает психологические закономерности и механизмы человеческого поведения.

Актуальность проблемы обусловлена также тем, что научные данные об этом характеризуются чрезвычайной пестротой подходов к анализу искусства [6]. Нерешённой выглядит проблема описания реального динамического взаимодействия человека с художественным произведением, обращения к реальным эстетическим переживаниям людей.

Материалы и результаты исследования данной темы могут быть использованы при чтении курсов общей психологии и психологии искусства на факультетах психологии, в институтах искусства и культуры. Новизна и значимость работы может заключаться в систематизации, уточнении и анализе информации, изучении социально-психологических основ восприятия, стратегий принятия художественного произведения. Постоянное изменение данных по этой проблеме, находящейся на пересечении нескольких наук (психологии, герменевтики, эстетики) создаёт необходимость и возможность новых исследований.

Произведение искусства представляет собой задачу на личностный смысл, на понимание смысла бытия, выраженную языком образов и эмоций, поставленную перед собой творцом художественного произведения, решение которой рефлексировалось самим автором посредством созданного им художественного текста и транслируется другим людям, как продукт духовной работы по пониманию мироустройства, выполненной в рамкой новой, отличной от стереотипной системы категоризации. Л.С. Выготский писал: «Везде – в фонетике, в морфологии, в лексике и семантике, даже в ритмике, метрике и музыке – за грамматическими и формаль-

ными категориями скрываются психологические» [1, с. 334].

Проведённый анализ литературы предоставляет возможность выделить основные теоретические векторы исследований этой сферы.

Одна из классификаций выделяет варианты взаимодействия психологии и искусства.

Согласно первому, искусство выступает объектом психологического исследования. В этом случае оно поставляет материал, факты, а психология выступает в роли объяснительной науки, которая интерпретирует представленное творцом на суд зрителей, слушателей, читателей художественное произведение. Психолог осуществляет научно-психологический анализ художественного произведения.

Классическим образцом такого подхода выступает психология искусства Л.С. Выготского, которая, по его собственному признанию, возникла как попытка создания новой области исследования для объективной психологии. Чтобы «языком объективной психологии говорить об объективных фактах искусства», следует «наметить центральную идею, методы её разработки и содержание проблемы». Такой центральной идеей психологии искусства для Л.С. Выготского явилось «признание преодоления материала художественной формой». Методом исследования служит «объективно аналитический метод, исходящий из анализа искусства».

На примере новеллы И.А. Бунина Л.С. Выготский показывает действие психологического закона искусства, заключающегося в аффективном столкновении противоположных чувств, когда форма «воюет» с содержанием и преодолевает его, заставляет ужасное говорить на языке лёгкого дыхания. Но предпринятый Л.С. Выготским анализ не ограничивается рамками психологии литературы. Психология искусства – самостоятельная область

научного творчества Л.С. Выготского, но можно сказать, что созданная им культурно-историческая психология своими корнями уходит именно в психологию искусства. В выступлении по случаю 50-летия смерти Л.С. Выготского Д.Б. Эльконин заметил, что «знаменитый генетический закон ... о формировании высших психических функций человека по принципу превращения интерпсихических процессов в интрапсихические был в своих внутренних и глубинных основаниях проработан... при создании метода объективного анализа литературных произведений, изложенного в «Психологии искусства» [7, с. 478]. В заключительной главе: «Психологии искусства» её автор пишет: «Искусство есть социальное в нас... искусство есть общественная техника чувства, орудие общества, посредством которого оно вовлекает в круг социальной жизни самые интимные и самые личные стороны нашего существа. ... Чувство не становится социальным, а напротив, оно становится личным...».

Согласно второму подходу, искусство выполняет иллюстративную функцию, когда психологи приводят примеры для подтверждения собственных мыслей.

В данном случае можно сослаться опять же на труды Л.С. Выготского и вспомнить, в частности, работу «Мышление и речь». Л.С. Выготский рассуждает о предикативности внешней речи, которая имеет место в ситуации ответа или в ситуации, когда подлежащее суждения известно собеседникам. Примеры сокращений внешней речи и сведения её к предикатам Л.С. Выготский находит в романах Л.Н. Толстого. АН. Леонтьев, рассматривая вопросы формирования личности, ссылается на Л.Н. Толстого, А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского. Э. Фромм, решившийся на психологическую интерпретацию таких сложных проблем, как счастье человека, его совесть, свобода воли, иллюстрирует свой психологический взгляд на примере произведений У. Шекспира, Ф. Кафки, Г. Ибсена.

Такое иллюстративное положение художественных произведений по отношению к психологии является широко распространённым, когда то или иное произведение помогает лучше понять психологические положения.

Третий подход развивал Б.М. Теплов, предлагая рассматривать искусство как метод психологического исследования. По мнению Б.М. Теплова, искусство содержит неисчерпаемые запасы материалов, без которых не может обойтись научная психология.

Несмотря на кажущееся различие подходов, когда художественное искусство выступает для психолога объектом исследования (первый подход) или его средством (второй и третий подходы),

между ними много общего, в то время как отличия, наоборот, весьма условны. Рассматриваемые подходы демонстрируют одинаковое отношение психологии к искусству, при котором они выступают как две самостоятельные и относительно независимые области знания.

Иное, по сравнению с описанными подходами, отношение к искусству, можно найти у В. Зинченко. Он ищет и находит в прозе и поэзии решение психологических проблем. При таком восприятии художественного текста литература выступает уже в качестве носителя психологического знания, посредством которого она и оказывает воздействие на читателя [5].

Другой подход отталкивается от идеи М. Бахтина, согласно которому художественное произведение (литературный, музыкальный или живописный текст) выступает посредником между сознанием (картиной мира) автора и сознанием (мировосприятием) реципиента (читателя, зрителя, слушателя произведения). Эта трёхкомпонентная структура подразумевает, по крайней мере, три возможных направления в психологии искусства, использующих различные методы психологической науки применительно к искусству как предмету исследования [3]. Конечно, это деление крайне схематично и условно, т. к. психология искусства затрагивает множество проблем. Это и вопрос о художественных способностях, и психодиагностика творчества и исполнительного мастерства, и проблема воспитания художественного мировосприятия и обучения соответствующим творческим навыкам, и пограничная психофизиологическая проблематика эмпирической эстетики, связанная с восприятием плана выражения каждого из видов искусства, и психотерапия средствами искусства, и пограничные проблемы психологии и культурологии (отношение индивидуального творчества и этно- и социокультурной традиции, а также понимание инокультурного художественного текста), и социально-психологические аспекты создания произведения искусства, затрагивающие социальную атмосферу творческого процесса и жизни творца. Однако эти комплексные проблемы выходят за границы других наук, подразумевают использование междисциплинарных методов и подходов и являются, так сказать, неким контекстом стержневой проблемы: творец–произведение–зритель.

Первое направление психологии искусства связано с исследованием личности творца и процесса создания художественного произведения. Наиболее широко здесь представлено психоаналитическое направление (Фрейд, Юнг, Нойман), где творчество рассматривается как своеобразная проекция личностных проблем автора на создаваемое им про-

изведение. Современные исследования искусства в психоанализе тяготеют к анализу творчества единичного автора. Психоанализ, как и биографический метод, позволяет высветить личностную предысторию художественного поиска. Истоки этого направления в отечественной психологии содержатся в работах А.А. Потебни, Д.Н. Овсяннико-Куликовского, О. Герасимова, изучавших психологию личности известных писателей, опираясь, в первую очередь, на автобиографические произведения. К методам психологического исследования художественного творчества относится также анализ черновиков, предварительных вариантов и различных версий создаваемого произведения, дающий срез процесса творческого поиска. К первому направлению можно отнести и психодиагностические методики различных художественных способностей человека.

Второе направление связано с анализом собственно текста художественного произведения (будь то литературные, музыкальные или живописные произведения, балет, художественные фильмы, театральные постановки, архитектурные или иные пластические формы). Это направление представлено, прежде всего, методами структурализма и семиотики (Бахтин, Пропп, Лотман, Барт, Фуко). По большому счёту структурализм в западном варианте априори психологичен. Принято различать субъекта создания художественного текста и автора как носителя различных культурных кодов, как сложной функции дискурса. В разграничении психологической личности творца и самореализующейся через человеческую личность многомерной культуры открывается, тем не менее, и возможность анализа личности автора как носителя совокупности знаемых текстов, обычаев, ритуалов, этнокультурных картин мира; при этом вынося за рамки структурного исследования экзистенциально-психологическое ядро личности, её ценностно-мотивационные и смысловые образования. Методы структурного анализа предусматривают выделение элементов художественного произведения и анализ системы их отношений. Поскольку любой текст существует в рамках системного целого культуры, как «текст в тексте», то к этому направлению могут быть отнесены и исследования религиозного и философского контекста создания и бытия художественного произведения, исследования преемственности и скрытого цитирования мифологических, религиозных, литературных, музыкальных, живописных сюжетов, а также взаимовлияния различных видов искусств в синкретическом восприятии.

Третье направление связано с анализом восприятия и понимания произведения искусства реципиентом (слушателем, читателем, зрителем).

К нему относятся, например, попытки выявить модели и теории эстетической реакции на восприятие человеком предметов искусства.

Специфика воздействия искусства на человека заключается, как известно, в эмоциональных реакциях. Если при восприятии художественного произведения отсутствуют более или менее выраженные эмоции, значит, художественная коммуникация не состоялась. Высшим проявлением воздействия искусства на эмоциональную сферу человека можно считать феномен катарсиса.

Понятие катарсиса как некоего эмоционального очищения появилось в античной эстетике и получило особую известность благодаря «Поэтике» Аристотеля, но вследствие лаконичности и неясности его определения вызвало в новое время множество интерпретаций и теорий (Г.Э. Лессинг, И.В. Гёте, И. Бернайс, Л.С. Выготский и др.). Среди них выделяют этические (очищение от пороков), эстетико-этические (успокоение аффектов средствами искусства на основе норм нравственности), медицинские, точнее психофизиологические (органические разрешающие реакции типа слез), религиозные и мистические (божественное просветление, откровение). Л.С. Выготский в 20-х гг. нашего века трактовал катарсис как очищение, прояснение, снятие трагического содержания произведения посредством его художественной формы, что он попытался показать на примере структурного анализа рассказа И. Бунина «Легкое дыхание». Л.С. Выготский сделал вывод: «Найденная нами противоположность в строении художественной формы и содержания и есть основа катартического действия эстетической реакции». Таким образом, он даёт оригинальное психолого-эстетическое толкование катарсиса, которое, конечно, не является универсальным.

Но следует обратить внимание на более многоаспектный, системный подход к проблеме катарсиса, при котором, прежде всего, выделяются эмоциональный, эстетический и этический аспекты. Возможно, гипотетически охарактеризовать их.

В эмоциональном аспекте катарсис выражается в процессе, ведущем к состоянию облегчения, освобождения (включая слезы и смех) от тяжких, мрачных переживаний к положительным просветленным чувствам, несмотря на их трагическую подоплеку. В эстетическом аспекте катарсис ведет к чувствам гармонии, порядка, красоты в их сложном диалектическом выражении. Наконец, в этическом плане катарсис вызывает гуманные чувства, переживания вины, покаяния, «благоговения перед жизнью» (А. Швейцер). Эти эмоционально-психологические, эстетические и этические характеристики ясно прослеживаются в великих художественных про-

изведениях, которые, в конечном счете, формируют мироощущение и мировоззрение человека Добра.

В социально-психологической интерпретации катарсис выступает как интенсивное эмоциональное состояние, объединяющее реальную аудиторию (театральную, концертную и др.) или отдельного человека (читающего стихотворение или повесть, просматривающего видеофильм и т. д.) в сопереживании с трагическим (трагикомическим) героем (содержанием) художественного произведения, которое просветляет, возвышает, облагораживает внутренний мир человека (его чувства, мысли, волю), проявляет его общечеловеческую духовную сущность. В широком социально-психологическом понимании катарсис – это преодоление одиночества и отчужденности, достижение человеческой солидарности, качественный скачок в процессе [4].

Сюда же может быть отнесён и ряд отечественных работ, посвящённых взаимосвязи искусства и работы духа над самопостроением личности (Зинченко, Василюк). Для анализа зрительского восприятия и понимания используется широкий диапазон методик – от объективных методов регистрации эмоциональных реакций или регистрации движения глаз в процессе восприятия произведения искусства до анализа понимания смысла произведения, описываемого с помощью формализованных опросников или неформализованных свободных изложений и сочинений на тему произведения. К последним методам близок и психосемантический подход к анализу восприятия произведения. Специфика психосемантического подхода заключается здесь в том, что исследователь обращается к произведению искусства через посредника – реципиента, ставит задачу увидеть, услышать, понять и пережить произведение с позиции зрителя, читателя, слушателя, описать произведение в его превращённой форме – форме события, опыта духовной жизни другого человека.

В общем виде результат воздействия произведения искусства на человека можно описать как трансформацию семантического пространства той области смысловой сферы, которая была затронута коммуникативным воздействием произведения. В рамках психосемантического подхода к исследованию восприятия и понимания художественного произведения используются метод триадического выбора Дж. Келли, метод множественных идентификаций, где для построения семантических пространств используется приём описания персонажей произведения через их возможное поведение в предлагаемых обстоятельствах, размещение в семантическом пространстве поступков

образов «значимых других», самого себя, образов современников, исторических или литературных персонажей, что позволяет встроиться в мировосприятие реципиента (читателя, зрителя), понять его систему ценностей, установок, личностных смыслов [3].

Искусство – это дотеоретическое знание, которое практически вводит человека в мир человеческих ценностей, что, к сожалению, не всегда можно сказать о науке. Не просто восприятие, а активное восприятие, восприятие-действие и понятое как деятельность созерцание произведений искусства есть начало духовной практики. Применительно к восприятию искусства духовная практика требует восприятия-вчувствования. Термин «вчувствование» (Einfühlung) в контекст искусства ввел Вильгельм Воррингер в своей книге «Абстракция и вчувствование», которая в английском переводе звучит как «Абстракция и эмпатия». Этот перевод слова «вчувствование», предложенный Э. Титченером, принял психолог и искусствовед Р. Арнхейм. Последний отмечает, что понятие «эмпатия», ставшее рабочим у психотерапевтов и социальных психологов, родилось в контексте психологии искусства. Он приводит его определение, данное К. Кларком: эмпатия – это «способность индивида чувствовать потребности, стремления, разочарования, радости, горести, заботы, боли и даже голод других людей, как свои собственные». По Кларку, эмпатия – это способность воспринимать то, что чувствуют другие, соотнося чужие чувства со своими. Арнхейм не сомневается в существовании подобного эффекта, несмотря на таинственность его происхождения и механизма, отмечаемую многими авторами. Он пишет о том, что мы сами ощущаем действие живых сил, идущих от картины, и что они накладывают свой отпечаток на зрителей. Естественно, что эмпатию соотносили с проекцией собственных переживаний наблюдателя, с экстраверсией, развивались и кинестетические теории эмпатии. А.В. Запорожцу удалось приблизиться к пониманию происхождения этого чувства. Анализ формирования эстетического восприятия сказок, басен, детских спектаклей, иллюстраций к художественным произведениям у детей дошкольного и младшего школьного возраста привел его к заключению о наличии в этом процессе выразительных движений детей, выполняющих функцию «содействия» героям произведений, когда ребенок становится как бы соучастником происходящих событий. На основе такого содействия затем складываются более сложные и автономизирующие от внешнего действия формы эмоционального сопереживания и вчувствования в ткань художественного произведения,

мысленного действия в воображаемых ситуациях. Мы встречаемся, таким образом, с реализацией идеи преобразованного, претворенного умного действия в умные эмоции [2].

Искусство на десятилетия, а то и на столетия опережает науку в познании неживого и особенно живого. Еще более существенно, что в отличие от науки искусство порождает живое знание. Искусство сохраняет человеческий мир целостным. Оно если и не предмет для подражания, то постоянное напоминание науке о существовании целостного неосколочного мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л.С. Мышление и речь // Избр. психолог. исследования. – М.: Изд. АПН РСФСР, 1956. – 519 с.
2. Зинченко В.П. Психологические аспекты влияния искусства на человека // Культурно-историческая психология. – 2006. – № 4. – С. 3–21.
3. Петренко В.Ф. Основы психосемантики: 2-е изд., доп. – СПб.: Питер, 2005. – 480 с.
4. Семенов В.Е. Катарсис и антикатарсис: социально-психологический подход к воздействию искусства // Вопросы психологии. – 1994. – № 1. – С. 116–122.
5. Степанова М.А. Психологическое лицо литературы // Вопросы психологии. – 2006. – № 3. – С. 109–122.
6. Тарасов Г.С. О психологии искусства // Вопросы психологии. – 1992. – № 1. – С. 105–111.
7. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. – М.: Педагогика, 1989. – 560 с.

Гримсолтанова Р.Э.

Любая внешняя реальность находит свое отражение в рамках некоторой модели во внутреннем мире личности, создаваемой с помощью специфической активности, выраженной в процессе восприятия. Всю информацию, воспринимаемую извне, человек получает вначале в виде отдельных первичных ощущений, но все, что воспринимается, преломляется сквозь призму осмысления и осознания и только тогда становится некоторым ментальным конструктом, образом реальности.

Ключевые слова: образ в психологии, образ мира, психический образ, конструирование отдельных психических образов, структура психического образа, межличностное восприятие, социокультурный опыт субъекта, формирование образа мира, нецелостный образ, трансформация образа.

Процесс формирования психических образов занимает центральное место среди основных функций человеческой личности. Без способности к формированию психических образов были бы невозможны самоосознание, речь, письмо, запоминание, сны, искусство, культура – все то главное, что присуще только человеку [3].

По мнению Э. Тоффлера, «каждый из нас создает ментальную модель действительности, у нас в голове существует как бы склад образов. Одни из них визуальные, другие слуховые есть даже тактильные. Эти образы не появились сами по себе. Они формируются непонятным для нас образом из сигналов или информации, получаемой нами из окружающей нас среды [9].

И.М. Сеченов высказывает предположение о том, что образ – это регулятор исполнительных рефлекторных эффектов. В этом определении мы можем проследить связь образной реальности с двигательной активностью и деятельностью человека в целом.

С.Л. Рубинштейн, связывая образ с процессом мышления, определяет его как «мысленную картину того, что в данный момент недоступно непосредственному восприятию».

Д.В. Колесов, рассматривая понятие образа, подчеркивает его физиологическую основу, говоря, что это «сочетание нейрофизиологических следов воспринятого, его виртуальный «слепок».

К.Г. Юнг строит свою теорию, исходя из реальности мира образов. Образ – это тот мир, в котором разворачивается опыт. Образ составляет опыт. Образ – это душа. Для Юнга мир психической реальности не

является ни миром вещей, ни миром бытия. Это мир «образа как такового» [3].

В словаре практического психолога мы находим определение данного понятия: образ – субъективная картина мира или его фрагментов, субъективная представленность предметов внешнего мира, обусловленная как чувственно воспринимаемыми признаками, так и гипотетическими конструктами. Включает в себя самого субъекта, других людей, пространственное окружение и временную последовательность событий [2].

П.Я. Гальперин, говоря о психическом образе, пишет: «Условимся называть образами все психические отражения, в которых перед субъектом открываются предметы и отношения объективного мира».

В работах А.Н. Леонтьева была выдвинута гипотеза об образе как многомерном психологическом образовании [6].

Исходя из перечисленных определений, можно сказать, что образ имеет первичную чувственную физиологическую основу, в результате обработки которой во внутреннем плане сознания появляются вторичные умственные образы (ментальные конструкты). То есть образ – это некоторая форма отражения окружающего мира, которая определяет внутренний план действий и позволяет конструировать и вносить коррективы в деятельность субъекта.

Подход метафизического материализма, который до сих пор господствует в обыденном сознании (а иногда и в сознании ученых), состоит в том, что образ, возникающий в результате воздействия некоторого объекта на наши органы чувств, считается принадлежностью только субъекта и остается со-

вершенно внешним и безразличным по отношению к оригиналу, копией которого (более или менее совершенной) он является. Мир образов мыслится наподобие мира теней, которые никак не могут влиять на те предметы, которые эти тени отбрасывают. Это кажется тем более очевидным в случае образа-представления или понятия. На самом деле образ не есть нечто совершенно внешнее по отношению к объекту, его породившему; это одно из явлений объекта, одно из проявлений его сущности, но такое, которое обнаруживает свое существование в особых условиях взаимодействия предмета не с другими неживыми объектами, а совершенно особым объектом – человеком; и не просто с человеком, а таким, за которым стоит все человечество [7].

С.Д. Смирнов считает, что «образ мира является ядерным образованием по отношению к тому, что на поверхности выступает в виде чувственно (модально) оформленной картины мира» [8].

А.Н. Леонтьев определяет образ мира как методологическую установку, предписывающую исследование когнитивных процессов индивида в контексте его субъективной картины мира, как она складывается у этого индивида на протяжении развития познавательной деятельности. Это многомерный образ мира, образ реальности. «Функция образа: самоотражение мира. Эта функция «вмешательства» природы в самое себя через деятельность субъектов, опосредованную образом природы, то есть образом субъективности, то есть образом мира. Мир, открывающийся через человека самому себе» [4].

Также в качестве структуры образа можно выделить его основу («ядро») и периферию. Поскольку образы, присутствующие в человеческом сознании, нестатичны и неизменны, то, следовательно, под воздействием внешних и внутренних факторов они могут меняться. В процессе преобразования первичного образа изменения могут затрагивать как его ядро (основу), так и «периферию». Если преобразования затрагивают только «периферию», то природа образа при этом остается неизменной: это тот же самый, но усовершенствованный (уточненный, «кристаллизованный») образ. В нём сохраняется всё главное, первично-специфическое содержание. Если изменения затрагивают основу образа, то, как правило, он меняется.

Следовательно, образ мира – это некоторая сложная система, и как любая система она включает в себя некоторую совокупность элементов. То есть любой образ есть элемент образа мира, который также является в своем роде системой и имеет свою структуру.

Как указывает Д.А. Леонтьев, «трансформации образа могут быть порождены как устойчивыми особенностями структурирования личностью целостной

картины мира, так и преходящим влиянием сиюминутных мотивов. Причиной этих трансформаций выступает личностный смысл, характеризующий те или иные элементы ситуации в аспекте их связи с жизнедеятельностью субъекта, места и роли в ней; при этом трансформация образа может сопровождаться, а может и не сопровождаться эмоциональной индикацией» [5, с. 170].

Наиболее полно структура психического образа представлена в работах Ф.Е. Василюка. В своих работах, Ф.Е. Василюк обращается к вопросу о структуре образа и представляет следующую модель образа предмета: предметное содержание образа и чувственная ткань предметного содержания, личностный смысл и чувственная ткань личностного смысла, значение и чувственная ткань значения, слово (знак) и чувственная ткань слова (знака).

Как указывает Ф.Е. Василюк, «в конкретном живом образе сознания каждая из этих инстанций имеет своего представителя, которые образуют как бы нервные центры, узлы образа. Внешний мир представлен предметным содержанием, мир культуры – значением, представителем языка является слово, а внутреннего мира – личностный смысл. Каждый из узлов образа – пограничная сущность, одной стороной обращенная к объективно существующей реальности (внешнего мира, внутреннего мира, языка и культуры), а другой – к непосредственной субъективности; все же вместе эти узлы задают объем, в котором пульсирует и переливается живой образ» [1, с. 10]. Рассматривая вышеупомянутые механизмы, можно сделать вывод о том, что, во-первых, в основе любых механизмов трансформации образов лежит их субъективная значимость для личности. Во-вторых, воспринимая мир, «прочитывая» его, человек получает информации неизмеримо больше той, которая предопределена перцепцией, следовательно, трансформация новых и существующих образов происходит за счет их осмысления, т. е. придания им личностного смысла.

Человек не просто «фотографирует» мир, перенося внешнюю реальность во внутренний план, но конструирует его, т. е. приводит в некую систему, организуя информацию о мире в связанные структуры, с целью постижения ее смысла. Именно это и позволяет построить «картину» объективной реальности.

Нельзя отрицать, что построение целостной, личностно значимой картины мира позволяет человеку не просто познавать, но постигать смысл окружающей реальности. Однако необходимо отметить, что вся информация, которую человек воспринимает и структурирует во внутреннем плане сознания, сортируется и ранжируется сквозь призму социума, его ценностей, норм, традиций. Поэтому важно подчеркнуть важнейшую черту познавательного

процесса, а именно неразрывную связь получения знания о мире и ее детерминацию различными социальными факторами (ценности, представления), которые являются значимым фильтром при трансформации и «вписывании» психических образов в картину внутреннего мира личности.

Важный фактор, детерминирующий когнитивную работу с информацией – социальные ценности. Индивид неизбежно «смотрит» на социальный мир через призму определенной системы ценностей. Они могут быть глобальными (добро, красота, свобода и пр.) или приближенными к обыденной жизни (хорошая семья, благополучие, дети и пр.). Пока они неизменны, новая информация отбирается так, чтобы «подтвердить» структуру ценностно-нагруженных категорий.

Не менее значимым фактором является система социальных представлений, имеющаяся у личности. Социальное представление – это специфическая форма социального познания, рождающаяся в повседневной жизни людей, когда новое, неизвестное, встреченное в этой жизни, переводится на язык «обыденного», знакомого. Это и есть путь осмысления социального мира, предпринятый человеком. Человек испытывает потребность «приручить» новые впечатления и тем самым уменьшить риск неожиданности, приноровиться к новой информации, построить для себя относительно непротиворечивую картину мира. Поэтому социальное представление и выступает как фактор, конструирующий реальность для индивида и для группы.

Также важно отметить процесс формирования образа мира и его связь с эмоциональной сферой личности. Познание не есть простое фиксирование внешних связей и отношений, но своеобразная реконструкция их. Отсюда задача – выявление механизма построения внутренней (субъективной) картины мира и активной роли того, кто эту картину строит. Учитывая факт, что человек реально существует в этом сотворенном (построенном, сконструированном) мире, нельзя исключить и его эмоциональное освоение.

Таким образом, конструирование отдельных психических образов эмоционально и социально опосредованно. Безусловно, процесс построения образа мира субъективен и носит ярко выраженный индивидуальный характер, однако можно выделить некоторые общие тенденции, которые существуют при восприятии и отображении психических образов в сознании индивида. Рассмотрим схему восприятия психического образа, предложенную А.Н. Леонтьевым.

Согласно А.Н. Леонтьеву, вначале человек видит объект нерасчлененно целостным. В этой фазе восприятия отражаются лишь самые общие свойства предмета, которые человек умеет обобщать, ис-

пользуя весь свой опыт познания действительности. В следующей фазе восприятия образ дополняется и разрабатывается на основе более подробного анализа зрительной информации. Значение имеют сложность объекта и способы организации перцептивной деятельности, которыми владеет человек. Помимо этого очень важно, какие смысловые и ценностные связи затрагивает воспринимаемый образ, поскольку целостный образ актуализирует в сознании одни смыслопорождающие системы его понимания, а нецелостный образ – другие.

В дополнение хотелось бы отметить, что существуют несколько гипотез относительно того, как отдельная информация от органов чувств становится единым целостным образом.

Первая гипотеза говорит о том, что целостность и синтетичность образа достигается за счет актуализации тех разномодальных ощущений, которые объект восприятия вызывал ранее при воздействии на другие органы чувств.

Второе предположение объясняет целостность образа выбором одной главной модальности, на которую проецируются и получают при этом свое значение данные других модальностей.

Третья гипотеза связана с представлением процесса чувственного восприятия в виде особой деятельности по построению образа на основе общевыработанной системы сенсорных эталонов и нормативных действий (Запорожец, Леонтьев, Зинченко и др.). Четкую формулировку этой позиции дает В.П. Зинченко: «Восприятие следует рассматривать как действие субъекта, посредством которого осуществляются различные виды преобразования стимула в образ».

Обобщая всю информацию, можно сделать следующие выводы.

Можно выделить два уровня восприятия (эти процессы имеют разные факторы инициации, функции и механизмы реализации): восприятие на перцептивном уровне и восприятие на уровне личностного смысла.

Во-первых, образ, являясь одной из базовых категорий психологии, не имеет четкого определения и, как правило, охватывает довольно широкий спектр понятий. В целом образ можно определить как субъективную представленность предметов окружающего мира, обусловленную, как чувственно воспринимаемыми признаками, так и гипотетическими конструктами, являющаяся основой для реализации практических действий по овладению окружающим миром.

Образ имеет чувственную природу.

Во-вторых, образ имеет свою структуру, которая позволяет проследить специфику воспроизведения образов во внутреннем плане сознания.

В-третьих, образ сам по себе не является основой для конструирования целостной картины мира, присутствующей во внутреннем плане сознания субъекта. Образ мира как базовая перцептивная категория вносит основной вклад в процесс построения образа предмета или ситуации, соотнося его с прошлым опытом, ценностями и личностными смыслами субъекта. Отдельный психический образ является некоторым элементом этой системы, не имеющий значения в отрыве от нее.

В-четвертых, существуют две группы факторов, которые влияют на восприятие и последующую переработку психических образов: наследуемые (объективные) и приобретаемые (субъективные).

В-пятых, можно выделить два основных направления по исследованию образа как одной из базовых категорий в психологии: с одной стороны, это исследование психического образа как интегративного понятия, которое детерминирует специфику конструирования образа мира личности. Эта область изучения образа находит свое отражение непосредственно в психологии. С другой стороны важно определить факторы и механизмы, способствующие проявлению активности субъекта по отношению к той информации, которую он получает извне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василюк Ф.Е. // Вопросы психологии. – 1993. – № 5. – С. 10.
2. Головин С.Ю. Словарь практического психолога. – Минск: Харвест, 1998.
3. Кюглер П. Психические образы как мост между субъектом и объектом // Юнгланд. – URL: <http://www.jungland.ru/node/1040>.
4. Леонтьев А.Н. К психологии образа // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. – 1986. – № 3. – С. 76.
5. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 2003. – С. 170.
6. Образ // Мир психологии. – URL: <http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=574>.
7. Смирнов С.Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. – М., 1985. – С. 10.
8. Смирнов С.Д. Понятие «образ мира» и его значение для психологии познавательных процессов // А.Н. Леонтьев и современная психология. – М., 1983. – С. 149.
9. Тоффлер Э. Третья волна: пер.с англ. – М.: АСТ, 2004. – С. 263.

**АРХИТЕКТУРА КАК ТЕКСТ.
СЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
АРХИТЕКТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА****Лагодина Е.В.**

Семиотическое течение в науке зародилось в 60-е гг. XX в. как аналитический инструмент для изучения знаковых систем и механизмов порождения смысла, довольно быстро распространившееся на большие количества весьма разнообразных и, на первый взгляд, не связанных между собой научных областей. В данной статье рассматривается семиотическая трактовка архитектурного пространства. Помимо функционального содержания архитектура несет в себе целый пласт визуальных и идеологических сообщений. Цель данной статьи – отразить это и отобразить ситуацию в целом в изучении данной проблематики в отечественной и общемировой традиции.

В статье представлен общий обзор семиотической трактовки пространства, также перечислены основные направления и наиболее видные представители в области отечественной семиотики архитектуры.

Ключевые слова: семиотика, архитектура, пространство, форма, среда, текст, контекст.

Бессмысленно отрицать тот факт, что архитектура не только организует пространство, но оказывает ежедневное, осязаемое влияние на человека, помещенного в это пространство.

Архитектурные объекты образуют основу предметно-пространственной среды, взаимодействующей с субъектом (как индивидуальным человеком, так и коллективным – группой, городским сообществом).

В масштабе города эти объекты складываются как семиотически насыщенные единицы в некий градостроительный язык.

Архитектура формирует не только материальное окружение для процессов жизнедеятельности, но и тексты сообщений, закодированных специфическим языком форм, позволяющие людям ориентироваться в физическом и культурном пространстве и закрепляющие системы идей и ценностей.

Попытки анализировать пространственную среду можно, строго говоря, разделить на социологические исследования и теории, семиотические и архитектурные (далее возникают различные интегральные дисциплины, как социология архитектуры или архитектурная психология).

Семиотический взгляд представлен такими значительными фигурами, как К. Леви-Строс, Р. Барт, С. Хессельгрэн, Ф. Шоэ, У. Эко.

Коротко обобщить область интересов и исследовательский инструментарий современных россий-

ских представителей архитектурно-семиотического подхода можно следующим образом:

Архитектурный язык, с точки зрения теории композиции, – происходит выделение трех основных уровней языка архитектуры: Д.Л. Мелодинский – знаки ориентации, знаки конструктивно-тектонические, знаки несущие историко-культурное содержание; А.А. Барабанов – геометрический, структурный, семиотический; А.Д. Куликов – геометрический, структурно-компоновочный, художественно-пластический (образный и знаковый); Л.Ф. Чертов – архитектурный код, предметно-функциональный код, социально-символический код.

Разработкой новых композиционных подходов на основе образно-ассоциативных и семантических представлений об архитектурной форме занимаются такие исследователи, как А.А. Барабанов, В.И. Иовлев, А.Д. Куликов, И.А. Фахрутдинова, Е. Фаворская, А.Ф. Лагопулос.

В семиотических исследованиях проектирования, непосредственно связанных с композиционно-семиотическими исследованиями, можно выделить два основных направления: отечественное, в рамках пропедевтики, и зарубежное – исследование проекта как «текста».

Семиотический анализ результатов проектной деятельности с точки зрения архитектурного объекта как «текста» (Х. Мутаньола-Торнберг, А. Леви, П. Пеллегрини, сюда же можно отнести С.В. Норенкова, В. Паперного).

Историко-семиотические исследования также можно разделить на несколько категорий:

- историко-семиотический анализ значений традиционных элементов зданий (Л.В. Фокина, А. Леви, А.Г. Бурцев) и символика традиционных архитектурных форм и ее современные интерпретации (Г.Ю. Сомов, А.А. Барабанов);
- историко-семиотический анализ памятников архитектуры (О.В. Барабанова, Е.В. Иовлева);
- историко-семиотический анализ формирования города (Г.Я. Мокеев, О.А. Махнева, Е.В. Конева, Д. Желева-Мартинс Виана, К. Мандоки);
- историко-семиотический анализ архитектурных процессов (А.А. Барабанов, А. Сергеев, М. Пучков; процесс стилиобразования – А.А. Раевский, формирования композиционных представлений – Т.В. Гудкова).

Семантические интерпретации архитектуры также можно разделить на ряд направлений:

- «чтение города», от «города-книги» до «города-гипертекста» (А.А. Барабанов, М.В. Пучков);
- «региональный хронотоп», развитие представлений об образном отражении архитектурных объектов (В.И. Иовлев);
- «архитектурная герменевтика» как набор культурно обусловленных форм и способов интерпретации (И.В. Морозов, П.В. Капустин, Г.Я. Мокеев).

С семиотической точки зрения, означаемое архитектурного знака – его собственное функциональное значение.

Архитектура – совокупность знаков и символов, денотирующих утилитарные функции сооружения и коннотирующих его символический смысл.

Возможности, предоставляемые архитектурой (проходить, двигаться, садиться, выглядывать в окно и т. д.) – не только функции, они располагают к определенному поведению.

Значение формы архитектуры, коды формируются под влиянием «узуса» (от лат. – знак, применение, правило, обычай – общепринятое для носителей данного языка правило применения языковых единиц).

Авторитетный русский семиотик Ю. Лотман отмечает, что сознание и индивидуальное и коллективное пространственно.

Культурно, и в том числе архитектурно, осваиваемое человеком пространство – активный элемент человеческого сознания.

Оно развивается в пространстве и мыслит его категориями.

Архитектурное пространство представляет собой довольно сложную систему смыслов, оно живет «двойной семиотической жизнью».

С одной стороны, оно моделирует универсум: структура мира построенного и обжитого переносится

на весь мир в целом; с другой – оно моделируется универсумом: мир, создаваемый человеком, воспроизводит его представление о глобальной структуре мира.

Всякий сложный текст, входящий в культуру, может быть представлен как конфликт двух тенденций: с одной стороны, при повышении степени упорядоченности повышается и мера предсказуемости, происходит структурное выравнивание; с другой – повышается внутренняя неравномерность семиотической организации текста, его структурный полиглотизм, диалогические отношения, входящих в него субкультур, напряженная конфликтность «текст-контекст».

Текст, изъятый из контекста, превращается в музейный экспонат – хранилище константной информации. Он всегда равен себе самому и не способен генерировать новые информационные потоки.

Текст в контексте – работающий механизм, постоянно воссоздающий сам себя в меняющемся облике и генерирующий новую информацию.

Любой сложный текст может быть рассмотрен как система субтекстов, для которых он выступает в качестве контекста, некоторое пространство, внутри которого совершается процесс семиотического смыслообразования.

Важный аспект внутреннего диалога культуры складывается исторически: предшествующая традиция задает норму, на фоне которой развивается семиотическая активность новых структурных форм.

Продуктивность конфликта поддерживается тем, что в сознании воспринимающего прошлое и настоящее состояние системы присутствуют одновременно.

В литературе, музыке, живописи прошедшие культурные эпохи не исчезают без следа, а остаются в памяти культуры.

В архитектуре же старые здания в основном сносятся или полностью перестраиваются.

Собственно архитектурные объекты находятся в соотношении с семиотикой внеархитектурного ряда – ритуальной, бытовой, религиозной, мифологической – всей суммой культурного символизма.

Эти диалогические отношения отличаются от эклектических тем, что никогда не являются пассивным соположением, а всегда представляют собой конкуренцию языков, игру и конфликт с результатом, до конца не всегда предсказуемым.

Важен внутренний диалог в границах одного текста: это конфликт, пересечение и информационный обмен между различными традициями, разными субтекстами и «голосами» архитектуры.

В структурах, не находящихся в условиях устойчивого равновесия, случайное изменение может сделаться началом нового структурообразования.

Исходя из вышеприведенных аргументов, архитектурный полилог (многоканальная система информационных потоков, подразумевающая сохранение предшествующей застройки) предпочтительнее с ресурсной точки зрения в структуре городского пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев В.Н. Семиотика: учеб. пос. – М.: Весь мир, 2002.
2. Азизян И.А. Теория архитектуры в круге гуманитарного знания // Академия РААСН. – 2006. – № 3 – С. 11–15.
3. Азизян И.А. Философские вопросы рассмотрения взаимосвязи архитектуры и культуры // Академия РААСН. – 2008. – № 1. – С. 44–47.
4. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие / пер. с англ. – М.: Архитектура-С, 2007.
5. Вильковский М.Б. Социология архитектуры. – М., 2010.
6. Вильковский М.Б. Проблемы системного подхода в социологии архитектуры // Социальная политика и социология. – 2008. – № 5. – С. 208–212.
7. Глазычев В.Л. Урбанистика. – М.: Изд-во «Европа», 2008.
8. Иконников А.В. Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве. – М.: Ком-Книга, 2006.
9. Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров: Статьи. Исследования. Заметки. – СПб.: Искусство СПб, 2000.
10. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. – СПб, 2002.
11. Махлина С. Семиотика культуры и искусства: Словарь-справочник в 2-х кн. – СПб.: Композитор, 2003.
12. Семиотика искусства. – М., 1995.
13. Семиотика: хрестоматия / Под ред. Л.Л. Фёдоровой. – М.: Изд-во «Ипполитово», 2005.
14. Семиотика пространства: сб. науч. трудов / под ред. А.А. Барабанова. – Екатеринбург: Архитектон, 1999.
15. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: Симпозиум, 2006.
16. Чертов Л. Семиотика визуально-пространственных кодов и ее отношения с другими дисциплинами. – М., 2005.

ПАМЯТЬ О ХОЛОКОСТЕ – ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ВОСПИТАНИЯ ТОЛЕРАНТНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Горенштейн Н.И.

В статье затрагиваются вопросы толерантного взаимоотношения молодежи в аспекте исторических уроков Второй Мировой Войны и Холокоста. В качестве объекта исследования выступает молодежь в возрасте от 18 до 26 лет.

Ключевые слова: Холокост, межнациональные конфликты, толерантность, экстремизм.

Современное общество представляет собой сложную этническую систему, которая включает в себя несколько тысяч этнических общностей и групп (наций, народностей, племен и т. п.), различающихся численностью, уровнем культурного развития, способами хозяйственной деятельности, типом социально-политических отношений и т. д. В настоящее время все эти общности и группы объединяются в 226 государств. Неоднородность этнической структуры, неравномерность этнических и демографических процессов закономерно порождают различного рода проблемы, противоречия, напряженность, конфликты. Проблема межнациональных (этносоциальных) конфликтов актуальна на сегодняшний день практически для всех стран мира, особенно ощутима она в многонациональных странах, таких как Россия. Межнациональные конфликты относятся к числу наиболее сложных и трудноразрешимых. Столкновение интересов, различающихся по этническому признаку, зачастую приводят к физической борьбе, как следствие гражданской войне. И межэтническая политика государства, призванная регулировать социально-политические отношения с целью согласования интересов различных этнических и национальных групп и наиболее полного удовлетворения их потребностей, не всегда в силах справиться с возникающими конфликтами. Российская Федерация тоже, к сожалению, не исключение. Доказательством этнической нетерпимости в России могут служить события, происходящие ежедневно в различных городах, которые постоянно отражают СМИ. Это и молодежные экстремистские движения, и группировки с нацистской идеологией, и совсем недавняя волна беспорядков на Манежной площади. С каждым годом ситуация обостряется все сильнее.

Фонд «Общественное мнение» в 2007 г. проводил опрос населения, посвященный межнациональным конфликтам в России, были получены следующие результаты: 37 % граждан России расценивают

совместное проживание людей многих национальностей и народностей как пользу для страны; 35 % – как вред (еще 28 % затрудняются с ответом); 25 % заявляют, что испытывают раздражение и неприязнь по отношению к представителям той или иной национальности, причем, чаще всего, об этом говорят москвичи (42 %), 69 % такой неприязни не испытывают. Ответили на вопрос: «В чем чаще всего заключаются причины межнациональной розни в нашей стране?» всего 56 % респондентов. Чаще всего респонденты говорили о засилье приезжих и их вызывающем поведении; о неправильной внутренней политике государства, беззаконии, коррупции; о бедности населения, большом разрыве между богатыми и бедными, зависти к богатым; о невоспитанности, бескультурье, несдержанности людей, о шовинистических настроениях, действиях националистических группировок. О конфликтных ситуациях чаще всего сообщают жители Москвы (58 %), мегаполисов и больших городов (по 36 %). Также говорилось о различиях во взглядах, традициях и религии, о бездуховности и невоспитанности населения (по 2 %). Всех респондентов спросили, попадались ли им в средствах массовой информации за последний год сообщения о проявлениях национальной розни в тех или иных регионах России. Встречали такие сообщения две трети (69 %) опрошенных, не встречали – 20 %; 11 % затруднились с ответом. Интересна реакция респондентов на освещение данной проблематики в СМИ. Авторы исследования указывают на то, что опрошенные втрое чаще заявляют, что подробное рассмотрение межнациональных конфликтов ведет к усилению межнациональной розни, чем к ее ослаблению (31 % и 10 % соответственно). Еще 32 % респондентов полагают, что детальное освещение конфликтов на уровне межнациональной розни не сказывается (остальные с ответом затрудняются) [1].

Сложившаяся ситуация говорит о том, что трагические уроки, как мировой, так и отечественной

истории сами по себе не учат толерантному взаимоотношению между народами, даже такая трагичная страница истории человечества, как Холокост и Вторая Мировая война подвержены на протяжении десятков лет массовым спекуляциям, отрицающих не только сам факт Холокоста, но и пытающихся произвести переоценку итогов Второй Мировой Войны. К сожалению, на сегодняшний день очень многие не знают, а многие забывают те ужасные страницы истории, в которых говорится о Холокосте, Великой Отечественной Войне, о миллионах жертв ни в чем неповинных людей, о подвиге своих дедов, которые победили фашизм. Сложность ситуации заключается в том, что память о трагических событиях XX в. отсутствует не просто у отдельных людей, а, намного выше, на государственном уровне во многих странах. Доказательством этого являются высказывания политиков, лидеров молодежных движений, конференций ревизионистов Холокоста. Сегодня мы сталкиваемся с тем, что высокопоставленные лица, даже такие, как министр юстиции Бельгии, позволяют себе отрицать Холокост или предлагать забыть нацистский период истории XX в. Недавно было проведено исследование ЕЕК (Европейский еврейский конгресс) о том, что знают европейцы о Холокосте. Данное исследование, проведенное в нескольких странах, показало очень низкий уровень осведомленности населения. В ходе исследования было задано пять вопросов о Холокосте. В результате выяснилось, что многие европейцы, принявшие участие в опросе, мало что знают даже о самых основных его фактах. Две трети опрошенных респондентов в возрасте до 45 лет не знали, что во время Холокоста погибло шесть миллионов евреев [2]. Многие не то, что не помнят названия лагерей смерти, они просто не знают, что такие существовали. Политика некоторых стран Европы направлена на то, чтобы современная молодежь и дети не знали о том, что было. Зачищаются лагеря смерти, стираются все материальные доказательства Холокоста, некоторые страны до сих пор не выдают списки погибших Мемориалу Яд Ва-Шем, история фальсифицируется и постоянно переписывается, забыты подвиги наших дедов. Вместе с тем существует много серьезных научных исследований, пытающихся понять и объяснить причины произошедшего для выработки некоего «противоядия» от ксенофобии и неонацизма, опасность которого существует все более явно на современном этапе развития человечества. Многие помнят о Холокосте, о Сталинграде, о Бресте, об Освенциме, помнят Бабиный Яр и Змиевскую балку. Многие помнят – но по-разному и далеко не все. Неужели эта память настолько незначительна, что современное общество позволяет пускать в свои круги фашизм, терроризм и экстремизм, неужели миллионы жертв не являются доказательством того,

что все эти трагические события происходили на территории нашего государства. Холокост – понятие вполне конкретное, но сегодня мы говорим уже и о том, что одновременно Холокост – это и символическое понятие. В истории нашего государства были полиция, сотрудничавшие с фашистами, был ГУЛАГ, проводились собрания, где клеймили врагов народа, были дети, отрекающиеся от своих отцов. Это – наше прошлое, наша историческая память, которой нельзя пренебрегать ни в коем случае [3].

Уровень нашего образования в этих вопросах настолько низок, что современная молодежь не знает даже элементарных терминов. Проведенное нами исследование, в котором принимали участие студенты 3 курса психологического факультета, показало, что 90 % опрошенных не знают, что такое «ксенофобия», «толерантность», «Холокост», а уровень этнической и социальной толерантности ниже среднего. Стоит отметить, что две трети опрошенных в графе «национальность» написали «славяне», при этом уровень этнической идентификации очень низкий. Скорее всего, это свидетельствует о том, что у современной молодежи слабо развито самосознание, они вообще, не осознают свою принадлежность к тому или иному народу, не говоря уже о том, что они просто не знают традиций и праздников своего народа и государства, в котором проживают. Из этого следует только то, что в такой ситуации у современного общества не может быть адекватного дальнейшего развития, т. к. как если мы не знаем кто мы такие, то об уважительном отношении к другим не может быть и речи. И если у студентов психологов такой низкий уровень толерантности и отсутствие понимания и осознания себя, то сложно представить, как же тогда обстоят дела у всех остальных. И как результат – сегодня есть носители фашистской идеологии, сильно развитое движение ревизионистов Холокоста, огромное количество сайтов в Интернете экстремистской направленности, фильмы, литература нацистской идеологии, идеи «сверх-человека». За период после 1945 г. в мире было еще около 160 войн, в которых погибли десятки, сотни, миллионы; люди продолжают гибнуть и сейчас. Сложность взаимоотношений в современном российском обществе заключается в нежелании многих принимать других, какими они есть, а также нести ответственность за свои поступки. Вопрос об ответственности является ключевым вопросом толерантности. Большинству проще понимать толерантность как попустительство и конформизм, угодничество, чем брать на себя ответственность за свою жизнь, за прошлые и настоящие ошибки. Если человек не знает и не ценит культуру своего малого народа и не гордится культурой своей большой страны, он не будет уважительно относиться к другим культурам. Толерантность является той культурной

направленностью, отношением личности, которая проживает в мире и согласии, в стране, семье, обществе. Следовательно, это предполагает наличие у каждого таких человеческих качеств, как ответственность, доброжелательность, сдержанность, терпимость. К сожалению, дух нетерпимости к другой культуре, образу жизни, верованиям, привычкам продолжает существовать в нашем обществе и с каждым днем развивается сильнее.

Одна из задач формирования толерантного сознания – это контроль над собой, удержание себя от резкого осуждения другого, это ценность жизни каждого человека независимо от национальной принадлежности и вероисповедания. Важнейший принцип толерантного сознания – принцип позволения быть; позволить другому быть таким, какой он есть, признать ценность самого существования другого, каким бы он ни был. Толерантное отношение к другим может быть там, где существует принцип понимания и вникания. А за пониманием стоит диалог. Отношение к себе и к другим надо воспитывать с детства, если мы не повысим уровень образования, не научим своих детей уважать окружающих людей и ценить свои корни так же, как и чужие, наше общество погрязнет

в войне, которая приведет к полному разрушению, а может и очередному исчезновению миллионов жизней. Для того, чтобы страна адекватно развивалась и процветала, ее граждане должны сосуществовать в едином мирном пространстве и времени, должен быть постоянный диалог и общие цели, на пути достижения которых народы будут объединяться в единое целое. Без прошлого не может быть настоящего, а без настоящего не будет и будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альтман И.А., Прокудин Д.В. Мы не можем молчать: Школьники и студенты о Холокосте. Выпуск 7. – М.: Центр и Фонд «Холокост», 2010.
2. Журнал «Лехаим». – 2011. – Август. – АВ 5771–8 (232).
3. Межнациональные конфликты в России // Сайт Фонда «Общественное мнение. – URL: http://bd.fom.ru/report/cat/internat_ro/d072725
4. Президент Европейского еврейского конгресса: «Европейцы уже забыли Холокост, и теперь политики закрепляют это на официальном уровне» // Сайт Вячеслава Моше Контора. – URL: <http://www.moshekantor.com/ru/news/5346/>

ДИДАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ АЛЬТЕРНАТИВНОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ КАК КОМПЕТЕНЦИИ У СТУДЕНТОВ РАЗНОЙ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Забурденко А.А.

В статье рассматриваются возможности развития альтернативного позиционирования у специалистов разной познавательной направленности, обсуждаются активные методики, планируемые к использованию при решении педагогических проблем с целью формирования альтернативного мышления.

Ключевые слова: педагогическая деятельность, альтернативное позиционирование, стереотипное мышление, активные методы.

Современная образовательная система, наряду с обучением учащихся основам различных знаний, умений и навыков в соответствии с образовательной программой, одновременно призвана выполнять дополнительную функцию – функцию развития у него памяти, внимания, мышления и других познавательных способностей. На сегодняшний день недостаточно изучены особенности становления и развития установок альтернативного мышления как целостного социально-психологического феномена.

Проблема развития мышления в образовательном процессе связывается с вопросами активизации познавательной деятельности, развития системного мышления, ориентации на творческое мышление, формирования альтернативных способов мышления, а также потребности личности в исследовательской деятельности.

Перемены в культурной и материально-производственной сферах, социально-экономические проблемы, вставшие перед обществом, повлекли за собой изменения в мышлении и миропонимании людей. Человек нуждается в сохранении ясности своего мышления, точности и тщательности. Ранее система образования не готовила студентов к динамике изменений в мышлении, она придерживалась единого направления. Однако на сегодняшний день человек, обладающий критическим мышлением, умеющий подвергнуть сомнению устоявшиеся нормы и суждения, способный вести диалог, определять суть проблемы и альтернативные пути ее решения, отличать факт, который всегда можно проверить, от предположения и личного мнения, выходит из тени, и потому формирование такой личности стало одной из ведущих проблем российского образования.

Педагогическую деятельность определяет решение педагогических задач разного типа. В повседнев-

ной жизни встречаются различные педагогические проблемы – формирование гуманного и гармонично развитого человека, выработка эффективных приемов адаптации к изменяющимся жизненным условиям, подготовка студента, стремящегося к новым знаниям и умениям. Однако наиболее важным на сегодня становится формирование альтернативного мышления студентов различных дисциплин в процессе решения педагогических задач. «Педагогическая проблема – это объективно возникающий в педагогической теории и практике вопрос или комплекс вопросов относительно процессов обучения и воспитания человека. При этом главная особенность педагогической деятельности состоит в том, что объектом и субъектом деятельности всегда является человек. Следовательно, профессию педагога относят к системе «человек–человек» [2, с. 250].

Человеческое мышление не всегда бывает основано логикой, и иногда даже бывает очень не похоже на то, что мы привыкли называть мышлением.

В некоторых ситуациях человек принимает решение, возможно и неправильное, но у которого существуют свои аргументы. Альтернативное мышление является своего рода атавизмом, сохранившимся с тех пор, когда предки современного человека ещё не умели даже при лучших условиях после длинной логической цепи найти неоспоримое решение.

Альтернативное мышление можно сравнивать с аварийным, для которого не существуют никакие правила и ограничения. А именно: аварийное мышление правилами и ограничениями пользуется, а не руководствуется. Чем больше правил и ограничений, которые человек может усвоить, тем лучше и свободнее он себя ощущает в состоянии аварийного мышления, тем больше у него средств для достижения самых разных целей, тем бодрее и самоувереннее он становится в нестандартных ситуациях.

Учеба в вузе требует больших затрат времени и энергии, что обуславливает некоторую задержку социального становления учащихся по сравнению с другими группами молодежи. Этот факт часто порождает ошибочное представление о студентах как «социально незрелых личностях, нуждающихся в постоянной опеке, снисходительном отношении. Сам того не осознавая преподаватель ставит планку, ограничивая уровень, до которого студент, по его представлению, может развить свои личные качества» [1]. Поэтому именно в студенческом возрасте, когда достигают максимума не только физические, но и психологические механизмы человека, следует раскрывать новые горизонты, не ограничивая возможности своего развития. Важнейшая задача преподавателя состоит в том, чтобы помочь учащимся выработать индивидуальный стиль жизни, деятельности и общения.

Успешная учебная деятельность студента зависит не только от степени владения приемами интеллектуальной деятельности, «она обусловлена также личностными параметрами учебной деятельности – устойчивой системой отношений студента к окружающему миру и к самому себе» [5, с. 152].

Человек непрерывно эволюционирует как единое целое и поэтому ни одну сторону его жизни нельзя понять в отрыве от других. Способность знать и понимать студентов, адекватно оценивать их личностные качества, а также умение формировать свое альтернативное мнение и обучать этому студентов определяет уровень профессиональной компетентности педагога.

Альтернативное мышление является необходимой составляющей педагога, который также направляет студентов в русло альтернативного мышления. Поскольку данное мышление социальное, то наиболее полно оно проявляется при публичном выступлении, в дискуссии и споре. Учащиеся становятся равноправными участниками всего происходящего и воспринимают обучение как обмен опытом между ними и самим преподавателем. Взаимоотношения, формирующиеся между педагогом и студентами, «освобождают педагога от роли всезнайки, но заставляют принять не менее трудную роль организатора процесса познания» [4, с. 98].

Отступая от стандартного стереотипного мышления, человек должен тратить дополнительные усилия на выработку новых стратегий поведения и способов решения различного рода задач. При этом, «если он не прилагает к этому специальных усилий, то соскальзывает на проторенный традиционный путь

мышления – начинает думать в общепринятом или обычном для себя направлении» [3, с. 453].

Альтернативное позиционирование рассматривается и развивается в рамках проблемы общения. Особый статус в исследовании личностных характеристик альтернативного позиционирования приобретает проблема неоднозначности использования методов изучения данного феномена, отсутствие единой системы анализа объективных и субъективных факторов, а также условий развития.

В качестве одного из наиболее эффективных путей формирования альтернативного позиционирования в современном обществе рассматривается образовательная среда, выступающая не только средством трансляции культуры, но и средством развития общества.

Главным инструментом в повышении эффективности обучения стали активные методы усвоения новых сведений и приемов, которые «в значительной мере уменьшают давление традиций и стереотипов» [3, с. 452].

Все активные методы направлены не только на овладение конкретными знаниями и умениями, но и на совершенствование различных психических навыков: усиление способности к анализу, управление эмоциями, формирование собственной позиции. Такие активные методы, предложенные Р.М. Грановской, как мозговая атака, метод погружения и метод конкретных ситуаций, будут лежать в основе выявления развития альтернативного позиционирования у учащихся разных областей знаний. Целый ряд выявленных закономерностей проявления альтернативного мышления позволит в процессе обучения в вузе осуществлять целенаправленное воздействие на формирование и развитие этой важной компетенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березина Т.Н., Развитие способностей как гуманистическая составляющая образования // *Alma mater Вестник высшей школы*. – 2009. – № 7.
2. Бордовская Н.В. Реан А.А. Педагогика: учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2000. – 304 с.
3. Грановская Р.М. Элементы практической психологии: 2-е изд. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1988. – 560 с.
4. Петрова В.Н. Педагогическое сотрудничество или когда нравиться учиться и учить. – М.: Сентябрь, 1999. – 128 с.
5. Смионов С.Д., Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности. – М.: Аспект Пресс, 1995. – 271 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРОЯВЛЕНИЯ СИНДРОМА ДЕФИЦИТА ВНИМАНИЯ И ГИПЕРАКТИВНОСТИ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

**Мазина А.К.
(Падашуль А.К.)**

В статье обсуждается проблема исследования особенностей проявления синдрома дефицита внимания и гиперактивности у детей дошкольного возраста. Раскрывается особенность проведения диагностических процедур по выявлению у детей дошкольного возраста СДВГ. В исследовании приняли участие 86 детей с синдромом дефицита внимания и гиперактивности 5–6 летнего возраста.

Ключевые слова: синдром дефицита внимания и гиперактивность, диагностика, методы исследования.

Опираясь на существующие периодизации возрастного развития человека (А.В. Петровского, В.И. Слободчикова, Д.Б. Эльконина, Л. Кольберга, Ж. Пиаже и др.), можно утверждать, что процесс становления личности длится всю жизнь, хотя и распадается на этапы, каждый из которых, обладая собственной неповторимой спецификой, является своеобразной ступенью на пути «восхождения» к личности.

Социальная ситуация развития в дошкольном возрасте характеризуется тем, что ребенок впервые выходит за рамки своего семейного мира и устанавливает отношение с миром взрослых и сверстников, именно в этом возрасте закладываются основы социального поведения человека, формируются его ценностные ориентации (В.Г. Безносков, Д.С. Лихачев).

В этот период ребенок начинает посещать детский сад и ведет более самостоятельный образ жизни, проявляя себя в различных ситуациях и новых отношениях с референтными лицами (взрослые, группа сверстников). В результате недостатки в саморегуляции поведения становятся очевидными и являются в дальнейшем тревожным показателем в отношении школьной дезадаптации, как специфической формы активности субъекта.

По мнению ученых (А.М. Менжерицкий, Г.В. Карантыш, Л.П. Светицкая, Р.А. Barkley и др.), в большинстве случаев, у детей с трудностями обучения и поведения наблюдаются незначительные субклинические расстройства функционирования центральной нервной системы, что наиболее часто способствует развитию синдрома дефицита внимания с гиперактивностью, основные признаки которого проявляются в виде не свойственной для нормального развития импульсивностью, повышенной моторной активностью, отвлекаемостью, невнимательностью.

Причем необычность поведения таких детей не является результатом упрямства или невоспитанности. Психологи считают это специфической особенностью психики, обусловленной как физиологическими, так и психосоциальными факторами.

В последние годы научный интерес к проблеме исследования синдрома дефицита внимания и гиперактивности у детей дошкольного возраста значительно возрос.

Выделяя дошкольный возраст как важный возрастной рубеж в проявлении симптоматики СДВГ и рассматривая его как наиболее критический период детства, характеризующийся своеобразным «функциональным виражом» [6], заключающемся одновременно в эволюционно-прогрессивных сдвигах и во временных функциональных потерях, связанных с состоянием нестабильности и дисбаланса в различных системах мозга, целый ряд ученых (И.П. Брызгунов, А.Э. Лицева, Е.В. Касатикова, А.В. Миролюбов, Т.Н. Осипенко, Э.Г. Симерницкая, И.А. Скворцов, С.В. Ярыгин и др.) подчеркивают, что ранняя диагностика и коррекция СДВГ должны быть ориентированы именно на дошкольный возраст, когда компенсаторские возможности мозга велики, и еще есть возможность предотвратить формирование стойких патологических проявлений.

Это мнение разделяют и В.И. Габдракипова, Э.Г. Эйдемиллер, отмечая, что «оптимальный возраст для постановки диагноза СДВГ – 4–5 лет, когда уже можно объективировать наличие расстройства внимания. Чем раньше будет выявлен СДВГ и начнется его коррекция, тем лучше» [3, с. 13].

Однако, как отмечают А.В. Батаршев, Н.Н. Заваденко, Е.К. Лютова, Г.Б. Моница, О.И. Политика, В.В. Столин и др., отечественные и зарубежные

исследования в этой области, несмотря на ее высокую научную и практическую значимость, немногочисленны.

Несмотря на долгую историю изучения СДВГ, опрос R.A. Barkley показал, что в 63 % случаев учителя, психологи и врачи недостаточно знают об этом расстройстве [7].

В России вопрос с диагностикой также стоит очень остро. Как подчеркивают И.П. Брызгунов, Е.В. Касатиков, Г.Б. Мониная, в 70 % случаев СДВГ не диагностируется [2].

Основная причина заключена в том, что СДВГ – сложная проблема, изучение которой требует знаний различных дисциплин: акушерства, педиатрии, неврологии, а также психологии, социологии и педагогики.

К подобному заключению приходит и А.В. Запорожец, который считает, что: «особое значение приобретает организация комплексных исследований, преодоление еще существующей обособленности, разобщенности в научно-исследовательской работе, осуществляемой представителями различных специальностей. В первую очередь необходимо преодолеть разобщенность в деятельности представителей педагогической и медицинской науки...» [4, с. 67].

Исходя из вышесказанного, центральной задачей на одном из этапов нашего исследования стало изучение диагностических возможностей методик по выявлению особенностей проявления синдрома дефицита внимания и гиперактивности у детей дошкольного возраста с последующей содержательной интерпретацией и количественным анализом результатов.

В исследовании нами были использованы, а также специально разработаны следующие экспериментальные и диагностические методики, позволяющие выявить различные грани СДВГ:

- 1) опросник J.Swanson;
- 2) опросник «Оценочная шкала эмоциональных проявлений ребенка»;
- 3) анкета для определения гиперактивности (по Д. Коннерсу);
- 4) анкета скрининговой диагностики развития ребенка;
- 5) беседы с воспитателями и наблюдение за поведением гиперактивных детей;
- 6) изучение детских работ по изобразительной деятельности;
- 7) методика «Заучивание стихотворения».

Учитывая, что поведение – один из самых важных показателей психического статуса, и его анализ расширяет возможность оценить клиническую картину состояния ребенка с синдромом, всем педагогам, работающим с гиперактивными детьми, был предложен для заполнения опросник J. Swanson, разра-

ботанный в лаборатории Института мозга человека и диагностирующий особенности поведения, а также оценки симптомов и особенностей поведения у детей с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью, который позволяет интерпретировать четыре области функционирования детей с СДВГ: невнимательность с гиперактивностью, гиперактивность/импульсивность, оппозиционные расстройства, невнимательность без гиперактивности [6].

Для осуществления надежности показателей исследования диагностика СДВГ осуществлялась, как в экспериментальной группе (ЭГ), так и в контрольной (КГ).

Максимальное повышение результатов наблюдается по шкале «невнимательность»-INATT и «оппозиционные расстройства»-ODD, что свидетельствует о преобладании у детей ЭГ и КГ проблем с выполнением норм общественного поведения и обучения, с усвоением материала.

Профиль по шкале IMP/HYP – «импульсивность/гиперактивность» практически у всех гиперактивных детей и детей из группы риска в два раза выше, чем у сверстников, не имеющих диагноза СДВГ, т. к. это свойственно детям с нарушениями регуляции произвольности собственной активности. Нарушения произвольности регуляции высших психических функций ведут к задержке развития познавательной и речевой деятельности ребенка. Это полностью подтверждается и отмеченными в личных медицинских картах 20 % детей, дополнительного диагноза – задержка речевого развития.

Полученные результаты проведенного опроса позволяют убедиться в наличии основных симптомов СДВГ у всех детей экспериментальной и контрольной групп.

Для изучения эмоциональной и поведенческой сфер в рамках нашего исследования особый интерес вызвало использование опросника «Оценочная шкала эмоциональных проявлений ребенка», который заполнялся взрослыми (родителями и воспитателем группы, которую посещает ребенок) с целью определения степени выраженности эмоциональных проявлений ребенка [6].

Необходимо отметить, что в ходе проведения исследования нами были учтены различные взгляды ученых. Так, например, мы учли не только мнение Г.Б. Мониной, Е.К. Лютовой-Робертс, Л.С. Чутко, о том, что данные опросников для родителей носят лишь дополнительный характер, но и мнение Альтхерр [1, 7], который считает, что в качестве первичной диагностической ориентировки оправдал себя перечень симптомов, разработанный Джимми Коннесом, при условии: предложенную анкету могут заполнять как родители, так и воспитатели, если этому предшествует минимум четырехнедельный период наблюдений.

В итоге, если в сумме набирается более 15 очков, то это дает основание предполагать наличие у ребенка гиперкинетического синдрома.

Наше исследование показало: набранное количество баллов (от 15 до 18) детьми обеих групп дает основание предполагать наличие у каждого ребенка, вошедшего в ЭГ и КГ, гиперкинетического синдрома. Дети, набравшие максимальные баллы, испытывают значительные трудности в умении общаться с другими детьми, налаживания отношений со взрослыми, некоторые из них значительно отстают от остальных детей своей возрастной группы по уровню усвоения программного материала.

Исходя из данных опросника и анкеты, мы отметили, что у 100 % дошкольников, вошедших в экспериментальную и контрольную группы, присутствуют ведущие признаки синдрома: невнимательность, гиперактивность, импульсивность. Однако только у 30 % от общего количества исследуемых детей это было подтверждено клиническим исследованием и диагнозом невропатолога.

Для структурирования полученного материала родителям и воспитателю группы, которую посещает ребенок, предлагалось заполнить анкету скрининговой диагностики развития ребенка, данные которой сравнивались с записями амбулаторной карты дошкольника в пренатальный и интранатальный периоды, а также в период развития в раннем и дошкольном возрасте. Таким образом, на основании полученных данных совместно с медперсоналом дошкольного учреждения мы изучали течение беременности и послеродовой период, состояние здоровья каждого ребенка в процессе развития и перенесенные заболевания.

Из бесед с воспитателями и личными наблюдениями за поведением детей контрольной и экспериментальной групп выяснили дополнительные особенности проявления у детей СДВГ. Так, например, К. Ульянов практически не подчиняет свое поведение общепринятым правилам. В его поведении много агрессивных проявлений по отношению к своим сверстникам, из-за чего дети избегают общения с ним. Более того, по словам воспитателя, перепады его настроения – от бурной радости до горьких слез, происходят в считанные секунды. Часто он демонстрирует непослушание. В его характере нельзя не заметить нервозность, тревожность. На прогулках он не может играть в спокойные игры, ему нравится бегать, карабкаться по лестницам, раскидывать все, что попадает под руку.

В поведении и характере Владика Б. явно наблюдаются тревожность и нервозность. Нелегко складывается общение мальчика и с воспитателями. Очень часто на замечание педагогов он искренне говорит: «Не ругай меня, а то я спрыгну куда-нибудь

и умру» или «Если будешь меня ругать – меня мама побьет прыгалкой и я умру». В результате воспитатели, испытывая страх от таких слов, стали избегать оценивать негативные поступки ребенка, что привело еще к большему проявлению агрессии и дезорганизации в поведении мальчика.

Для Димы Р. присуща излишняя агрессивность, которая вызывает постоянные конфликты со сверстниками. Многие дети страдают от этих проявлений. После произошедшей травмы одной из девочек по вине гиперактивности Димы родители других детей обратились к заведующей с просьбой перевести мальчика в другой детский сад. По согласованию с мамой и бабушкой Димы Р. ребенок был переведен в другую группу. Но и там возникли те же проблемы.

Владик Н. – для него характерна легкая отвлекаемость на внешние стимулы, нетерпеливость во время бесед, неспособность сконцентрироваться на конкретном задании. Эмоциональная неустойчивость часто сочетается с общей дезорганизованностью и импульсивностью поведения, склонностью к рискованным поступкам без учета возможных последствий. Так, Владик постоянно стремится всякими способами уйти из детского сада, чем вызывает постоянную тревогу и обеспокоенность воспитателей группы.

Ариша С. – в целом движения этой девочки очень быстры и безудержны. Она склонна к перемещениям на широком пространстве. Постоянно, без умолку разговаривает. Характерная черта – лживость.

Необходимо отметить, что описанные отклонения в поведении у этой девочки с первого взгляда не видны в полном объеме. В приемной у врача или в незнакомой для нее обстановке двигательное беспокойство обычно не проявляется. Поэтому подробное описание поведения ребенка, полученное от родителей и педагога, собственное наблюдение в повседневной обстановке за девочкой дало наиболее достоверный материал. Арина совершенно по-разному себя ведет при посторонних и оставшись наедине в среде сверстников. Лишь оказавшись в группе детей, она показывает все, на что способна в полном объеме.

У Нади Ж. и Оли К., наоборот, двигательная активность заметно снижена. Обе девочки воспитываются в семье опекунов. У обеих тяжело и сложно протекал процесс адаптации к детскому саду. Часто и беспричинно просыпались во время сна, вскрикивали, вскакивали, начинали кричать, нарушая сон других детей. Обидчивы, раздражительны, плохо вступают в контакт с другими. Можно отметить определенную обозленность Оли на других детей и взрослых людей.

Кроме того, в беседе с психологом воспитатель группы, рассказывая о Наде Ж., отметила: «Речь девочки неразвита, словарный запас недостаточный.

Удавалось общаться с ней только благодаря своему опыту работы с такими детьми. Даже во время слушания сказки девочка невнимательна. На занятиях часто отвлекается. Во время игровой деятельности мешает играть другим детям».

Таким образом, беседы с воспитателями, личные наблюдения за поведением детей в повседневной жизни подтвердили данные анкеты и опросника J. Swanson.

Учитывая то, что импульсивность, неумение заниматься одним делом длительное время, управлять своим поведением, свойственные детям с СДВГ, не могут не отразиться в их произведениях, мы посчитали необходимым в рамках нашего исследования проанализировать детские работы по изобразительной деятельности.

Результаты при выполнении различных заданий по изобразительной деятельности были далеки от удовлетворительных. При раскрашивании наблюдается небрежность, штриховка выходит за края изображения. Нажим – неравномерный, а детали рисунка – размашистые. Зачастую гиперактивные дети стремятся заполнить все пространство листа, заезжая при этом за границы листа. Причину мы видим в нарушениях тонкой моторики, зрительно мануальной координации, отчего явно страдают планирование действий и моторная обучаемость.

Для выявления уровня развития когнитивных функций (внимания, памяти) у детей КГ и ЭГ нами была использована методика «Заучивание стихотворения». При ее проведении дети вместе с психологом заучивали небольшой стишок. Ход заучивания оценивался по восьми бальной системе.

Результаты показали, что в пять лет дети с СДВГ ЭГ и КГ в основном получили от 0 до 2 баллов. Ими передавались отдельные смысловые связи четверостишья, но целостная смысловая связь была нарушена. Более того, и в ЭГ, и в КГ наблюдались отказы заучивания стихотворения у 45 % детей после неудачных попыток.

Таким образом, в результате проведенных диагностик и наблюдений нами было отмечено: гиперактивный ребенок-дошкольник воспринимается адекватно своему заболеванию.

На основании проведенного исследования особенностей проявления синдрома дефицита внимания и гиперактивности у детей дошкольного возраста на начальном этапе нашей экспериментальной работы и полученных результатов нами были сделаны следующие выводы.

1. У каждого гиперактивного ребенка старшего дошкольного возраста наблюдаются нарушения в виде несформированности регулятивного компонента,

проявляющегося в импульсивном и гиперактивном поведении. Полученные в ходе исследования данные подтверждают, что у детей экспериментальной и контрольной групп имеются серьезные проблемы в поведении, в умении общаться со сверстниками и взрослыми. Проведенные наблюдения за гиперактивными детьми и диагностики выявили ряд особенностей, характеризующих состояние поведения каждого ребенка в отдельности, которое необходимо учитывать при проведении коррекционной работы.

2. Наблюдается преобладание игровых интересов, однако в игровой деятельности и общении дети конфликтны, недостаточно критичны, поскольку в эмоционально-волевой сфере личности ребенка нарушены регулятивные процессы, вызывающие аффективное поведение.

3. Данные исследования указывают на необходимость целенаправленной коррекционной работы по развитию данного вида нарушения в поведении детей старшего дошкольного возраста. Однако проводимая работа нуждается в серьезном обогащении и обновлении, нахождении новых форм, методов, способов общения с детьми. Необходима разработка и внедрение системы работы, способствующей психокоррекции поведения ребенка старшего дошкольного возраста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арцишевская И.Л. Работа психолога с гиперактивными детьми в детском саду. – М., 2005. – 98 с.
2. Брызгунов И.П., Касатикова Е.В. Непоседливый ребенок или Все о гиперактивных детях. – М.: Психотерапия, 2008. – 208 с.
3. Габдракипова В.И., Эйдемиллер Э.Г. Психологическая коррекция детей с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью (с учетом их половых различий): программа, методические рекомендации. – М.: УЦ «Перспектива», 2009. – 44 с.
4. Запорожец А.В. Роль дошкольного воспитания в общем процессе всестороннего развития человеческой личности // Дошкольное воспитание. – 2005. – № 9. – С. 66–69.
5. Моница Г.Б., Лютова-Робертс Е.К., Чутко Л.С. Гиперактивные дети: психолого-педагогическая помощь: монография. – СПб.: Речь, 2007. – 186 с.
6. Политика О.И. Дети с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью. – СПб.: Речь, 2008. – 208 с.
7. Barkley R.A. Behavioral inhibition, sustained attention, and executive functions: constructing a unifying theory of attention deficit hyperactivity disorder // Psychopharm. Bull. – 1997. – Vol. 121.

SOCIAL PSYCHOLOGY

Mustafayeva E.**Culture as a factor that defines people's relationships**

In article concepts of culture and intercultural researches are considered, characteristics of sciences studying influence of culture on relations between people are given, the short review of sociocultural aspects of a manipulation is made, classical theories of psychology of intercultural distinctions are shined.

Keywords: culture, intercultural distinctions, typology of cultures, Russian culture, manipulation with the personality.

REFERENCES

1. Asmolov A.G. Personality psychology: textbook. – M.: MSU publishing house, 1990. – 367 p.
2. Gnatenko P.I. National character: myths and reality. – Kiev, 1984. – 152 p.
3. Dotsenko E.L. Manipulation psychology: monograph. – M.: MSU publishing house, 1997. – 344 p.
4. Cole M. Culture and thought: Psychological essay. – M.: Progress, 1977. – 262 p.
5. Kochetkov V. V. Psychology of intercultural distinctions. – M.: PER SE, 2002. – 416 p.
6. Puzakov A.V. Interdisciplinary researches of the cultural interactions // STUDY-ENGLISH.INFO. – URL: <http://study-english.info>
7. Ryumshina L.I. Games and manipulations in interpersonal communication. – Rostov-on-Don, IRU, 1997.
8. Ryumshina L.I. Sociocultural background of the manipulation // Psychological Bulletin of RSU. – 1999. – № 4. – Part 1. – P. 115–119.
9. Ryumshina L.I. Manipulation psychology (value-semantic aspect). – Rostov-on-Don: RSU, 2003.

Pogontseva D.V.**Modern female representation of handsome man**

This paper presents a theoretical analysis of the works on the psychology that address the problem of forming ideas about man in general, and of male beauty. An operation, which reflect the various phenomena of perception of the exterior man as a «beautiful» and the categorization of men on a scale of «beautiful, not beautiful», provides a definition of «dandy» and «metrosexual» as synonymous to the concept of male beauty. The data representation of an empirical study of women about male beauty.

Keywords: beauty, appearance, evaluation, man, a dandy, metrosexual

REFERENCES

1. Weinstein G. The Poetics of dandyism: literature and fashion: the genre of "fashion" of the novel // Foreign Literature. – 2000. – № 3. – P. 296–308.
2. Weinstein A. Dandy fashion, literature, lifestyle. – M.: New Literary Review, 2005. – 640 p.
3. Kiryanov M. Stepanov V. Buy a man. – M.: RIP-holding, 2008.
4. Kotovskaya M.G., Shalugina N.V. The analysis of the phenomenon of machismo // Social Sciences and the present. – 2005. – N 2. – P. 166–176.
5. Labunskaya V. A. Expression of the person: interpersonal communication, and cognition. – Rostov n/D.: Phoenix, 1999. – 608 p.
6. Levochkina A. Dandy XXI century // Gender discrepancies: Proceedings of the IV Inter-University Conference of Young Researchers "Gender relations in contemporary society: global and local" (22–23 October 2004) / Otv.red. M.V. Rabzhaeva. – St. Petersburg.: Aletheia, 2005. – P. 353–356.
7. Muslimov A. Metroseksualizm as a new type of masculinity // Gender ambiguity: Proceedings of the IV Inter-University Conference of Young Researchers "Gender relations in contemporary society: global and local" (22–23 October 2004) / Otv.red. M.V. Rabzhaeva. – St. Petersburg.: Aletheia, 2005. – P. 368–370.
8. Pogontseva D. Representations of today's youth about the external beauty of a woman // Russian psychological journal. – 2008. – Vol. 5. – N 4. – P. 110–112.
9. Stolovich L.N. Category of beauty and social ideal. – M.: Publishing House of the Arts, 1969. – C. 8.
10. Schiffer D. Philosophy of dandyism. The aesthetics of body and soul (Kierkegaard, Wilde, Nietzsche, Baudelaire) / Per. Translated from French. – M.: Publishing humanities, 2011. – 296 p.
11. Chu S., Hardaker R., Lycett J.E. Too good to be "true"? The handicap of high socio-economic status in attractive males // Personality and Individual Differences. – 2007. – Vol. 42. – Issue 7. – P. 1291–1300.
12. Honekopp J., Rudolph U., Beier L., Liebert A., Muller C. Physical attractiveness of face and body as indicators of physical fitness in men // Evolution and Human Behavior. – 2007. – № 28. – P. 106–111.
13. Park J. H., Buunk A.P., Wieling M.B. Does the face reveal athletic flair? Positions in team sports and facial attractiveness // Personality and individual differences. – 2007. – Vol. 43. – Issue 7. – P. 1960–1965.
14. Simpson M. The Metrosexual Noughties // The 'Daddy' of the Metrosexual, the Retrosexual & Spawner of Sporno. – URL: <http://www.marksimpson.com/blog/2010/01/07/the-metrosexual-noughties>.

15. Yager K.M. Body image, body dissatisfaction, dieting and disordered eating and exercise behaviours of trainee physical education teachers: investigation and intervention // A thesis submitted in fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy, Faculty of Education and Social Work The University of Sydney. – 2007. – June.

Fedosova Yu.D.

**The Gender-age differences
in the severe trend of self-restriction**

Considering different approaches to concept of self-restriction, such as interaction with personal communication in the way it functions; as subject-personal restrictions by one or two partners have been considered. The basic results of this empirical research whose chief purpose was the fact, considering socially-demographic characteristics of the involving subjects of dialogue (sex, age etc.), its value of motivation in this sphere are hence concluded, to reveal gender-age differences in the relentless trend towards self-restriction.

Keywords: Self-restriction/restrictions, personal communication, gender-age distinctions, the subject, orientations of value.

REFERENCES

1. The anthology of world philosophy: in 4 volumes. – M.: 1969. – V. 1. – P. 2.
2. Granovsky R.M. Psychology of belief. – SPb., 2004. – 350 p.
3. Zenko Ju.M. Psychology and religion. – SPb.: Алетеия, 2002. – 250 p.
4. Nightingales of Century of Century Medieval philosophy. – M.: 1996. – 510 p.
5. Shehovtsova L.F, Zenko Ju.M. Elements of orthodox psychology. – SPb., 2005. – 198 p.
6. Shcorinov V .P. To problem a self-restriction // Philosophical sciences. – 1991. – № 3. – P. 135–143.

Drozдова E.V.

**Social-psychological features significant others,
influencing self-image
of external shape of members
of student's groups**

In article social-psychological characteristics significant others, being and not being "significant appraisers of external shape" in student's group are considered.

Keywords: significant other, student's groups, self-image of external shape.

REFERENCES

1. Kondratyev M.Yu. «Significant another»: composed the interpersonal importance // Social psychology and society. – 2011. – N 2.
2. Tap A.A., Tap E. And. In leading roles: You, We, It, You, I // Psychology of the significant relations. – M., 1989.
3. Labunsky V .A. Not body language, and soul language! Psychology of nonverbal expression of the personality. – Rostov n/D., 2009.
4. Pedagogies and psychology of the higher school / Under the editorship of E.A. Yusupyants. – Rostov n/D.: Phoenix, 2002. – 528 p.
5. Tvorogova N.D. Experimental studying of a social pertsepsiya in the course of communication of students in educational group // Questions of psychology. – 1981. – N 4. – P. 119–123.

Kachanov A.F.

**Develop of students-psychologists personal
qualities that determinate
effective communication**

This article is about the study, held on the students-psychologists of the SFU in order to identify the personal qualities that determinate effective communication and about complex training program, to improve them. These qualities are: the level of emotional intelligence, empathy, self-control and aggression.

Keywords: emotional intelligence, empathy, aggression, extraversion.

REFERENCES

1. Andreeva I . Emotional Intelligence: lack of understanding, leading to the disappearance // Psychological Journal. – M., 2006. – 28–32 p.
2. Andreeva G.M. Communication and optimize synergies. – M., 1987. – 297 p.
3. Bodalev A.A. Psychological communication. – M.: Publishing House of the "Institute of Applied Psychology"; Voronezh: N.P.O "Modek", 1996. – 256 p.
4. Bodalev A.A, Sukhov A.N. Foundations of social and psychological theory. – M.: International Pedagogical Academy, 1995. – 412 p.
5. Ilyin E.P. Psychology of communication and interpersonal relations. – SPb., 2009. – 576 p.
6. Kutasova T. Reader on social psychology: a textbook for students. – M.: International Pedagogical Academy, 1994. – 222 p.
7. Petrovskaya L. Competence in communication. – M.: Publishing House of the MGU, 1989. – 216 p.
8. Petrovskaya L. Competence in communication: social and psychological training. – M., 1983.

9. Rogov E.I. The psychology of communication. – M.: Vados, 2001.
10. Tenev N. Conflict Management. – M.: PRIOR, 1999.
11. Tretyakov V.P. The grammar of communication. – M., 1999.
12. Frome I. Gestalt therapy and Gestalt // Gestalt-94. Proceedings of the Moscow Gestalt Institute in 1994. – M.: IGI, 1995.
13. Chistyakov M.I. Psihogimnastika. – M.: Education, Vados, 1995. – 160 p.
14. Caruso D.R., Salovey P. The Emotionally Intelligent Manager: How to Develop and Use the Four Key Emotional Skills of Leadership, 2004, 320 p.
15. Matthews G., Zeidner M., Roberts R.D. Emotional Intelligence // Science and Myth. – Massachusetts Institute of Technology, 2004. – 718 p.

PSYCHOLOGY OF PERSONALITY

Afanasenko I.V. **Specifics of the self-relation** **and ways of its formation** **at subjects of different age** **in connection with a sexual differentiation**

The article includes results of research of the self-relation of subjects of different age – youthful age, age of an early maturity and age of a late maturity. The author opens specifics of formation self-relation at respondents of these groups in connection with sexual differentiation. Ways of formation self-relation at men and women of different age groups: the subject – the subject self-relation and mixed are analyzed.

Keywords: self-relation, self-esteem, autosympathy, self-interest, the expected relation from others, the subject – the subject self-relation, the subject – the objective self-relation.

REFERENCES

1. Ananyev B.G. To an age problem in modern psychology // Chos. psychol. work. – M., 1980.
2. Krylov A.N. «Self-Image» as factor of development of the personality: avtoref. yew.... edging. loony, sciences: 19.00.01. – M., 1984.
3. Pantileev S.R. Self-relation as emotional and estimated system. – M.: MSU, 1991.
4. Sidorenko E.V. Methods of mathematical processing in psychology. – SPb.: Speech, 2001.
5. Stolin V.V. Selfconsciousness of the personality. – M.: MSU, 1983.
6. Chesnokova I.I. Selfconsciousness problems in psychology. – M.: Science, 1977.

Tashcheva A.I., Kireeva L.E. **Perception of matrimonial relations** **in connection with representations** **of partners about** **«dual-career» marriage**

In article the originality of modern types of marriage is considered: «dual-career» and «not career». The special attention is given empirical research to cast between spouses, to perception of conflicts, satisfaction marriage in connection with representations of partners about the marriage.

Keywords: «dual-career marriage», «not career marriage», matrimonial relations, matrimonial conflicts, satisfaction marriage.

REFERENCES

1. Karabanova O.A. Psychology of family relations and a basis of family consultation: the Manual. – M: Gardariki, 2005.
2. Tashcheva A.I. Attributive processes in matrimonial conflicts. The dissertation of the candidate of psychological sciences. – M., 1987. – 170 p.
3. Tashcheva A.I. Feature of families in whom both partners it is superfluous are anxious by career, and the psychological help to these families // Psychological Vestnik RGU. – 1998. – Release 3. – P. 116–122.
4. Фрондзей S.N. Personal determinants of conflicts in informal youth marriage: the dissertation of the candidate of psychological sciences. – Rostov-on-Don, 2009. – 135 p.
5. Bailyn L. Career and family orientations of husbands and wives in relation to marital happiness. – Human Relations, 1970. – P. 97–113.
6. Hopkins J., Priscilla W. The dual-career couples: constraints and supports // The family coordinator. – 1978. – Vol. 27. – № 3. – P. 253–259.
7. Falkenberg L., Monachello M. Dual-career and dual-income families: do they have different needs? // Journal of business ethics. – 1990. – № 9. – P. 339–351.

Obukhova Y.V. **Psychological aspects of studying** **of interrelation between intellectual** **features and the personality** **self-conception**

Aspects of studying of interrelation are given in this article between intellectual features and the myself, and also note prospects of further research.

Keywords: aspects of studying of the myself, self-relation, verbal intelligence, emotional intelligence.

REFERENCES

- Gajnanova A.R. Ethnic and gender features of formation of the JA-concept at a puberty stage: the dissertation... The candidate of psychological sciences: 19.00.01. – Barnaul, 2006. – 202 p.
- Dzhanerjan S.T. Psychology of professional consciousness: the textbook. – Rostov-on-Don: SFEDU, 2008. – 240 p.
- Carpov A.V. Reflexivity's carps as mental property and a technique of its diagnostics // Psychological magazine. – 2003. – T. 24. – № 5. – P. 45–57.
- Klimontova T.A. Self-relation and its influence on position of intellectually gifted teenagers in educational group: the Dissertation of the candidate of psychological sciences: 19.00.07/ – Irkutsk, 2003. – 165 p.
- Obukhova O.S. Development of the positive JA-concept of the younger schoolboy in a situation of a choice of the educational task: the dissertation ... the candidate of psychological sciences: 19.00.07. – Moscow, 2009. – 145 p.
- Orme G. Emotional thinking as the tool of achievement of success. – M: KSP+, 2003. – 200 p.
- Pantileev S.R. Self-relation as emotionally-estimated system. – M: the Moscow State University, 1991. – 110 p.
- Roberts R.D, Mettjuss J., Zajdner M, Ljusun D.V. Emotional intelligence: problems of the theory, measurement and application in practice // Psychology. Magazine of the Higher school of economy. – 2004. – T. 1. – № 4. – P. 3–26.
- Ryseva A.A. Feature and development of the self-relation of intellectually gifted teenagers: the Author's abstract ... the candidate of Psychol. Sciences: 19.00.07. – Irkutsk, 2008. – 22 p.
- Sardzhveladze N.I. The person and its interaction with the social environment. – Tbilisi: Meshniereba, 1989. – 187 p.
- Seredina T.S. Emotional intelligence and psychological culture of the person of active users of social networks // Pressing questions of modern psychology: materials of the international correspondence scientific conference. (Chelyabinsk, March, 2011). / Under the general edition G.D. Ahmetovoj. – Chelyabinsk: Two members of the Komsomol, 2011. – P. 89–92.
- Stolin V.V. Samosoznanie of the person. – M: Publishing house of the Moscow University, 1983. – 284 p.
- Chays I.N. Psihologo self-appraisal research as making JA-concept of the younger schoolboy with high level of intellectual development: the dissertation of the candidate of psychological sciences: 19.00.07. – Samara, 2001. – 190 p.
- Dixon James and Jeannie Street The Distinction between Self and Not-Self in Children and Adolescents // Journal of Genetic Psychology. – 1975. – December. – P. 157–162.
- Harter S. Developmental perspectives on the self system / In P.H. Mussen (Ed.), Handbook of child psychology (4th ed& Pol. 4). – New York: Wiley, 1983. – P. 45.
- Mayer J.D., Salovey P. The intelligence of emotional intelligence // Intelligence. – N.Y., 1993. – P. 433–442.

Dotsenko I.A.

**The relationship and interaction
of professional and individual personality,
«acme» of the psychologists
at different stages
of learning a profession**

The relationship and interaction of professional and individual personality, «acme» of the psychologists at different stages of learning a profession. The purpose of scientific research: Identify and justify theoretically the stage of development and interaction of professional and individual personality, «acme» of the psychologists at different stages of skills development. Methods of studies: theoretical analysis. The main results of scientific research (scientific, practical): identified tentative stage of development of professional and individual personality, «acme» of the psychologists at different stages of skills development.

Keywords: *The relationship and interaction of professional and individual personality, «acme» of the psychologists at different stages of learning a profession.*

REFERENCES

- Akmeology: textbook society / ed. A.A. Derkach. – M.: RAGS, 2002.
- Ananiev B.G. Man as an object of knowledge. – M., 1969.
- Belokurova M. Acme and development of human individuality // Training Center Tertion. – URL: <http://www.terton.ru/biblioteka/akme-i-razvitie-individualnosti-cheloveka.html>
- Derkach A., Orban L.E. Acmeological bases of the psychological and professional maturity of the individual. – M.: RAGS, 1995.
- Derkach Anatoly // Akmeology and psychology profession. – URL: http://www.acmeology.com/derkach_anatoliy.shtml
- Druzhilova SA Category of "establishment" and "development" in relation to professional persons // Psychology profession and professionalism. – URL:

<http://druzhilov.ru/articles/person/категории-становление-и-развития-пр/>

7. Sukhodolsky G. Fundamentals of the psychological theory of activity. – L., 1988.

GENERAL PSYCHOLOGY

Artamonov D.G.

Psychological aspects of the analysis of works of art

The annotation: in article features of theoretical directions of psychological researches of works of art are considered. Existing possible classifications of interoperability of psychology and an aesthetics and the review of methodical approaches are resulted.

Keywords: psychology of art, psychosemantics, scientific methodology, aesthetics.

REFERENCES

1. Vygotskii L.S. Thinking and speech // Selected psychologist. study. – M.: APN RSFSR, 1956. – 519 p.
2. Zinchenko V .P. Psychological Aspects of Art's Influence on Man // Cultural-historical psychology. – 2006. – № 4. – P. 3–21.
3. Petrenko V .F. Fundamentals of psihoosemantiki. – SPb., 2005. – 480 p.
4. Semenov V .E. Catharsis and antikatarsis: socio-psychological approach to the effects of art // Questions of psychology. – 1994. – № 1. – P. 116–122.
5. Stepanova M.A. Psychological literature person // Questions of psychology. – 2006. – № 3. – P. 109–122.
6. Tarasov G.S. On the psychology of art // Questions of psychology. – 1992. – № 1. – P. 105–111.
7. Elkonin D.B. Selected psychological works. – M.: Pedagogy, 1989. – 560 p.

Grimoltanova R.

Methodology of a secondary image perception

Each of external reality finds the reflection within some model in the inner world of the personality created by means of specific activity, expressed during of perception. All information perceived from outside person receives in the beginning as the separate primary feelings, but everything, that is perceived, refracts through a prism of learning and understanding and then it becomes some mental construct, image of reality.

Keywords: image in psychology, image of the world, mental image, construction of separate mental images,

structure of the mental image, interpersonal perception, social cultural experience of the individual, formation of an image of the world, not complete image, transformation of an image.

REFERENCES

1. Vasilyuk F.E. Structure of an image // Psychology questions. – 1993. – № 5. – P. 10.
2. Golovin S.YU. Dictionary of the practical psychologist. – Minsk: Harvest, 1998.
3. Kyugler P. Mental images as the bridge between the subject and object // JungLand. – URL: <http://www.jungland.ru/node/1040>
4. Leontiev A.N. To psychology of an image // Bulletin of the Moscow university. Ser. 14. Psychology. – 1986. – № 3. – P. 76.
5. Leontief D.A. Sense psychology: nature, structure and dynamics of semantic reality. – M.: Publishing house «Sense», 2003. – P. 170.
6. Image // Мир психологии. – URL: <http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word=574>.
7. Smirnov S.D. Psychology of an image: problem of activity of mental reflection. – M., 1985. – P. 10.
8. Smirnov S.D. Concept «an image of the world» and its value for psychology of informative processes // A.N. Leontev and modern psychology. – M., 1983. – P. 149.
9. Toffler E. Third wave: translation from English. – M.: AST, 2004. – P. 263.

Lagodina E.V.

Architecture as a text. Semiotic analysis of architectural space

Semiotic studies as a branch of science зародилось originated in the 60s of the 20th century as an analytical tool for exploring systems of signs and mechanisms of emergence of meanings. Semiotic studies have extended fairly quickly over the large area of various scientific fields not related to each other at the first sight. In the present study semiotic interpretation of architectural space is explored. Apart from the direct functional content architecture contains a plethora of visual and ideological messages. The purpose of the present study is to reflect this issue and to examine how the stated topic has been represented in both Russian and global scientific schools.

General review of semiotic interpretation of space is given as well as the main approaches to the issue and the most prominent researchers of Russian tradition of semiotics of architecture are represented.

Keywords: semiotics, architecture, space, form, environment, text, context.

REFERENCES

1. Ageev V .N. Semiotics: Tutorial. – M.: All World, 2002.
2. Asisyan I .A. Theory of architecture in the field of humanities // Academy RAASN. – 2006. – № 3. – P. 11–15.
3. Asisyan I .A. Philosophical questions of interrelation of architecture and culture // Academy RAASN. – 2008. – № 1. – P. 44–47.
4. Arnheim P. Art and visual perception. – M.: Architecture-S, 2007.
5. Vilkovsky M.B. Sociology of architecture. – M., 2010.
6. Vilkovsky M.B. Issues of systematic approach in the sociology of architecture // Social politics and sociology. – 2008. – № 5. – P. 208–212.
7. Glasyshev V .L. Urban studies. – M.: Europe, 2008.
8. Ikonnikov A.V . Space and form in architecture and urban planning. – M.: Kom–Kniga, 2006.
9. Lotman Y.M. Semiosphere. Culture and explosion. Inside of thinking words: Articles. Studies. Notes. – SPb.: Art SPB, 2000.
10. Lotman Y.M. Articles on semiotic studies of culture and art. – SPb., 2002.
11. Makhlina C. Semiotics of culture and art: Dictionary – Reference Book. – SPb.: Compositor, 2003.
12. Semiotics of Art. – M., 1995.
13. Semiotics. Anthology: Handbook / L.L. Fedorova. – M.: Edition Ippolitovo, 2005.
14. Semiotics of space / Anthology. A.A. Barabanov. – Yekaterinburg: Arhitekton, 1999.
15. Eco U. Absent structure. Introduction to semiology. – SPb.: Simposium, 2006.
16. Chertov L. Semiotics of visual and spacial codes and its relations to other disciplines. – M., 2005.

EDUCATIONAL PSYCHOLOGY

Gorenshtein N.I .

Memory of Holocaust – one of aspects of creating a tolerant self-consciousness

Questions of tolerant youth interrelationship in view of historical lessons of World War II and Holocaust. The research subjects are young people of age of 18 to 26 years old.

Keywords: Holocaust, interethnic conflicts, tolerance, extremism.

REFERENCES

1. Altman I ., Prokudin D. We cannot remain silent: Pupils and students about the Holocaust. Issue 7. – M.: Center Foundation and "Holocaust", 2010.

2. Magazine "Lechaim". – 2011. – August. – AB 5771–8 (232).
3. http://bd.fom.ru/report/cat/internat_ro/d072725
4. <http://www.moshekantor.com/ru/news/5346/>

Zaburdenko A. A.

Didactic bases of development of alternative positioning as competences at students of a different informative orientation

In article possibilities of development of alternative positioning at experts of a different informative orientation are considered, the active techniques planned to use at the solution of pedagogical problems for the purpose of formation of alternative thinking are discussed.

Keywords: pedagogical activity, alternative positioning, stereotypic thinking, active methods.

REFERENCES

1. Berezina T.N. Development of abilities as humanistic component of education // Alma mater Messenger of the higher school. – 2009. – № 7.
2. Bordovsky N.V ., Rean A.A. Pedagogics: the textbook for higher education institutions. – SPb.: Peter, 2000. – 304 p.
3. Granovsky R.M. Elementy of practical psychology: the 2-nd prod. – L.: Publishing house of the Leningrad university, 1988. – 560 p.
4. Petrov V .N. Pedagogical cooperation or when to be pleasant to study and teach. – M.: September, 1999. – 128 p.
5. Smironov S.D. Pedagogics and psychology of the higher education: from activity to the personality. – M: Aspect Press, 1995. – 271 p.

Masina A.K. (Padashul A.K.)

Research of features of manifestation of a syndrome of deficiency of attention and hyperactivity at children of preschool age

In article the problem research of features of manifestation of a syndrome of deficiency of attention and a hyperactivity at children of preschool age is discussed. Feature of carrying out diagnostic procedures on identification at children of preschool age of SDVG reveals. 86 children took part in inspection about a syndrome of deficiency of attention and a hyperactivity 5–6 summer age.

Keywords: syndrome of deficiency of attention and hyperactivity, diagnostics, research methods.

REFERENCES

1. Artsishevsky I .L. Work of the psychologist with hyper active children in kindergarten. – M., 2005. – 98 с.
2. Bryazgunov I .P., Kasatikova E.V . The restless child or All about hyper active children. – M.: Psychotherapy, 2008. – 208 с.
3. Gabdrakipova V .I ., Eydemiller E.G. Psychological correction of children with a syndrome of deficiency of attention and a hyperactivity (taking into account their sexual distinctions): program, methodical recommendations. – M: UTs «Prospect», 2009. – 44 с.
4. Zaporozhets A.V . Role's of preschool education in the general process of a full development of the human person // Preschool education. – 2005. – N 9. – P. 66–69.
5. Monina G.B., Lyutova-Roberts E.K., Sensitivity L.S. Hyper children: psychology-pedagogical help: Monograph. – SPb.: Speech, 2007. – 186с.
6. Polic O.I . Children with a syndrome of deficiency of attention and a hyperactivity. – SPb.: Speech, 2008. – 208 с.
7. Barkley R.A. Behavioral ingibition, sustained attention, and executive functions: constructing a unifying theory of attention deficit hyperactivity disorder // Psychopharm. Bull. – 1997. – Vol. 121.

Артамонов Денис Геннадьевич

аспирант кафедры общей психологии и психологии развития факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
 г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: (863) 2303257; *e-mail:* DENISARTAM@gmail.com

Афанасенко Инна Владимировна

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
 г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: (863)2303247; *e-mail:* afinna@mail.ru

Горенштейн Наталья Ильинична

аспирант кафедры общей психологии и психологии развития факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
 г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: (863) 2303257; *e-mail:* gn88@rambler.ru

Гримсолтанова Разет Эльбрусовна

ст. преподаватель Чеченского государственного университета. Соискатель общей психологии и психологии развития факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
 г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: (863) 2303257; *e-mail:* Razet_grims@mail.ru

Доценко Игорь Александрович

аспирант кафедры общей психологии и психологии развития факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
 г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: (863) 2303257; *e-mail:* tuta77999@rambler.ru

Дроздова Елена Валерьевна

аспирантка кафедры социальной психологии факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
 г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: (863) 2303237; *e-mail:* lilien_sw@mail.ru

Забурденко Анна Андреевна

преподаватель МБОУ лицей № 3, аспирант кафедры общей психологии и психологии развития факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
 г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: (863) 2303257; *e-mail:* zabyrdenko.anna@yandex.ru

Качанов Александр Федорович

аспирант кафедры общей психологии и психологии развития факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,

Artamonov Denis Gennadievich

postgraduate education of the department of the general psychology of the psychological faculty of SFU
Official address: 13, M. Nagibina Ave.,
 Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: (863) 2303247; *e-mail:* DENISARTAM@gmail.com

Afanasenko Inna Vladimirovna

senior lecturer of chair of psychology of the identity of faculty of psychology SFU
Official address: 13, M. Nagibina Ave.,
 Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: (863) 2303247; *e-mail:* afinna@mail.ru

Gorenshtein Natalia Ilinichna

postgraduate education of the department of the general psychology of the psychological faculty of SFU
Official address: 13, M. Nagibina Ave.,
 Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: (863) 2303247; *e-mail:* gn88@rambler.ru

Grimsoltanova Razet El'brusovna

postgraduate education of the department of the general psychology of the psychological faculty of SFU
Official address: 13, M. Nagibina Ave.,
 Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: (863) 2303247; *e-mail:* Razet_grims@mail.ru

Dotsenko Igor Alexandrovich

postgraduate education of the department of the general psychology of the psychological faculty of SFU
Official address: 13, M. Nagibina Ave., R
 ostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: (863) 2303247; *e-mail:* tuta77999@rambler.ru

Drozdova Elena Valeryevna

graduate student of the 1st year of training, chair of social psychology, ф. psychology, SFU
Office address: 13, M. Nagibina Ave.,
 Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: (863) 2303237; *e-mail:* lilien_sw@mail.ru

Zaburdenko Anna Andreevna

teacher, MBOW Lyceum N 3, postgraduate education of the department of the general psychology of the psychological faculty of SFU
Official address: 13, M. Nagibina Ave.,
 Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: (863) 2303247; *e-mail:* zabyrdenko.anna@yandex.ru

Kachanov Alexandr Fedorovich

post-graduate year of study a department of general psychology and developmental psychology of the psychological faculty of SFU

г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: (863) 2303257; e-mail: ka4anoff@mail.ru

Киреева Людмила Евгеньевна

аспирантка кафедры психологии личности факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: (863) 2303247;
E-mail: vashhlyudmila@yandex.ru

Лагодина Елена Владимировна

аспирантка кафедры общей психологии факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: (863) 2303217; e-mail: mugelastic@gmail.com

Мазина Алена Константиновна

заместитель заведующего МБДОУ ЦРПН №75 г. Шахты Ростовской области
Служебный адрес: проезд 3-й микрорайон д. 1,
г. Шахты, Ростовской обл., 346519
Тел.: (8636) 238116; e-mail: padashylak@mail.ru

Мустафаева Эльмира

аспирантка кафедры социальной психологии факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: (863) 2303237; e-mail: littlekristal@yandex.ru

Обухова Юлия Владимировна

аспирантка кафедры психологии личности факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: (863) 2303247; e-mail: uvobukhova@yandex.ru

Погонцева Дарья Викторовна

кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры социальной психологии, факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: (863) 2303237; e-mail: dashapgn@rambler.ru

Ташёва Анна Ивановна

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: (863) 2300994; e-mail: annaivta@mail.ru

Official address: 13, M. Nagibina Ave.,
Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: (863) 2303247; e-mail: ka4anoff@mail.ru

Kireeva Lyudmila Evgenevna

post-graduate student at the Psychology Faculty, Personality Department Southern Federal University
Office address: 13, M. Nagibina Ave.,
Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: (863) 2303247; e-mail: vashhlyudmila@yandex.ru

Lagodina Elena Vladimirovna

postgraduate student of the department of general psychology of the psychological faculty of SFU
Official address: build.13 avenue M. Naguibina,
Rostov-on-Don, 344038
Tel.: (863) 2303247; e-mail: mugelastic@gmail.com

Mazina Alyona Konstantinovna

Deputy Head of MBDOU CRD number 75 the Rostov region
Official address: Passage third district, 1,
Shakhty, the Rostov Region., 346 519
Tel.: (863) 238116; e-mail: padashylak@mail.ru

Mustafayeva Elmira

postgraduate student of Social psychology department SFU
Office address: 13, M. Nagibina Ave.,
Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: (863) 2303237; e-mail: littlekristal@yandex.ru

Obukhova Yulia Vladimirovna

post-graduate student at the Psychology Faculty, Personality Department Southern Federal University
Office address: 13, M. Nagibina Ave.,
Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: (863) 2303247; e-mail: uvobukhova@yandex.ru

Pogontseva Darya Victorovna

Ph.D., senior lecturer in social psychology, the psychology department of SFU
Office address: 13, M. Nagibina Ave.,
Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: (863) 2303237; e-mail: dashapgn@rambler.ru

Tashcheva Anna Ivanovna

candidate of psychological sciences, associate professors of Personality Department Southern Federal University
Office address: 13, M. Nagibina Ave.,
Rostov-on-Don, 344038, Russia
Tel.: (863) 2300994; e-mail: annaivta@mail.ru

Федосова Юлия Дмитриевна

аспирантка кафедры социальной психологии факультета психологии ЮФУ

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
г. Ростов-на-Дону, 344038

Тел.: (863) 2303237; *e-mail:* fedosova.y@inbox.ru

Fedosova Yulia Dmitrievna

postgraduate student of Social psychology department SFU

Office address: 13, M. Nagibina Ave.,
Rostov-on-Don, 344038, Russia

Tel.: (863) 2303237; *e-mail:* fedosova.y@inbox.ru

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Требования к публикациям

Статьи принимаются в распечатанном и электронном вариантах в формате редактора Word, набранные 14-м кеглем через 1,5 компьютерных интервала (все поля по 2,0 см), объемом от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. При наборе использовать стандартные гарнитур шрифта: Times или Arial.

Цитированная в статье литература (автор, название, место, издательство и год издания) приводится в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи. Литература на иностранных языках дается после отечественной. В тексте ссылка на источник делается путем указания (в квадратных скобках) порядкового номера цитируемой книги или статьи через запятую – цитируемых страниц (например, [42, с. 561]). Рисунки представлять на дискете отдельными файлами в формате TIF или PDF с распечатками и перечнем подрисовочных подписей. Допускается представление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи.

К статье прилагаются **аннотация и ключевые слова** объемом не более 0,5 стр., а также **сведения об авторе:**

- 1) фамилия, имя и отчество;
- 2) домашний почтовый адрес с индексом, телефон;
- 3) специальность, ученое звание;
- 4) место работы и должность, почтовый адрес места работы, с индексом, служебный телефон;
- 5) электронный адрес (e-mail)

**Сведения об авторе, название статьи,
аннотацию и ключевые слова
следует предоставить также
и на английском языке.**

Статьи аспирантов печатаются бесплатно.

По всем вопросам публикаций обращаться по адресу:
344038, Ростов-на-Дону, пр. Нагибина, 13, ком. 243, редакция
Тел. (863) 243-15-17; E-mail: rpj@psyf.rsu.ru, rpj@bk.ru
Часы работы
понедельник – пятница 13.00-18.00
суббота, воскресенье – выходной